ВЛАДИМИР ГЕССЕН

В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ

(Записки Эмигранта)

ПЕТЕРБУРГ — БЕРЛИН — ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК

ВЛАДИМИР ГЕССЕН

В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ

(Записки Эмигранта)

ПЕТЕРБУРГ — БЕРЛИН — ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК

НЬЮ ЙОРК
1974

STRUGGLE FOR LIFE

(Memories of an emigre)

by Vladimir Hessen

Published by Rausen Publishers and Distributors
124 West 72nd Street
New York, New York 10023
Tel.: (212) 874-1547

Printed in USA by Waldon Press, Inc.

Вступление

Несколько слов о нашей семье. Нас было шесть братьев, но родной брат был у меня один. Звали его Георгием и был он на год моложе меня. Три старших брата были от первого брака моей матери. Она отличалась исключительной красотой и вышла замуж, когда ей было 17 лет.

Четвертый брат — Сергей — был прижит моим отцом в ссылке. Попал отец в ссылку прямо со студенческой скамьи и провел три года на далеком Севере, в Устьсысольске.

Было это в восьмидесятых годах прошлого столетия, никакого железнодорожного сообщения с Устьсысольском не было и отца везли в ссылку на лошадях. Ехали днем и ночью. Чтобы ссыльный не сбежал, отца сопровождали два урядника.

На восьмой день доехали до намеченной цели. Добрались до Устьсысольска. В то время это была еще большая деревня с одним только каменным зданием.

В 1887 году в этой деревне родился брат Сергей, которому суждено было стать очень известным философом и педагогом. Он с отличием окончил Гейдельбергский университет и во время первой мировой войны получил кафедру в Томском университете. После революции оставил Россию. Получил кафедру в Праге, а оттуда переехал в Варшаву, где читал лекции в местном университете. В Польше он пережил все

события второй мировой войны и был вместе с университетом эвакуирован из Варшавы в Лодзь. Там он вскоре скончался. Не выдержало сердце. Было это в 1948 или 1949 годах, когда я был уже в Нью Йорке.

Сын Сергея — талантливейший поэт Евгений — погиб совсем молодым в одном из гитлеровских лагерей смерти.

В нашей семье был еще один подававший большие надежды поэт. Звали этого брата Эрнестом. Он тоже скончался молодым от гнойного аппендицита. Операция была сделана слишком поздно. Да и тех чудодейственных средств, вроде пенициллина, которые имеются теперь, тогда еще не было.

Несчастье с братом произошло поздней весною, когда мы жили на даче в Царском селе. Эрнест нас часто навещал. Очень отчетливо помню его последний приезд. Он усадил меня на диван и читал наизусть пушкинские стихи. Через неделю его не стало.

Кончина Эрнеста была моей первой встречей со смертью и она навсегда врезалась в память. Нас — двух младших братьев — Георгию было 9 лет, а мне — 10, не взяли на похороны Эрнеста. О смерти старшего брата я узнал по наряду матери — она вернулась из Петербурга на дачу в глубоком трауре и не снимала его в течение многих месяцев.

Старший единоутробный брат — Роман, по образованию юрист — трагически погиб в Париже. В столицу Франции он приехал незадолго до второй мировой войны. После прихода немцев попал в уличную облаву, просидел какое-то время в лагере под Парижем Дранси, а затем бесследно исчез. Стал жертвой гитлеровской газовой печи.

Другой брат — Семен — был выдающимся историком. За свою дипломную работу он был награжден

золотой медалью и оставлен при Петербургском университете. После революции проделал все этапы нашей семьи. Сперва Финляндия, затем Берлин, после Париж и, наконец, Нью Йорк, куда он приехал одновременно со мною, после окончания второй мировой войны.

В Нью Йорке ему не повезло. Он никак не мог устроиться, сильно нервничал и через несколько лет после приезда в США скончался от сердечного припадка.

Последним ушел из жизни мой единственный родной брат Георгий, с которым я вместе рос и учился. Для меня это был страшный удар, тем более что смерть его явилась полной неожиданностью. До Нью Йорка он добрался за четыре года до меня. Он был принят на службу в Организацию Объединенных Наций и быстро превратился в одного из лучших устных переводчиков. Там он проработал до самой смерти. Последние годы проводил осень и зиму в Нью Йорке, а ранней весной уезжал в Женеву.

В 1971 году, после возвращения из отпуска, проведенного в Европе, со мною приключился тяжелый сердечный припадок. Произошло это в ночь с 7 на 8 августа. На следующий день вернулся в Нью Йорк Георгий. Он навещал меня ежедневно в больнице, иногда приходил утром и вечером.

Несмотря на пессимистические прогнозы врачей, — я довольно быстро оправился и вернулся домой. Но частые визиты брата не прекратились. Он приходил обычно к обеду и ни на что не жаловался. А затем гром ударил из ясного неба. Он зашел как-то вечером к нам, по обыкновению вернулся рано домой, а на следующий день почувствовал себя плохо. Вместо того, чтобы немедленно вызвать врача, Георгий провозился до поздней ночи, когда ему стало совсем невмоготу.

Племянница с мужем отвезли брата в ту же самую больницу, врачи которой спасли мою жизнь. Но спасти жизнь Георгию им не удалось. Через несколько часов он скончался от сердечного припадка. Произошло это ровно через два месяца после моей болезни. Он ушел в ночь с 7 на 8 октября.

В то время я еще не совсем оправился от перенесенного сердечного припадка и врачи решительно запретили мне отдать последний долг брату: попрощаться с ним, присутствовать на его похоронах.

После этой утраты я остался один-одинешенек из всей нашей семьи, и решил поэтому, что на меня выпал долг изложить на бумаге все виденное и пережитое.

Автор

Нью Йорк, 1973 год

Петербург

Квартира на Малой Конюшенной

Родился я в Царском селе, которое теперь называется городом Пушкина, и с раннего детства мне запомнилось на всю жизнь стихотворение Пушкина «19 октября», посвященное юбилею родного поэту Царскосельского лицея. Его очень любил декламировать отец.

В этом стихотворении есть следующие строки:

«Куда бы нас не бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское село».

Жили мы постоянно в Петербурге. У нас была большая квартира в доме Шведской церкви, на Малой Конюшенной. Эта улица, переменованная ныне в улицу Перовской, впадает в Невский проспект, как раз напротив Казанского собора.

В доме, где мы живем, пять этажей. Наша квартира — на третьем. Против нас — на этаже всего две квартиры — живет мой главный враг дантист, которого я страшно презираю. Меня несколько раз водили к нему, он делал мне очень больно и я дал себе слово не переступать больше порога его квартиры. Теперь, когда у меня болит зуб, — я молчу и мучаюсь но никому не жалуюсь, а с дантистом демонстративно прекратил здороваться. Уговоры и угрозы бонны-швейцарки, приехавшей в Россию, чтобы обучать детей французскому языку, не дают никаких результатов. Я твердо стою на своем и когда встречаю дантиста делаю вид, что его не замечаю.

У нас в квартире шесть комнат. В передней три двери. Дверь направо ведет в библиотеку покойного брата, скончавшегося от перитонита. Покойный был исключительно даровитым поэтом и после него осталась большая библиотека, которая была перевезена к нам на квартиру. Все стены комнаты уставлены книжными шкафами. Среди книг преобладает поэзия и комплекты самых передовых журналов того времени.

Дверь налево ведет в гостиную, в которой тоже много книжных шкафов. Большинство книг с посвящениями отцу. Ведь он очень видный политический и общественный деятель — член Государственной Думы второго созыва, редактор влиятельного юридического журнала «Право» и органа партии конституционных демократов (кадетов) «Речь».

В той же комнате стоит рояль, на котором часто играет Сергей Прокофьев, на стенах висят произведения выдающихся русских художников — Бенуа, Рериха и других, а в одном из углов красуется на пьедестале сделанная из мрамора и привезенная из Парижа копия знаменитой Венеры Милосской.

Дверь из гостиной ведет в отцовский кабинет. У окна стоит письменный стол, а рядом с дверью в столовую — большое удобное кресло и уставленная книгами вертящаяся этажерка. Я обожаю сидеть в этом кресле и когда нет отца, который мало времени проводит дома, пробираюсь в кабинет и с важным видом усаживаюсь в кресло.

Кабинет соединен дверью с родительской спальней, за которой находится наша детская, т.е. комната брата и моя. Посередине комнаты долго стояли парты, которые затем были заменены большими письменными столами. Чтобы мой стол отличался от стола брата, я вынужден был пойти на уступку — выбрать себе

такой стол, который мне меньше нравился. У брата стол лакированный, а мой — без лака. По примеру отцовского кабинета, столы стоят у окна.

Комната наша большая. Расстояние между кроватями — шагов пять-шесть. Когда мы идем спать и в комнате тушат свет, — у нас новое развлечение — протягиваем между кроватями веревку и переправляем друг другу по этой веревке небольшие коробочки со стеклянными шариками. Эти шарики пользуются у нас очень большим успехом.

Третья дверь из передней ведет в большую столовую, к которой прилегает маленькая телефонная комната. Тут стоит самая интересная для меня игрушка — телефон. Номер этого телефона я запомнил — 36-20. Мне еще не с кем по телефону разговаривать, так как всего 7 лет. Тем не менее, как только раздается звонок я мчусь в комнату и пытаюсь первым поднять трубку телефона.

Кстати, у нас в квартире два телефона. Второй стоит в отцовском кабинете и не значится в телефонной книге. Пользуется им только отец. Номер этого телефона совершенно испарился из памяти. Помню только, что номер был пятизначным.

По воскресеньям я встаю раньше всех, тихо одеваюсь и пробираюсь в гостиную, где лежат доставленные отцу воскресные номера всех столичных газет. Больше всего меня интересует, конечно, Петербургский листок. В этой газете уделяется особенно много места всяким происшествиям и это страшно интересно!

Я ложусь на ковер, раскрываю газету и погружаюсь в чтение. Времени у меня мало. Занятие это запретное и, как только просыпается дом, я поспешно складываю газету во избежание мелких неприятностей...

Выборгское училище

Наша улица примечательна вербными базарами. На базарах этих продавались «чертики», «морские жители» в наполненных водою пробирках и всякая снедь. Чего там только не было!

Вербный базар начинался за две недели до Пасхи, тянулся целую неделю и тогда на нашей улице не было проходу. Шум и гам стояли с утра до позднего вечера. Торговцы зазывали к своим, построенным из досок, маленьким киоскам и соблазняли своими товарами.

Детям на этих базарах было раздолье, — столько там продавалось интересного и занимательного. Помню, что оторвать меня от этого зрелища было задачей почти безнадежной. Без нового «чертика» или «морского жителя» я наотрез отказывался итти домой и постоянно добивался своего.

От Малой Конюшенной отходил крошечный Шведский переулок, соединявший ее с Большой Конюшенной. Главной примечательностью этой улицы было Гвардейское экономическое общество. Это был огромный универсальный магазин, пожалуй, самый большой во всем Петербурге и бывать там мне очень нравилось.

Теперь все эти улицы переименованы. Посетить нынешний Ленинград мне до сих пор не удалось. Но несколько лет тому назад там был мой брат. Он отыскал наш дом, который благополучно пережил страшные годы второй мировой войны. Подняться в нашу квартиру мой брат не решился.

Учились мы в передовой школе Петербурга — Выборгском коммерческом училище. Называлось оно так, потому что находилось на Выборгской стороне и было примечательно совместным обучением. Таких училищ было в столице всего два — наше и школа Шидловского.

Среди учеников нашего училища были дети выдающихся политических деятелей — дочь Милюкова, сыновья Струве, дети лидера эс-эров Виктора Чернова. Дочь его — Вера — была в одном классе со мною. Другой ученицей нашего класса была дочь Троцкого — Нина Бронштейн. Внешне она очень напоминала отца. Училась она плохо и после Октябрьской революции ушла из школы.

Я сидел на скамье с сыном П. Б. Струве Львом, который умер молодым в эмиграции.

После революции посещение уроков Закона Божия стало необязательным. Но этой привилегией воспользовался только один ученик — другой сын Струве Константин, постригшийся в эмиграции в монахи.

Арест отца. С. Ю. Витте

Из самых ранних впечатлений сохранился в памяти арест отца. Было мне тогда года три-четыре. Спал я в одной комнате с братом, который был моложе меня на один год.

Мы спали крепким сном, когда нас разбудили среди ночи и в комнату вошел отец. Он поцеловал нас и вышел. Мать была взволнована, а мы, конечно, совершенно не понимали, что происходило.

Об этом аресте упоминает С. Ю. Витте. Воспоминания его были изданы впервые отцом в Берлине и много лет спустя переизданы в трех томах в Советском Союзе. Интересно отметить, что в этом издании было перепечатано предисловие отца.

Касаясь конституционно-демократической партии, видным членом которой был отец, Витте пишет:

«После вступления мною в должность председателя Совета министров, т.е. в течение ближайших дней после 17 октября, был у меня И. В. Гессен. Это был один из

деятелей этой партии, особенно в смысле публицистическом... Ранее я его знал, так как он служил в министерстве юстиции при Муравьеве, а затем он был замешан в политическое дело и при министре внутренних дел князе Святополк-Мирском вместе с Милюковым угодил в тюрьму. Тогда жена его, которую я не знал, обратилась ко мне, прося выручить ее мужа, и вследствие моего вмешательства он был освобожден. Так вот этот Гессен явился ко мне, чтобы узнать, как я буду относиться к партии кадетов».*

В другом месте своих «Воспоминаний» Витте дает такую характеристику отца:

«Он на меня произвел впечатление умного и знающего человека, говорил о наших, всем культурным людям известных беспорядках и в особенности о том, как Муравьев совершенно обезобразил судебные учреждения, но никакой пользы из этих разговоров я не извлек».**

Отец, со своей стороны, был очень высокого мнения о Витте. Вот что он пишет о Витте в своей книге «В двух веках»:

«На мой взгляд он был самым выдающимся государственным деятелем пореформенной России. Какое бы место он ни занимал, он делал его заметным, осуществляя благочестивое пожелание поговорки, что не место красит человека, а человек место. В его карьере не было ничего случайного: неуклонно повышаясь он раньше или позже должен был дойти до поста министра».

Еще одно из ранних воспоминаний. В 1907 году собралась Государственная Дума второго созыва. Отец был избран депутатом от Петербурга. Время было

* С. Ю. Витте — Воспоминания. М. 1960 г., т. III, стр. 221.
** С. Ю. Витте — Воспоминания. М. 1960 г., т. II, стр. 373.

очень беспокойное — то и дело происходили нападения черносотенцев и у нас были приняты чрезвычайные меры предосторожности. Отец избегал ходить пешком и на думские заседания в Таврическом дворце ездил в карете. Иногда мы, т.е. брат и я, провожали отца. Для нас это был, конечно, настоящий праздник. С нами ехала няня, знаменитая Василиса, которую мы очень любили. Когда мы подросли Василиса превратилась в кухарку и оставалась у нас до нашего отъезда из России.

Во время этих поездок мы причиняли много забот бедной Василисе. Нам очень хотелось познакомиться поближе со впряженными в карету лошадьми — тронуть их за ногу, потянуть за хвост или угостить кусочком сахара. Таким образом, Василисе приходилось смотреть за нами в оба, крепко держать нас за руки и не отпускать ни на шаг.

Однажды когда мы торжественно ехали с отцом в Государственную Думу, лошади, испугавшись автомобиля, который тогда был диковинкой, понесли. Кучер справиться с ними не смог и потребовалось вмешательство двух бравых городовых. Рискуя жизнью, они схватили лошадей под уздцы и остановили карету.

Происшествие это произошло днем, а вечером наши «спасители» явились к нам на дом за «чаевыми» и были щедро вознаграждены матерью.

Департамент полиции

Газета «Речь» была создана в конце февраля 1906 года. В редакции, которая помещалась на улице Жуковского, отец проводил часть дня и ночи. Он приходил в редакцию около 2 часов дня и оставался до 6 с половиной, а потом вторично появлялся около по-

луночи, и уходил домой между двумя и тремя часами ночи.

По ночам отец ездил в редакцию на извозчике. Это было хорошо известно департаменту полиции. И каждую ночь за извозчиком отца следовал агент департамента в пролетке. Он следил, едет ли отец действительно на улицу Жуковского в редакцию газеты, или на какое-нибудь тайное собрание. Отец привык к этой слежке и не обращал на нее никакого внимания.

Злую шутку над сыщиками проделал один из главных репортеров «Речи» Лев Моисеевич Клячко, писавший под псевдонимом «Львов». Как-то он заметил за собою слежку, и принялся объезжать на извозчике петербургские рестораны. В каждом он задерживался на полчаса, выпивал рюмку водки и закусывал пирожком. Сыщик от него не отставал: он ждал Клячко у каждого ресторана и отчаянно мерз в своей пролетке. Было это ранней весной и в Петербурге стояла холодная погода.

Объезд ресторанов начался часов в 8 вечера и окончился в 2 часа ночи. Из последнего ресторана Клячко вызвал по телефону какого-то черносотенного генерала, велел поднять его с постели и сообщил ему, что на еврейском кладбище генералу приготовили место. После этого телефонного звонка репортер вернулся домой.

Кстати, этот Клячко претендовал на преемство Бловица, того знаменитого репортера, который во время Берлинского конгресса 1878 года умудрился спрятаться под столом, за которым происходило обсуждение мирного договора, и опубликовать в лондонском «Таймзе» содержание исторического документа, еще до его подписания.

Клячко-Львов был знаменит своими связями в сфе-

рах. Он проникал во все министерства, был знаком со всеми министрами и доставлял газете сенсационные сообщения.

Благодаря своим бюрократическим связям Львов — совершенно бескорыстно — успешно облегчал положение своих единоверцев. Его день начинался с приема посетителей — почти исключительно евреев, и главным образом именно по вопросам правожительства. Просителей, по мере того как слава росла, набиралось все больше, ежедневно до 20-30 человек.

В эмиграции отец написал статью памяти Клячко.

«Он бравировал, пишет отец, сверхъестественной пронырливостью и развязностью и смутить его было невозможно ничем. Кокетливо он подчеркивал свое политическое невежество; если какое-нибудь сообщение вызывало сомнение в достоверности, он ссылался на свою неспособность выдумать: «я ровно ничего не понимаю, что имярек мне продиктовал».

Звание у Клячко было довольно неожиданное: помощник провизора — он и вправду никакого отношения к аптекарской профессии фактически не имел. Так как среди репортеров было еще три таких же фармацевта, то Набоков однажды на редакционном обеде спросил: «Никак не пойму, почему у нас столько помощников провизора?» «А понимаете ли вы, — огрызнулся Клячко, что такое правожительство? Не понимаете? Ну, в том-то и дело». А дело было в том, что это звание давало евреям правожительство вне черты оседлости, — правда лишь под условием занятия своей профессией, но на фактические отступления администрация частенько смотрела (умела смотреть) сквозь пальцы».

«Право» и процесс Бейлиса

По четвергам в нашей квартире происходили редакционные заседания «Права». Членами редакции были виднейшие юристы — профессора Петербургского университета Л. И. Петражицкий, М. Я. Пергамент, А. И. Каминка, Б. Э. Нольде. Последний занимал большой пост в министерстве иностранных дел и после Февральской революции, во Временном правительстве, был товарищем министра при П. Н. Милюкове.

В составе редакции был и В. Д. Набоков. За свою статью «Кровавая баня», появившуюся в «Праве» и посвященную еврейскому погрому в Кишиневе, Набоков был лишен камергерского звания и устранен от преподавания в аристократическом училище правоведения.

В связи с «Правом» хочется упомянуть о нашумевшем процессе Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве. Процесс слушался в Киеве, приговор был вынесен днем и в газеты попал только на следующий день.

День вынесения приговора мне запомнился на всю жизнь. У нас беспрерывно звонил телефон. Незнакомые люди справлялись о решении присяжных, от которого зависела судьба Бейлиса. Отец поручил брату и мне подходить к телефону и ограничиваться одним словом — «оправдан».

Воскресные «журфиксы»

По воскресеньям у нас, на Малой Конюшенной, были «журфиксы». На этих приемах бывали выдающиеся люди — писатели, артисты, художники, политические деятели.

Особенно мне запомнился Александр Николаевич

Бенуа, постоянно бывавший у нас в доме со своей очаровательной женой Анной Карловной. В гостиной, кстати сказать, висели его прелестные акварели с видами Петербурга.

Частым гостем был также молодой композитор Сергей Прокофьев, звезда которого только-только восходила. Он охотно садился за рояль и исполнял свое новое произведение. Критики он никакой не терпел и часто вступал в споры с видным музыкальным рецензентом «Речи» В. Г. Каратыгиным.

На одном из приемов во время первой мировой войны, в начале ноября 1915 года, были у нас на Малой Конюшенной Сергей Есенин и Николай Клюев. Пришли они в крестьянских поддевках, подстриженные в скобку. Народу у нас в тот вечер было много и поэты читали свои стихи. Вспоминаю, что стихи Клюева понравились мне больше стихов Есенина.

Точную дату этого визита мне удалось установить совершенно случайно в Нью Иорке. В коллекции моего молодого приятеля Никиты Лобанова-Ростовского отыскался рисунок Бенуа, изображающий Есенина. На рисунке этом имеются столь любимые этим выдающимся художником примечания, из которых следует, что Бенуа рисовал Есенина «на квартире у Гессенов» и указана дата — начало ноября 1915 года.

Чуковский и Репин

Среди постоянных посетителей был и Корней Чуковский, сотрудничавший в газете отца «Речь». Помню, когда разразилась первая мировая война, в Петербурге, вскоре переименованном в Петроград, был устроен какой-то уличный сбор. Брат и я получили кружку и отправились собирать пожертвования. К концу дня мы

попали в редакцию «Речи», на улице Жуковского. В кабинете отца был Чуковский. В руках он держал английский журнал, который назывался «Russia».

Чуковский показал нам журнал и обещал опустить в кружку рубль, если мы правильно прочтем название журнала. Как мы ни старались, сделать этого нам не удалось и рубля от Чуковского мы так и не получили. Но над нами сжалился отец. Он сказал, что опустит в кружку рубль, если мы откажемся от дальнейшего сбора и вернемся домой.

Через посредство Чуковского, дружившего с Репиным, нам привелось побывать в ателье этого великого художника. Приглашение было получено, конечно, отцом, который, упоминая о роли Чуковского, пишет следующее: «Я получил от Репина очень любезное приглашение, обращавшее на себя внимание обозначением не только дня и часа написания, но еще и температуры воздуха и высоты барометра. Я поехал на знаменитую дачу его «Пенаты» с женой и двумя младшими сыновьями, чтобы и им дать счастливую возможность видеть гениального художника. Тщедушный подвижной старичек Репин был трудным собеседником, разговор не вязался и Чуковский, считавший себя режиссером свидания, наставлял попросить хозяина показать свою мастерскую. Репин как-бы нехотя согласился, мы поднялись наверх и все — было кроме нас еще несколько гостей, — похваливали, как полагается, оставшиеся непроданными картины, среди коих ничего выдающегося не было».

«Одна очень большая рама, вспоминает отец, была задернута пологом и опять по наущению Чуковского, я просил показать эту работу. Также нехотя Репин отдернул завесу и перед глазами воскресли безумные дни вокруг 17-го октября. Толпа, которую Репин так мастерски изображает, восторженно несет на руках

совершенно изможденного молодого человека-интеллигента — со всклокоченными белокурыми волосами, свисающими на потный лоб. Правая рука держит призывный лист и рот раскрыт: вы словно слышите его усталый охрипший голос. На первом плане сытая самодовольная фигура адвоката во фраке с красной розой в петлице, на жилете распласталась крупная золотая цепь... Рядом с ним курсистка... и впереди нее совсем маленький гимназистик с видом победителя — «наша взяла»!»

Должен совершенно откровенно сказать, что описанная отцом картина не произвела на меня никакого впечатления. Меня вовсе не интересовали тогда полотна Репина, а хотелось взглянуть на жену художника, которая, согласно подслушанным мною разговорам, была отчаянной вегетарианкой и питалась чуть-ли не... сеном. К сожалению, увидеть ее мне так и не удалось.

В «Пенатах» мы провели сравнительно недолго. После осмотра мастерской гуляли с Чуковским по огромному саду, посередине которого стоял дом художника. Сад этот напоминал настоящий парк. В нем было много дорожек и повсюду стояли скамейки.

Максимилиан Волошин

В конце мая мы уезжали обычно на «дачу», чаще всего в — Царское Село или Сестрорецк, а во второй половине лета родители возили брата и меня ежегодно во Францию, в знаменитый детский курорт Аркашон, расположенный в маленькой бухте Бискайского залива. Там мы проводили целые дни на пляже или в лодке и свыклись с морской стихией.

А когда разразилась война и поездки за границу стали невозможны, мы стали ездить в Крым, на берег чудесного Черного моря. И у моря этого мне нрави-

лось куда больше всех Аркашонов, Бинцев, Ле Тукэ и других иностранных пляжей.

Одно лето мы жили в Судаке и два лета в Отузах, на даче члена Государственного совета С. С. Крыма, поддерживавшего очень дружеские отношения с отцом.

К нам в гости в Отузы приезжал из Коктебеля Максимилиан Волошин. Поразил меня очень его костюм — что-то вроде греческой туники с лавровым венком на голове. И велосипед у него был какой-то необыкновенный — имел не одну, а целых три скорости. Для брата и меня это была настоящая диковинка.

В последний раз мы были в Крыму летом 1917 года. Возвращаясь назад, отец решил показать нам Москву и мы провели несколько дней в отеле «Насиональ». Целые дни бегали по городу. Осмотрели все достопримечательности, начиная с Кремля и кончая Третьяковской галереей. Нам, конечно, как и следовало ожидать особенно понравились «Царь-пушка» и «Царь-колокол».

Пребывание в Москве сопровождалось комическим происшествием. Когда отец возвращался как-то один в отель, к нему подошел незнакомый человек и предложил осмотреть изумительный по красоте «зеркальный особняк». Отец взял у него адрес и решил на следующий день повести нас туда.

Так и было сделано. На следующее утро мы отправились по указанному адресу. Нас ждал очень большой сюрприз. Когда мы пришли, то отец, по непонятной для нас причине, почему-то отказался от осмотра «зеркального особняка» и поспешно ретировался. Мы вернулись в отель.

Много лет спустя мы узнали из рассказов отца, что «зеркальный особняк» оказался в действительности... публичным домом.

Октябрьский переворот

25 октября 1917 года... Большевики штурмуют Зимний дворец, где заседает Временное правительство. День этот запомнился на всю жизнь. Все школы в городе закрыты. Брат и я сидим дома и прислушиваемся к доносящимся с улицы выстрелам. Вечером родители ждут к обеду гостей — нового государственного контролера видного московского промышленника С. А. Смирнова с женой.

С ним мы уже знакомы. В Петербург он приехал дней десять тому назад и несколько раз был у нас. На вид Смирнову можно дать не больше 40 лет. Он — очень крупный мужчина, производит исключительно приятное впечатление и напоминает мне очень Пьера Безухова из «Войны и мира».

Жены Смирнова мы еще не видели. В тот памятный день она приехала с двумя маленькими сыновьями из Москвы и остановилась у друзей на Васильевском острове. Министерская квартира Смирновых еще ремонтируется и переехать туда можно будет не раньше, чем через две недели. Вечером г-жа Смирнова должна впервые появиться у нас. Она приедет отдельно от мужа, прямо с Васильевского острова, а он — после окончания заседания правительства в Зимнем дворце.

С трех часов дня у нас беспрерывно звонит телефон. Звонят знакомые и совершенно незнакомые люди. Последние считают, что редактор «Речи» должен быть лучше других осведомлен о том, что происходит в городе, по которому циркулируют самые зловещие слухи.

Около шести часов тревожный звонок из Зимнего дворца. Смирнов сообщает, что не сможет прийти к обеду. Дворец окружен со всех сторон враждебной толпою. В толпе, которой руководят большевики, преобладают вооруженные до зубов солдаты.

Полчаса спустя второй звонок...

— Временному правительству, говорит Смирнов, предъявлен ультиматум — сдаться на милость большевиков. В противном случае дворец подвергнется штурму толпы. Мы решили не сдаваться...

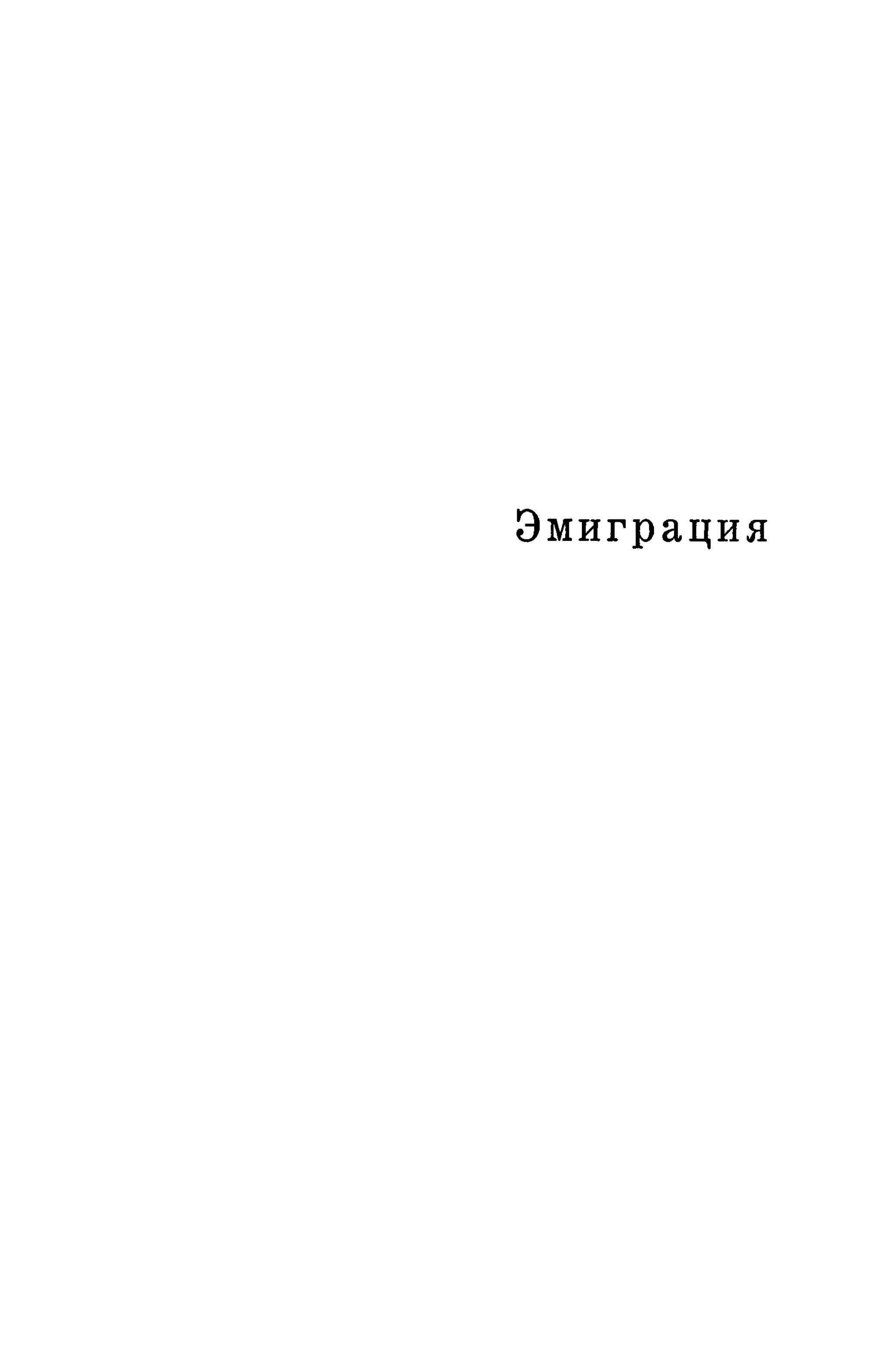
Разговор прерван. Телефон молчит минут десять, а затем опять резкий звонок. У аппарата снова государственный контролер. Он говорит, что не может дозвониться до жены и просит отца передать семье его благословение. Смирнов убежден, что часы его сочтены.

Телефонная связь с Зимним дворцом окончательно прервана. Мы не имеем представления о том, что происходит на Дворцовой площади и о судьбе Смирнова узнаем только на следующий день. Ему удастся избежать смерти. Вместе с другими министрами Временного правительства он будет доставлен и заточен в Петропавловской крепости.

На этом, однако, злоключения семьи Смирновых не кончатся. Через полчаса после последнего звонка из Зимнего дворца нам позвонит жена государственного контролера и пожалуется на мучительные боли в желудке. Из рассказа ее станет ясно, что у больной острый припадок аппендицита и отец примется в срочном порядке искать хирурга, который согласится поехать к Смирновой. Хирургом этим окажется выдающийся врач Греков. На следующее утро он будет оперировать больную и спасет ее жизнь.

После Октябрьского переворота наше знакомство со Смирновыми прервалось. В эмиграции они попали в Париж, а мы долгое время прожили в Берлине. Но в начале двадцатых годов брат и я решили провести летние каникулы во Франции. Отец списался со Смирновым, который предложил нам остановиться у них.

Мы очень охотно приняли это приглашение и несколько дней, до отъезда из Парижа к морю, прожили с этими исключительно гостеприимными людьми. Хозяин дома — Сергей Алексеевич — совершенно не изменился и сходство его с Безуховым продолжало бросаться в глаза.

Эмиграция

Финляндия

Из России мы уехали в феврале 1919 года. Несколько месяцев перед отъездом жили не дома. Отцу каждый день грозил арест и мы переехали с Малой Конюшенной в Царское село.

Затем одному из друзей отца удалось за деньги получить от чека разрешение на выезд и мы совершенно официально переехали финляндскую границу. Ехали через Белоостров. Брату и мне уезжать отчаянно не хотелось. Мы очень любили наше училище и было тяжело расставаться с товарищами, как не убеждал нас отец, что уезжаем только на короткое время.

Надеждам этим не суждено было сбыться.

Несколько месяцев мы прожили в Териоках, где была русская гимназия. При этой гимназии мы сдали экстернами экзамены на аттестат зрелости. Затем перебрались в Гельсингфорс и устроились в пансионе на берегу мрачного Финского залива.

Инцидент в Гельсингфорсе

И тут произошло событие, которое навсегда врезалось в мою память.

Помню, как сегодня, пасмурный майский день. На дворе прохладно и ветрено. В заливе довольно сильные волны.

По предложению приятеля-студента, который был немного старше всей нашей компании, брат и я, без ведома родителей, едем кататься на парусной лодке.

Плавать из нас умеет только студент и немного мой брат. Настроение у всех нас приподнятое. Пока мы катаемся в залив входит британский легкий крейсер «Галатея» и бросает якорь на рейде. Мы подплываем к этому крейсеру и пытаемся вступить в переговоры с матросами, хотя никто из нас не владеет английским языком.

Примерно через час мы возвращаемся с нашей прогулки. Причаливаем к пристани. Там поджидает нас знакомый мальчик, на несколько лет моложе каждого из нас. Именно по этой причине он не представляет для нас большого интереса и мы встречаемся с ним очень редко.

На этот раз отвязаться от мальчика очень трудно. Он умоляет покатать его на парусной лодке. Студент из предосторожности осведомляется, умеет ли мальчик плавать и получает утвердительный ответ.

Лодка отчаливает от пристани. На этот раз в ней только три пассажира — мальчик, студент и мой брат.

С пристани я отправляюсь к приятелю, который живет рядом с нашим пансионом. Комната его помещается на втором этаже и из окон вид на залив...

....

Не знаю, мучила ли меня совесть, что я отпустил брата одного и не предупредил родителей о наших развлечениях, но на душе было неспокойно. Я машинально подошел к окну, взял бинокль приятеля и стал отыскивать нашу лодку. Найти ее оказалось не трудно. На довольно бурном море виден был только английский крейсер, да наша лодка. Никаких других лодок на воде не было.

И вдруг, о ужас, наша парусная лодка исчезает буквально на моих глазах. Через мгновение ока с «Галатеи» спускают гребную шлюпку, которая плывет в на-

правлении места катастрофы, а за шлюпкой через минуту мчится спущенный с крейсера моторный катер.

Приятель и я, как угорелые, бросаемся вниз. Находим у пристани лодку с парою весел, отвязываем ее и отчаливаем от берега. Я гребу, что есть силы, но двигаемся мы черепашьим шагом — мешают волны.

Не отрываю глаз от спасательных лодок. Вижу, что гребная лодка все еще вертится вокруг места, где произошла катастрофа, а моторный катер дважды вернулся к крейсеру и поехал обратно.

Для меня совершенно ясно, что англичанам спасти кого-то не удалось. Это наводит на очень печальные размышления — студент плавает прекрасно, мальчик как будто бы тоже, а мой брат — очень плохо.

Что же это в самом деле будет? А лодка наша, мне кажется, стоит на месте и мы никогда не узнаем правду. Но, может быть, это к лучшему. Ведь правда может оказаться очень страшной.

Моему приятелю удается задержать проплывающую мимо нас рыбачью моторную лодку. Он кое-как объясняется с ее пассажирами, просит взять нас на буксир и довезти до английского крейсера.

Рыбаки соглашаются. Мы перелезаем в их лодку и на всех парах мчимся в направлении «Галатеи». Приближаясь к крейсеру, пытаемся знаками объясниться с матросами. Я поднимаю руку и показываю три пальца. Это должно означать — три пассажира в затонувшей парусной лодке. В ответ мне показывают — два пальца.

Значит — догадка моя правильная, спасены только два человека. Сердце готово разорваться.

Наша моторная лодка причаливает к крейсеру. Английский офицер объясняет, что на борт военного судна будут допущены только родственники пассажи-

ров затонувшей лодки. Я категорически отказываюсь итти. Посылаю приятеля, который выдает себя за младшего брата студента. Через минуту он возвращается и еще издали кричит мне, что брат и студент спасены.

....

Погиб мальчик. Неизвестно, умел ли он плавать или растерялся, когда очутился в воде. Несколько дней спустя труп его был прибит к берегу.

После этого происшествия я несколько месяцев не мог смотреть на воду.

Берлин

Берлинские «журфиксы»

Из Гельсингфорса наша семья перебралась в Берлин, где отец основал и редактировал при ближайшем участии В. Д. Набокова и А. И. Каминка газету «Руль». По примеру Петербурга, в Берлине возобновились у нас воскресные «журфиксы». В начале двадцатых годов германская столица была центром российской эмиграции и кто только не побывал на приемах в нашем доме.

Неизгладимое впечатление оставила встреча с московскими «художниками»: Станиславским, Качаловым, Германовой, Массалитиновым и другими. В их честь у нас дома состоялся торжественный обед, на котором присутствовало много приглашенных. Во время обеда Василий Иванович Качалов рассказал презабавную историю, относившуюся к первому посещению «художниками» Германии, когда никто из них не умел как следует объясняться по-немецки.

В то время все иностранцы должны были прописываться в полицейских комиссариатах. Нужно было заполнить целую анкету. На вопрос о заработке, Качалов написал, с точки зрения полицейского, слишком крупную сумму и тот изумленно спросил артиста:

«Aber warum so viel?» («Почему так много?»)

На этот вопрос последовал ответ, который привел весь комиссариат в очень хорошее настроение:

«Aber nicht allein, mit meiner Gemüse». («Но не один, со своим овощем»)

Качалов слово «Gemüse» спутал со словом «Gemahlin» и назвал овощем свою жену.

Очень частым гостем у нас была Ольга Гзовская, постоянно приходившая с Владимиром Гайдаровым, подвизавшимся на экране. Гайдаров был необыкновенно красив, но не имел больших артистических талантов.

Гзовская с Гайдаровым часто изображали у нас митинг коммунистического интернационала. Гайдаров был председателем на митинге, а Гзовская — исключительно даровитая артистка — представляла по очереди ораторов всех национальностей. Выступал на этом митинге и негр, произносивший речь на каком-то непонятном языке и переговаривавшийся с председателем, т.е. Гайдаровым, по русски с еврейским акцентом. Затем выяснялось, что «негр» был вымазанным ваксой евреем.

Вспоминаю также необыкновенно талантливого Южного, создателя и директора театра «Синяя птица», рассказывавшего очень забавные истории и непременную посетительницу наших «журфиксов» певицу берлинской Городской оперы Беату Малкину, пользовавшуюся у публики огромным успехом.

Была у нас в доме и прославленная Анна Павлова, приехавшая на гастроли в Берлин, а Сергей Дягилев привел своего самого способного ученика Лифаря, начинавшего делать головокружительную карьеру.

Кроме артистов, отца навещали, конечно, все приезжавшие в Берлин писатели. Помню Бунина, возвращавшегося в Париж из Стокгольма после получения Нобелевской премии. Он на день остановился в Берлине, обедал у нас и страшно возмущался немецкими таможенными чиновниками, учинившими ему на границе очень строгий осмотр.

Перед отъездом Алексея Толстого из Берлина в

Париж, в нашей квартире состоялся в его пользу и находившегося тогда в Берлине Бориса Пильняка, большой вечер, на котором писатели читали свои произведения.

Нападение на А. И. Гучкова

Приходили к отцу и видные политические деятели. У нас всегда появлялся А. И. Гучков, когда приезжал из Парижа в Берлин. Однажды, когда он ехал к нам на обед, к нему, в вагоне подземной железной дороги, подошел какой-то эмигрант-офицер и ударил его по лицу. «Мстил» за царицу Александру Федоровну. Черносотенцы обвиняли Гучкова, занимавшего пост военного министра в первом составе Временного правительства, в авторстве «Приказа №1», к которому он, кстати сказать, не имел никакого отношения.

Обладавший очень крепкими нервами, Гучков приехал после инцидента в подземной дороге прямо к нам, спокойно пообедал и только перед уходом рассказал о нападении.

В Берлине посетил нас Бурцев, считавший себя после памятного разоблачения провокатора Азефа прямым наследником Шерлока Холмса. Из Парижа он приехал специально для того, чтобы расследовать дело о похищении генерала Кутепова. Явился Бурцев к нам прямо с вокзала.

Бурцев об Азефе

«Мы его расспрашивали, пишет в своей книге отец, о разоблачении Азефа, и он отрывистыми фразами вспоминал, как охотился за Лопухиным, уклонявшимся от встречи, и наконец настиг его в поезде из Франкфурта в Берлин, подсел к нему в вагоне-ресторане, часа

четыре донимал разговорами и расспросами, пока, наконец уже подъезжая к Берлину, удалось исторгнуть у совершенно измученного Лопухина признание, что Азеф состоял на службе Департамента. С этим драгоценным свидетельством он, вне себя от возбуждения, выскочил в Берлине из вагона, бросился к железнодорожной кассе, чтобы купить билет обратно в Париж и столкнулся на перроне с Милюковым.

Да, перебил я, Милюков рассказывал, что хотел с вами заговорить, но вы только рукой махнули и стремительно мимо него промчались. «Ну, не совсем так! Но мне действительно не до него было. Он спросил — какими судьбами?, а я ему погрозил рукой и на ходу крикнул скоро услышите!».

Прощаясь после обеда, он просил назвать дешевую гостиницу поблизости, где мог бы переночевать, и решительно отказался от приглашения жены остаться на ночь у нас... Адрес был указан и, когда мы вышли проводить его в прихожую, я, не видя нигде чемоданчика или саквояжа, спросил, оставил ли он багаж на вокзале. «Какой багаж, спросил он с удивлением, я так и приехал, как есть, всегда так разъезжаю. Вот зонтик, прибавил он, осматриваясь, был у меня, но видно я его где-то посеял».

Раскрыть дело Кутепова Бурцеву так и не удалось. В Берлине он пробыл два дня и вернулся в Париж.

Похищение ген. Кутепова

Из второго неопубликованного тома отцовских воспоминаний заимствую несколько страниц, относящихся к делу Кутепова и содержащих подробности, мало кому известные.

«Вдруг грянула сенсация, пишет отец. Отлично

помню этот день: утром в редакции («Руля») я застал уже поджидавшего меня гостя из Парижа, бывшего сотрудника «Речи» П. Я. Рысса. Много лет мы с ним не встречались, но он почти не изменился. Да, если бы это было и иначе, я все таки тотчас узнал бы его по конспиративной маске, которую он с подчеркнутой торжественностью пытался держать на лице.

— Вы понимаете, что теперь не время прогулок из Парижа в Берлин. Приехал я по важному делу. Вчера должен был спешить обратно в Париж, но мне поручено переговорить с вами по поводу «Руля», конечно, в абсолютной тайне, и я остался до сегодняшнего вечера.

— В таком случае пожалуйте ко мне домой к обеду. Здесь мешают срочные дела, а теснота помещения плохо гарантирует тайну.

Явившись в условленный час домой, я опять застал нетерпеливо ждавшего меня Рысса. Внимательно осмотревшись и проверив, тщательно ли заперты двери кабинета, он сообщил, что приехал на свидание с двумя членами анти-советской организации, прибывшими из России для осведомления о положении советского режима и выработки плана совместных действий.

— Чтобы вы не сомневались в деловой и моральной авторитетности москвичей, прибавлю, что на свидание я приехал вместе с генералом Кутеповым, который вчера, после двухдневных детальных бесед, вернулся в Париж, я же остался еще на день, чтобы передать вам их поручение относительно «Руля».

Настолько коварно нелепы были преподанные советы, что я в одно ухо впустил их и сквозь другое тотчас же выпустил. Из четырех директив вспоминаю лишь первую — не пользоваться для «Руля» случайными сведениями, а основываться на данных только советской печати.

— Иначе говоря, собеседники ваши рекомендуют поставить добровольно «Руль» под советскую цензуру? Что же вы им ответили?

— Я предложил устроить свидание, чтобы вы непосредственно выслушали их пожелания, но они уклонились, так как за вами несомненно установлена слежка. Я же на ваши сомнения ничего не отвечаю, являясь лишь почтальоном, передающим чужое поручение.

Разговор сразу утратил для меня всякий интерес. За обедом с женой и сыновьями мы уже так отвлеклись от главной темы, так предались воспоминаниям о «Речи», что даже ни словом не обменялись по поводу появившегося в этот день известия об исчезновении генерала Кутепова.

Правда, исчезновение генерала не было новинкой: несколько лет назад бесследно испарился начальник штаба Кутепова, весьма видный генерал Монкевиц и спустя некоторое время отыскался в России на службе у большевиков.

В данном случае такие предположения едва ли кому и в голову приходили, но нельзя было не сопоставить этого исчезновения с непосредственно предшествовавшим пребыванием Кутепова в Берлине для свидания с приехавшими из России. Действительно, Рысс и сам привлек к себе внимание немецких розыскных органов. Спустя несколько дней после его отъезда пришел ко мне казначей Союза литераторов А. Г. Л. и рассказал, что его вызывали в полицей-президиум, чтобы справиться, был ли Рысс на днях в Берлине и видел ли он его.

— Нет, не видел и думаю, что его здесь не было, ибо, при наших дружеских отношениях, он не преминул бы заглянуть ко мне.

Его отпустили с просьбой немедленно сообщить

полиции, если бы он случайно узнал, что Рысс был здесь и с кем он встречался.

— Что бы это могло значить? спросил Л. и совсем по детски растерялся, узнав, что Рысс был надцях у меня.

— Простите, пролепетал он с тревожным соболезнованием, я ведь должен сообщить об этом комиссару.

— Конечно, позвоните сейчас же.

Полицейский комиссар Брашвиц очень обрадовался указанию Л. и неохотно согласился отсрочить мой визит на несколько часов, до окончания редакционной работы.

Я застал его в кабинете, погруженным в лежащее перед ним толстое досье, из которого он предъявил для начала фотографии как самого Рысса, так, к удивлению, и жены его.

— Но ведь она уже несколько лет, как скончалась!

— Это нам известно. Но вы удостоверяете, что это Рысс и его супруга?

Затем показаны были снимки двух молодых упитанных самоуверенных лиц: украдкой — к явному неудовольствию комиссара, я успел на обороте фотографий прочесть фамилии: Попов и де Роберти. Ясно было, что это-то и есть гости из России, от имени которых Рысс преподал мне подозрительные советы.

Подробно расспросив о Рыссе, комиссар заметил:
— Однако, ведь ваша дружеская характеристика относится к до-революционному времени?

— Совершенно верно, как верно и то, что после революции, в изгнании многие очень изменились и Рысса я много лет не встречал, но у меня нет никаких данных допустить и относительно него такое предположение.

Комиссар очень интересовался и недоумевал, на

чем покоилось неограниченное доверие к приезжим: как впоследствии выяснилось, свидания Кутепова и Рысса с приезжими отличались странной неосторожностью. Попов и де Роберти жили совсем вблизи полпредства, в скромной гостинице, в которой останавливались все проезжающие через Берлин советские служащие, командированные заграницу. А Кутепов и Рысс поместились в другой, в двух шагах от названной, т.е. можно сказать на глазах у шнырявших агентов и здесь за обильными завтраками происходили встречи, которые должны были храниться в глубочайшей тайне».

Раскрыть дело о похищении Кутепова, как известно, не удалось. Отец заканчивает свой рассказ выражением убеждения, что в окружении генерала-главы Общевоинского союза имелись провокаторы.

Убийство В. Д. Набокова

В феврале 1922 года из Парижа приехал впервые в Берлин П. Н. Милюков, собиравшийся выступить с докладом по случаю пятой годовщины Февральской революции.

Берлин в тот момент был одним из центров русской эмиграции и приезд Милюкова явился большим событием.

Отношения Милюкова с отцом в эмиграции заметно испортились. Никакой связи они не поддерживали. В Париже выходили «Последние новости» под редакцией Милюкова, а в Берлине — «Руль», главным редактором которого был отец при близком участии в газете В. Д. Набокова и проф. А. И. Каминки. «Последние новости» занимали позицию левее «Руля».

Разошелся с Милюковым и Набоков.

Примирение состоялось в Берлине. На этом на-

стояли друзья отца, в квартире которых остановился Милюков. Первым восстановил свои личные отношения с Милюковым отец, уговоривший последовать своему примеру и В. Д. Набокова.

В день выступления Милюкова в Берлин приехал из Риги редактор газеты «Сегодня» М. И. Ганфман и остановился у нас.

Выступление Милюкова должно было состояться в одном из лучших залов Берлина, в Филармонии, вмещающем несколько сот человек. Все билеты на доклад были за несколько дней проданы.

В целях особой предосторожности, из опасения выступлений крайних реакционных элементов, была предупреждена полиция и в первых рядах сидело несколько детективов в штатском.

По бокам трибуны были расположены места для почетных гостей. На трибуну вело несколько ступенек. Перед ней был узкий проход, который вел в артистическую. За проходом были места для публики.

Свой почетный билет отец уступил М. И. Ганфману и сел вместе с матерью во втором ряду. У меня было место в седьмом или восьмом ряду.

Как полагается всякому русскому начинанию в эмиграции, доклад начался с большим опозданием.

В зале не было ни одного не занятого стула. Вдоль стен стояли люди, не получившие сидячих мест.

Докладчика выслушали с большим вниманием. Окончив говорить Милюков предупредил аудиторию, что после 15-минутного перерыва будет отвечать на вопросы, предложил подавать их в письменном виде и стал сходить с трибуны.

И в тот же момент раздался выстрел. На трибуне стоял человек, размахивавший револьвером и кричав-

ший какие-то бессвязные слова: «Месть за царицу Александру Федоровну!», «Месть за царскую семью!»...

Выкрикивая эти слова, он продолжал стрелять куда попало.

Обеспокоенный за судьбу отца, я вскочил со своего места. Мне хотелось пробраться вперед и посмотреть, что с моими родителями. Но не тут то было. Все стулья в зале были опрокинуты. Части публики удалось выскочить из зала, другие — легли на пол. Все это были, очевидно, люди, пережившие гражданскую войну, они знали, что самое безопасное — лечь плашмя на пол.

Я кое-как пробрался вперед и увидел, что стреляют не один, а два человека. Один был на трибуне, другой стоял в проходе. И издали я увидел высокую фигуру Набокова, боровшегося с одним из убийц. Видел, как он свалил преступника на землю и как другой стрелял ему в спину почти в упор.

Почему этих убийц сразу не схватила полиция, сидевшая в первых рядах, непонятно. Возможно, что немцы просто растерялись.

Они спохватились, когда Набокова не было уже в живых. Убийц задержали на месте преступления, надели на них наручники. Я стоял рядом с одним из этих господ, когда к ним подошел кто-то из публики и сказал что они убили не Милюкова, а Набокова. В ответ он услышал:

— Нам это совершенно безразлично.

А затем я вошел в артистическую. Там на полу лежало тело В. Д. Набокова. Посередине комнаты стоял невредимый П. Н. Милюков, рядом с ним — несколько легко раненых из публики. Меня особенно поразило выражение лица Милюкова: он был спокоен и на лице его играла улыбка.

Да, подумал я, человек этот особенный, у него действительно нет нервов или они какие-то железные. И мне припомнился рассказ отца, постоянно поражавшегося хладнокровием П. Н. Милюкова.

У Милюкова было трое детей — два сына и дочь. Младшего сына он любил больше остальных и этот сын пошел добровольцем в первую мировую войну. Он окончил военное училище и был отправлен на фронт в офицерском чине.

Каждую ночь газеты получали от военного командования списки павших за день в боях офицеров. Отец имел обыкновение просматривать эти списки и как-то, к ужасу своему, заметил среди убитых имя сына Милюкова. Самого Милюкова в тот момент в редакции не было, но его ждали с минуты на минуту.

Не зная, как поступить, отец решил посоветоваться со своим коллегой, редактором «Современного слова» М. И. Ганфманом. Газета эта была изданием «Речи» для провинции и печаталась в той же типографии.

Привести в исполнение свое намерение отцу не удалось. Не успел в кабинет войти Ганфман, как в редакции появился Милюков. Он подошел к конторке, на которой лежал список убитых офицеров, бегло его просмотрел и увидел свою фамилию.

Эту страшную новость, рассказывал отец, Милюков принял совершенно спокойно. На следующий день он, как ни в чем не бывало, выступал в Государственной Думе.

....

Убийцы Набокова оказались бывшими русскими офицерами. В Берлине они были шоферами. Звали их Шабельский-Борк и Таборицкий.

Мне довелось быть на их процессе в Берлине. Держали они себя на суде очень нагло и были приговорены

к 20 годам каторги. В тюрьме они отсидели недолго. Через несколько лет были помилованы президентом Гинденбургом и играли затем большую роль при Гитлере. Изображали «вождей» русской эмиграции.

Еще одна маленькая, но характерная, подробность. На следующий день после убийства, камеры преступников были завалены цветами. У Шабельского и Таборицкого было, очевидно, много поклонников и поклонниц в рядах берлинской эмиграции.

В Нью Йорке мне попалась в руки небольшая книжонка, изданная в Бразилии. Называется она «Павловский гобелен» и автором ее является «Старый Кирибей».

Просматривая эту книжонку, набранную по старой орфографии, я к ужасу своему узнал, что написана она тем самым Шабельским-Борком, который убил В. Д. Набокова. Он укрылся под псевдонимом «Старый Кирибей».

Из предисловия следует, что после поражения Гитлера ему удалось бежать в Аргентину, где он умер от туберкулеза в августе 1952 года. Написанная им книга прославляет императора Павла Первого. Сочинение это снабжено примечанием о «духовном облике почившего» автора.

Цитирую из этого «примечания» следующие строки: ...«Петр Николаевич (так звали убийцу В. Д. Набокова) умел гореть священной ненавистью в отношении поработителей нашей родины и ее предателей. Как известно, и в этой области он остался небездейственен и дорого заплатил за попытку убрать с жизненной арены презренного Милюкова».

Слежка за редакцией «Руля»

На следующий день после убийства Набокова в городе распространились слухи о подготовлявшемся покушении на отца. Поводом к этим слухам явилось следующее происшествие. Одна из знакомых нашей семьи, возвращаясь после покупок домой, села отдохнуть на скамейке. Рядом с нею уселись двое молодых на вид мужчин. Оказались они русскими. Не подозревая, что рядом с ними сидит соотечественница, они принялись прославлять поступок Шабельского и Таборицкого и один другому сказал: «А теперь очередь за Гессеном...»

Наша знакомая помчалась домой и подняла тревогу. Вопреки желанию отца, отнесшегося к этим слухам с большим хладнокровием, подслушанный разговор был доведен до сведения полиции.

Напуганный убийством В. Д. Набокова, берлинский полицейпрезидиум решил принять все меры предосторожности. За домом, где мы жили, и за редакцией «Руля», помещавшейся в здании крупнейшего издательства Ульштейн, была установлена слежка. Кроме того, отцу было выдано разрешение на право ношения оружия. Полиция настойчиво рекомендовала отцу немедленно купить револьвер.

Отец не последовал этому совету. Разрешение так и осталось лежать у него в кармане. Когда-то отец не только носил револьвер постоянно при себе, но держал палец на курке. Было это еще в Петербурге, когда участились нападения черносотенцев. Но и тогда он уже говорил, что никогда не решится воспользоваться револьвером по причине своей крайней близорукости. Близорукость у него действительно была очень сильная и, во избежание чрезмерного напряжения зрения, отцу было запрещено носить такой силы стекла

в очках, которые полностью отвечали бы этому недостатку.

Слежка за нашим домом и редакцией «Руля» продолжалась дней десять. У нашего дома ничего подозрительного обнаружено не было, а у входа в редакцию полиция обратила внимание на каких-то подозрительных субъектов. К удивлению полиции оказались они вовсе не черной сотней, а... коммунистами. Позднее выяснилось, что коммунисты эти не собирались вовсе устраивать покушения на отца, а вели слежку за посетителями «Руля». В газете тогда появлялись сенсационные сведения о берлинском торгпредстве и коммунисты решили, что кто-то из работников торгпредства поставляет сведения «белогвардейцам». Этого «предателя» они намеревались поймать на месте преступления и установили слежку за редакцией «Руля».

Покушение на отца

Попытка покушения на отца была организована пять лет спустя. В 1927 году в зарубежной православной церкви, в связи с кончиной всероссийского патриарха Тихона, произошел раскол. Первым поднял бунт против Москвы известный митрополит Антоний, возглавлявший впоследствии Карловацкий заграничный синод. Назначенный преемником Антонию, митрополит Евлогий тоже отпал от Москвы и отдался под юрисдикцию вселенского патриарха.

«Само собою разумеется, пишет отец в своих «Воспоминаниях», что газета (т. е. «Руль») не могла закрывать глаза на церковную смуту, сильно волновавшую беженскую колонию. После напечатания нескольких статей — может быть излишне страстных — в редакцию явилось два незнакомца, и когда я вышел к ним в при-

емную, один обратился с каким-то невнятным вопросом. Я переспросил, а тот крикнул: — Э! Да что тут разговаривать! — одной рукой сильно толкнул меня, другой — ударил палкой. Я упал, а секретарша, стоявшая позади, закатила ему пощечину. Он было бросился на нее, но компаньон удержал: — Даму бить нельзя!

Оба уселись, требуя вызова полиции. которая через несколько минут явилась и составила протокол. Вызванный на другой день в полицейпрезидиум, я привел в совершенное недоумение чиновника, который никак не мог понять, почему я уклоняюсь от принесения жалобы на обидчиков, которым только и хотелось парадировать на суде, чтобы попасть в большие забияки».

Инцидент этот имел место за несколько недель до празднования в Берлине десятой годовщины Февральской революции. На вечере этом собирался выступить отец.

После нападения в редакции, друзья всячески пытались отговорить отца от этого выступления, но попытки их не увенчались успехом. Отец категорически отказался отменить свое выступление из-за хулиганской выходки черносотенцев. Он считал это для себя совершенно неприемлемым.

Жили мы тогда против берлинской Городской оперы. Окна нашей квартиры выходили на боковой фасад театра. Посередине улицы были посажены деревья и стояли скамейки.

В день доклада, вечером, я заказал по телефону такси, которое должно было доставить нас в зал, где происходило торжество.

Не знаю, волновался ли в тот вечер отец, но у меня на душе не было спокойно. Поэтому, когда автомобиль подъехал к дому, я условился с братом, что

он первым сойдет вниз и посмотрит, не поджидают ли отца хулиганы у подъезда нашего дома.

Опасения мои оказались напрасными. Мы сошли вниз и сели в такси. Ехать нам предстояло минут десять. Сперва свернуть на Бисмаркштрассе, затем ехать по Тауенцинштрассе и т.д. к залу, который находился между Виттенберг и Ноллендорфплац.

Но тут произошло неожиданное событие. Когда наше такси, проехав всего несколько метров, свернуло на Бисмаркштрассе, мы заметили на углу освещенный автомобиль. В нем сидело четверо молодцов с дубинами в руках.

Автомобиль этот погнался за нами. Он то обгонял нас, то отставал. Когда хулиганы проезжали мимо нас или намеренно замедляли ход, чтобы пропустить нас вперед, они грозили из окна палками.

Что нам было делать? Сказать шоферу, что за нами устроена погоня — невозможно. Он решил бы, что имеет дело с сумасшедшими. Для иностранца, незнакомого с нравами эмиграции, было это слишком неправдоподобно.

Мне было известно, что в зале, где собирался выступить отец, находилась полиция. Следовательно нужно было во что бы то ни стало добраться до зала.

Уличное движение в Берлине регулировалось уже тогда красными и зелеными огнями.

На перекрестке каких-то улиц наш автомобиль остановился. В этот момент преследовавшая нас машина находилась где-то позади.

Увидев на мостовой полицейского, я открыл дверцы такси и вылез из автомобиля. Как раз в этот момент машина с хулиганами подъехала к перекрестку и тоже остановилась.

Я указал на нее полицейскому и сказал, что ма-

шина эта нас преследует. Он посмотрел на меня с некоторым удивлением, подошел к машине с хулиганами, что-то им сказал, затем вернулся и спросил меня, куда мы едем.

Я ему назвал адрес зала. Полицейский меня «успокоил».

— Если что-нибудь с вами случится, сказал он, вы увидите еще в пути другие полицейские посты.

— Но заметили ли вы номер автомобиля? спросил я полицейского.

Этого сделать он не догадался. Очевидно, мой собеседник был еще неопытным служакой или просто с недоверием отнесся к моим утверждениям, что за нами была устроена погоня.

Пока я разговаривал с полицейским, хулиганы пустили свой автомобиль в ход и скрылись из виду.

Мы благополучно добрались до зала, хотя и не встретили в пути обещанных полицейских подкреплений.

Но в зале действительно находилась, предупрежденная друзьями отца, полиция. На этот раз берлинский полицейпрезидиум был представлен начальниками «русского отдела». Этот отдел, как оказалось, был разделен на две части: одна часть ведала коммунистами, другая — черносотенцами. Оба детектива, возглавлявшие эти подотделы прекрасно говорили по-русски.

«Заведующий» черносотенцами был здоровенным мужчиной, очень спортивного вида; его коллега, которому была поручена защита монархистов от коммунистов, оказался маленьким тщедушным человеком.

Услышав рассказ об очередной выходке черносотенцев, хорошо знавший их чиновник полицейпрезидиума, выразил уверенность, что они не преминут

появиться на докладе и сделают все возможное, чтобы его сорвать.

Предположения полицейского оправдались. Минут через двадцать после начала доклада, двери зала шумно открылись и появилось несколько бравых молодых людей. Уселись они вместе, в одном из последних рядов и за несколько минут до перерыва раздались уже всем набившие оскомину выкрики с проклятиями по адресу «революционеров» и с прославлением царицы Александры Федоровны.

Полиция заставила их замолчать, в перерыве вывела из зала и подвергла допросу. Не знаю, растерялись ли эти молодцы, но тут же сознались, что участвовали в погоне за отцом. В свое оправдание добавили, что преследовали весьма «мирную» цель: хотели напугать отца и заставить его отказаться от выступления.

Полиция предложила им воздержаться в будущем от подобного рода «мирных» выходок и предупредила, что, в случае повторения, они будут немедленно высланы из Германии.

Вторая часть доклада прошла спокойно. По окончании собрания полиция наотрез отказалась отпустить отца домой без охраны. Немцы были убеждены, что черносотенцы будут поджидать отца у дома и попытаются его избить. Поэтому домой мы возвращались в двух машинах: в передней ехали четыре полицейских в штатском, а в нашей машине ехал заведующий монархистами.

Опасения полиции оказались правильными: у нашего подъезда стоял здоровенный молодчик с поднятым воротником пальто. Полицейский комиссар тотчас же опознал в нем своего «старого знакомого». В сторонке стояло несколько его коллег.

Неожиданное появление полицейских явно нару-

шило их планы. Тем не менее, стоявший у дома молодчик не тронулся с места. Полицейский потребовал у него документы. Они оказались в полном порядке. Для ареста не было причин и его отпустили на все четыре стороны.

Много месяцев спустя стал известен задуманный черносотенцами план, как «избавиться» от отца. Они хотели случайно переехать его на автомобиле при переходе им улицы. Такси в их распоряжении было много, потому что среди шоферов было не мало русских.

С. Прокофьев в Берлине

В Берлине у нас часто гостил постоянный посетитель петербургских «журфиксов» композитор Сергей Сергеевич Прокофьев, приобревший за это время мировую известность. В последний раз видели мы его незадолго до возвращения композитора в Советский Союз. В Берлине он давал концерт и остановился у нас.

С выступлением этим произошел небольшой инцидент. Прокофьев не доверял своему импрессарио и потребовал уплаты гонорара до концерта.

Требование это не было выполнено и Сергей Сергеевич отказался ехать туда, где он должен был выступать. После бесконечных переговоров по телефону, — импрессарио заклинал Прокофьева и обещал уплатить гонорар до начала концерта, — композитор согласился.

Поехали мы в такси. Подъехали к залу — у входа стоит импрессарио со своим секретарем. Прокофьев отказывается покинуть такси, пока не получит обещанного гонорара. А концерт уже должен начаться и

в публике, среди которой было много представителей газет, волнение.

Импрессарио и секретарь бегают вокруг такси, умоляют Прокофьева сменить гнев на милость и клянутся всем святым, что композитор получит свой гонорар. Сергей Сергеевич продолжает настаивать на своем — сначала деньги.

В конце концов пришлось вмешаться отцу и убедить Прокофьева выступить, во избежание недовольства печати. Концерт начался с получасовым опозданием, когда часть возмущенных музыкальных критиков уже покинула зал.

На следующий день печать очень неодобрительно отозвалась о поведении знаменитого композитора. Но, по существу, Прокофьев был прав. Денег от импрессарио он так и не получил.

Запомнился мне также удивительный, очень острый и красивый почерк Прокофьева. Он пользовался только десятиричным и.

После революции, когда эта буква была из алфавита изъята, композитор сохранил свое правописание и упорно его придерживался.

Хор Жарова

Из берлинских развлечений вспоминается мне юбилейный банкет хора Донских казаков Сергея Жарова. Устроен он был по случаю тысячного выступления хора и состоялся в большом зале где-то около Потсдамерплац.

На банкет этот я пошел с отцом.

После оглашения бесчисленных приветствий, выступил Сергей Жаров. Он рассказал о первых выступлениях хора в Германии, которые состоялись вскоре

после окончания Первой мировой войны. Немцы восхищались хором, но чувствовали непреодолимый страх перед казаками. В каждом хористе они видели Кузьму Крючкова, того прославленного казака, изображавшегося на лубках с пикой, на которой болталось несколько немецких трупов...

Страх этот, рассказал Жаров, был причиной ряда неожиданных инцидентов.

Совершая турне по Германии, хор приехал в маленький городок, где должен был состояться концерт. Каково было удивление Жарова, когда на вокзале он заметил представителей всех городских властей во главе с бургомистром, полицеймейстером и т.д.

После знакомства, городской голова отозвал Жарова в сторону и сделал ему следующее предупреждение:

— Я распорядился, сказал немец, закрыть по случаю вашего приезда все магазины в городе. Если ваши казаки попробуют грабить, то им не поздоровится.

Жаров поспешил заверить бургомистра, что хористы настроены очень мирно и никого грабить или обижать не собираются.

В другом городке, припомнил Жаров, в связи с концертом хора были закрыты все школы. Это оказалось тоже мерой предосторожности, так как население городка было твердо уверено, что русские казаки... пожирают детей.

Париж

Тяжелые годы

В мае 1933 года, через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, мы переехали из Берлина в Париж. За месяц до этого я женился. Жена моя занималась фотографией и имела в Берлине ателье. Мы решили заняться тем же в Париже.

На нашем пути выросли непреодолимые препятствия. Началось с того, что жене отказали в разрешении на работу. После бесконечных, продолжавшихся годы, хлопот ее приняли, наконец, в союз ремесленников, выдали соответствующее удостоверение и мы открыли в квартире ателье. Поселились мы, как полагается, в том районе Парижа, где жило особенно много русских — у Порт де Сэн-Клу. Сперва жили на Бульваре Мюра, а затем переехали на Рю Микель-Анж.

Трудно нам было очень. Чтобы бороться с многочисленной конкуренцией приходилось снижать цены и зарабатывали мы в результате гроши. Летом подрабатывали на любительских снимках — проявляли и печатали любительские пленки, но и это занятье приносило мало, а работать приходилось очень тяжело, часто — 24 часа в сутки.

С заработками стало легче непосредственно перед мировой войной. Домохозяин разрешил сделать на улице витрину и появились первые клиенты. Это-весьма относительное благополучие — продолжалось очень не долго. В июне 1940 года Париж был сдан немцам. Столицу мы покинули в последний момент — накануне занятия города гитлеровскими войсками.

Война и бегство в Лимож

Направились мы в Лимож. Туда был эвакуирован тот военный завод, на котором я работал последние два месяца. Французы меня мобилизовали и, перед отправкой на фронт, определили на завод, находившийся в одном из предместий Парижа.

В Лимож ехали в автомобиле. Железнодорожного сообщения уже не было. Наше путешествие продолжалось шесть дней. Мы попали в самую гущу беженской волны и двигались поэтому со скоростью черепахи. Ночевали в наскоро приготовленных для приема беженцев школьных помещениях или прямо под открытым небом, прячась от холода в неубранные еще стога сена.

На седьмой день добрались до Лиможа. Город был забит беженцами. Получить комнаты в отелях — с нами ехали отец и младший брат с женой — было невозможно. Первую ночь мы провели в маленькой пивной — спали на столах. На следующее утро пошли завтракать в самое большое кафе.

Когда сидели в кафе, к жене подошел незнакомый мужчина, отрекомендовался беженцем-ювелиром из Страсбурга и предложил очень крупную сумму за кольцо с брильянтом моей покойной матери, которое было на руке у жены.

Я вмешался в разговор жены с ювелиром, сказал, что продавать кольцо пока что не собираемся, но если наступит нужда, то обратимся обязательно к нему. Врученная мне ювелиром визитная карточка пригодилась три года спустя. Но не буду забегать вперед. Расскажу все по порядку.

Спутник

Прежде всего коснусь удивительного человека, с которым познакомился во время бегства из Парижа в Лимож. Ему я посвятил целый рассказ. Он ведется от лица моего собеседника. Привожу этот рассказ целиком.

⁂

— Вы не верите?! Вы не можете себе представить, чтобы человек, который не переносит вида крови, имел на своей совести несколько из ряда вон выходящих преступлений. Не одно, я повторяю, а несколько. Вы улыбаетесь. Вам кажутся невероятными мои утверждения. Вы думаете: не мудрено, что у него расшатались нервы. Семь бессонных ночей, ужасы воздушных бомбардировок, брошенные дети, вдребезги разбитые автомобили (помните окровавленные сидения, мой обморок, агония десятилетнего ребенка, раненого во время бомбардировки, душераздирающие крики тяжелораненых в санитарных автомобилях?)... Наш безумный исход из Парижа. Помните, как на второй день нашего бегства я вас слезно уговаривал вернуться — ведь за первые 24 часа мы не прошли и 30 километров — а вы, чуть не насильно, заставили меня продолжать путь. Вы уговаривали грабителя и убийцу. Да, у вашего спутника окровавленные руки. В наш век, скажете вы, это не редкость. Верно. В этом я ищу себе оправдания, пытаюсь не думать о делах прошедших. Пытаюсь и не могу.

— Постойте! Не перебивайте меня. Дайте мне высказаться. Вы — моя жертва. Не бойтесь! Не думайте, что я избрал вас объектом нового преступления. Нет, я больше ни на что не способен. Я прошу вас — выслушайте меня до конца и вынесите мне приговор. Будьте моим прокурором. Наступил момент, когда

мне нужно освободиться от тяготеющей надо мною тайны, опустошить перед кем-нибудь мою душу. Этим «кем-нибудь» будете вы — случайный мой спутник. Мы вместе пережили семь безумных дней и ночей, вместе видели смерть перед глазами. Вы лучше другого поймете меня.

— По профессии я — архитектор и притом выдающийся. Учился в Петербурге. Когда был на втором курсе Института, о моем успехе говорила вся столица. Мой проект на всероссийском конкурсе удостоился первого приза. Успех небывалый — студент-второкурсник затмил лучших архитекторов. Не мудрено, что на меня обратили внимание, со мною носились, забрасывали заказами. Как видите, слава пришла рано. Мне не было еще 23 лет.

— За год до конкурса я успел жениться. Скажу вам правду, жена моя была женщиной бесцветной. Совершенно обыкновенной, ничего собой не представляла. Она не была даже особенно хороша, — таких женщин встречаешь на каждом шагу и редко когда оборачиваешься. Но ведь любовь слепа и необъяснима. Я влюбился, а может быть просто уговорил себя, что жизнь моя без этой женщины невозможна, да и она меня сильно полюбила. Вопреки желанию родителей — (они смотрели на нас, как на детей — ей было всего 19 лет) мы обвенчались. Брак оказался удачным. Меня не интересовали другие женщины, я много работал в Институте, свободное время посвящал заказам. В начале карьеры строил много склепов. Да, представьте себе, специализировался на семейных склепах. Звучит это довольно мрачно. Несколько странная специальность. Кстати, о склепах этих речь еще будет позднее. Не буду, однако, забегать вперед.

— Жили мы очень хорошо. Заказы оплачивались

высокими гонорарами. Денег в банке у меня было много.

— Получил как-то заказ на театральные декорации. Заказ выполнил, пошел на генеральную репетицию. Репетиция назначена была на 4 часа дня, премьера — на 9 часов вечера. В театре пошел за сцену повидать артистов. За сценой встретил артистку, которой до того не знал. Она, очевидно, слышала обо мне и хвалебно отозвалась о моих декорациях. Разговорились. Нас окружили другие артисты, уговорили меня остаться не только на репетицию, но и на премьеру. Моя новая знакомая в этом спектакле не участвовала. На генеральной репетиции, а затем на спектакле сидела рядом со мною. Я в нее влюбился. Почему — объяснить не могу. Думаю теперь, произошло это потому, что я очень плохо знал женщин, не успел до женитьбы как следует пожить. Женился слишком молодо. Попалась мне эта артистка, звали ее Еленой, она несомненно во всех отношениях стояла выше моей жены, блистала красотою — я в нее и влюбился. Ночь провел у нее. На следующее утро вернулся домой. Жена настолько была во мне уверена, что ей в голову не могла прийти мысль об измене. Я выдумал какую-то безобидную историю. Она мне, конечно, поверила.

— После этой встречи жил на два дома. Средств было достаточно, чтобы содержать жену и Елену. Елена знала о существовании жены, а жена не подозревала о существовании Елены.

— Октябрьская революция застала меня врасплох. Потерял все, что имел, а имел много. Деньги, бумаги, недвижимое имущество. Ухнуло все. Я растерялся. Растерялся из-за Елены. Я ее приучил к богатству, баловал ее до крайности и аппетиты ее были далеко не скромные. Подумал, теперь она меня бросит.

— Политикой я никогда не занимался. Получил приглашение работать от новой власти. Решил, что устроить это меня никак не может. Денег мне нужно очень много. Не так на мою семью (я имел уже в то время ребенка), как на Елену. Пошел к дяде советоваться. Он знал о существовании Елены, от него я не скрывал ничего.

— Пришел к нему, говорю — большевики зовут меня на службу, мне не хочется, у меня другой план. Хочу открыть антикварную лавку, торговать с иностранцами. В то время было не мало знатных англичан и американцев, скупавших за бесценок имущество буржуев, очутившихся в тяжелом положении. Дядя выслушал меня, попытался отговорить. Сказал, мой план бессмыслица и безумие. Большевики все равно лавку прихлопнут. От дяди пошел к Елене. Застал ее в ужасном настроении. Денег ни копейки, расходов — тьма. Думаю, нужно выворачиваться, иначе дело дрянь — потеряю Елену. Страх этот толкнул меня на первое преступление.

— Я стал антикваром и, притом, своеобразным антикваром. Подыскал молодых людей с сомнительным прошлым, организовал из них банду и мы опустошали брошенные буржуями квартиры. Торговали краденым. Больше того: помните, в начале моего рассказа я упомянул о склепах. Я за всю жизнь построил не мало склепов, знал, кто и где похоронен. Теперь мы эти склепы вскрывали по ночам и грабили покойников — снимали обручальные кольца, часто попадались и более ценные вещи. Дела в общем делали блестящие. Зарабатывали огромные деньги, моя Елена снова жила, как царица. Полиции мы не боялись, да ее и не было. Была так называемая милиция, которая никак не могла справиться с царившей в городе анархией. Нас никто не беспокоил, все шло как по маслу.

— Несколько месяцев жили мы припеваючи. А затем произошла весьма досадная история. Поссорились при дележе добычи. И один из моих молодцов пригрозил выдать меня милиции, если я не выполню его требования и не вручу ему в течение ближайших 48 часов значительной суммы денег. Этой суммы у меня не было. Я не на шутку испугался. Пошел к дяде, о котором речь шла выше, денег у него не получил и решился на безумный шаг. Опять пошел на преступление.

— Был у меня знакомый ювелир. С этим ювелиром я не раз делал дела. Выступал в роли комиссионера в тех случаях, когда мои клиенты не находили у меня того, чего искали. Я вызвал ювелира, сказал ему, что имею клиента на жемчужное ожерелье и назначил ему на завтра свидание. Заехал за ним на извозчике, вывез его за город, поднял на шестой этаж уединенно расположенного дома, ввел в квартиру и там мы его прикончили. Задушили и ограбили. Заметьте, я в убийстве непосредственного участия не принимал. Душили его мои сообщники. Я даже в комнате не присутствовал. Доставил мою жертву, а сам на том же извозчике вернулся в город. Пошел в церковь. Отмаливал грехи, бывшие и будущие. Особенно горячо молился за Елену. Ведь моя страсть к ней сделала из меня преступника.

— На следующий день один из нашей банды попался в руки милиции. По подозрению в торговле кокаином. Привели его в комиссариат, на допрос к следователю. Первые слова следователя — совет говорить только правду, наказание будет менее строгим. Наш растерялся, решил дело плохо, послушаюсь следователя. Рассказал об убийстве ювелира и выдал всех нас. Не знал, что его подозревали в торговле кокаином, а вовсе не в убийстве. Меня арестовали, посадили в

чека, через неделю приговорили к расстрелу. О переживаниях своих говорить не буду. Не стоит, вы их верно ясно себе представляете.

— Сижу неделю, другую. Изредка вижу Елену. Приносит передачи. Заключенных тогда не кормили. Их было слишком много, да и кормить было нечем. В стране был ужаснейший голод.

— Приходит как-то ко мне Елена, приносит еду и рассказывает, что большевики объявили конкурс на постройку крематория. Назначили уже комиссию по рассмотрению проектов.

— Новость эта запала мне в голову. Решил принять участие в конкурсе. Набросал в камере проект, подписать его не решился и послал его под девизом. Для девиза избрал заповедь — «не убий».

— Проект мой получает первый приз. Комиссия наводит справки, кто автор. Выясняется, автор — уголовный преступник. Положение у комиссии несколько затруднительное. Но очевидно мой проект был настолько блестящ, что его не только удостоили премии, но и выпустили меня из тюрьмы. Решили, надо полагать, что мои способности могут еще пригодиться.

— В восемь часов утра я покинул страшное здание на Гороховой 2. Имел ключ от квартиры Елены. Пошел прямо к ней. Семьи у меня уже не было. Жена от меня отвернулась, не хотела иметь дело с уголовным преступником. Открываю квартиру Елены, вхожу в спальню. Вижу Елену и рядом с ней моего самого близкого друга.

— Я повернулся и вышел. Пошел к дяде. Дядя встретил меня с распростертыми объятиями. Безумно обрадовался, когда ему сказал, что окончательно порвал с Еленой. Предложил жить у него. Я согласился. Начал работать. Работал очень успешно, имел много

заказов. Мне казалось, что я окончательно вычеркнул Елену из своей жизни.

— Я ошибся. Через два месяца она появилась вновь. Зашла навестить меня, я ее увидел и снова пропал. Она переехала ко мне. Сколько прожила со мною — не помню. Кажется несколько месяцев. Мое чувство к ней объяснить не берусь. Я ее любил и ненавидел. Знал, она меня не любит, ей нужны только мои деньги, я ей нужен только тогда, когда я на коне. У меня не было силы воли положить этому роману конец. Я мечтал об этом и не находил в себе достаточно мужества.

— А затем произошла снова несколько необычная история. В один прекрасный день я получил письмо от незнакомой женщины. Женщина эта писала о своем желании со мной познакомиться, указывала на то, что следила за моей жизнью. Я с ней понакомился, она внешне меня потрясла (красоты была необыкновенной) и я сделал ей предложение. Она его приняла. Я сообщил об этом Елене, сказал, что хотел бы выдать ее предварительно замуж за моего приятеля, с которым она мне изменила. Обещал материально ее обеспечить. Елена охотно согласилась. Моего друга она любила очевидно по-настоящему.

— Свадьба Елены была назначена за неделю до моей. Все расходы я взял, конечно, на себя. В день свадьбы явились все приглашенные. Их было не мало. Не явилась только невеста. О пропаже Елены сообщили милиции. Два дня спустя труп ее был обнаружен в корзине от белья. Ее задушили. Против меня улик никаких не было. Разве только то, что корзина принадлежала мне. Тем не менее меня арестовали. Суд меня оправдал. Я вышел из тюрьмы. Невеста меня бросила.

— На этом мне следовало бы кончить, поставить

точку под моим рассказом. Но я не могу, я не в состоянии больше носить эту тайну, мне нужно исповедаться. Я исповедуюсь перед вами. Слушайте, я собственноручно задушил Елену. Я ее убийца. Ибо я не мог примириться с мыслью, что эта женщина будет принадлежать другому. Страсть меня погубила.

Спутник мой замолчал. Я взглянул на него и мне показалось, что за последний час, за время своей исповеди, человек этот состарился на лет десять. По лицу его текли слезы...

На следующий день я его потерял. Мы добрались до небольшого городка, власти которого решили побаловать беженцев. На единственной городской площади были расставлены столы, уставленные всякими яствами. Но подкрепиться мы не успели. Внезапно раздалась воздушная тревога — завыли наводящие тоску сирены.

Публика бросилась врассыпную. Когда был дан отбой, я тщетно искал своего попутчика. Он провалился, как-будто, сквозь землю. В Лиможе его тоже не оказалось.

Что с ним стало — не знаю. Мне думается, что его нет больше в живых.

История с кольцом

Во время нашей жизни в Лиможе, а в этом городе мы застряли на целых три года, нас опекала русская женщина, жена местного коммерсанта-француза. Назовем ее госпожей М. Семейная жизнь сложилась у ней неудачно — у мужа была любовница, о которой знал весь город. У наших новых знакомых была дочь-студентка, учившаяся в парижской Сорбонне.

Госпожа М., уроженка Владивостока, попавшая после первой мировой войны в Лимож, приняла в нас

очень теплое участие. Она чуть-ли не ежедневно встречалась с нами и оказывала всевозможные услуги. Жили мы тогда в ужасных условиях — ютились в мансарде маленького деревянного домика. Летом в этой мансарде было невыносимо жарко, а зимой — очень холодно. С продовольствием в Лиможе обстояло из рук вон плохо и нас постоянно выручали новые наши друзья.

Летом 1942 года дочь госпожи М. обручилась в Париже и приехала на каникулы в Лимож. Тем же летом, не помню теперь было ли это в июне или июле, сидели мы на площади в двух шагах от нашего дома, когда заметили нашу лиможскую благодетельницу. Она совершенно явно направлялась к нам. Я пошел ей навстречу. Оказалось, что она хотела нас предупредить о предстоящей ближайшей ночью массовой облаве на иностранцев и предложить нам провести эту ночь в их доме. Мы поблагодарили ее сердечно за это приглашение и, конечно, его приняли.

Уходя из нашей мансарды, мы захватили небольшой коленкоровый мешочек, в котором держали все наши «драгоценности». Кроме упомянутого выше кольца с брильянтом моей покойной матери ничего особенно ценного у нас не было. В мешочке лежали золотые часы, подаренные мне отцом после того, как я сдал экзамен на доктора при Берлинском университете, золотые запонки, золотой карандаш и т.п.

На следующее утро, когда выяснилось, что за нами не приходили, — мы вернулись домой, но мешочек с «драгоценностями» оставили у приютивших нас на ночь друзей. Они имели в своей квартире сейф. Госпожа М. настояла на точной описи передаваемых им на хранение вещей. Один список остался у них, другой — находился у меня.

Прошел год. Мы по-прежнему очень часто встречались с этой семьей, вернее с женскими ее представителями — кроме самой хозяйки с проживавшей в Лиможе ее матерью и наезжавшей из Парижа дочерью. Хозяина дома мы встречали очень редко.

В самый разгар лета, было это, кажется, в июле, наши лиможские друзья собрались на свадьбу дочери в Париж. За несколько недель до поездки, не желая оставлять наши вещи в пустой квартире, госпожа М. вернула нам мешочек с «драгоценностями». Отдавая его, она потребовала, чтобы я проверил по списку все-ли в порядке. Я всячески хотел избежать этой проверки, ссылался на полное доверие и на оказываемую нам любезность, но ничего не помогло. Как и следовало ожидать все вещи были в полном порядке, а кольцо лежало в той же коробочке, в которой было передано на хранение.

Как сегодня помню, вещи эти нам вернули в субботу, а на следующий день т.е. в воскресенье, пришел нас навестить молодой француз, служивший в крупнейшем местном ювелирном деле. Жена решила показать ему брильянтовое кольцо, которое он еще не видел.

В тот день было очень жарко. Сидеть в мансарде мы не могли и кое-как устроились на лестнице, где не было никакого освещения. Свет проникал только через открытую в нашу мансарду дверь.

Я вынул кольцо из коробочки и передал его нашему гостю. Он взглянул на камень, покачал головой, а затем перевел взгляд на жену и меня...

— Вам не нравится камень? спросил я у гостя.

— Очень нравится, но меня удивляет другое — почему он не играет?

— Удивляться этому не приходится, ответил я.

Ведь тут нет никакого освещения. Выйдем на улицу и вы увидите...

Мы вышли на улицу и камень действительно заиграл, как первоклассный брильянт. Но когда мы зашли обратно в дом, — гость удивился, что камень опять не играет. И на этот раз мне стало не по себе.

Чтобы проверить вкравшиеся в душу сомнения, я сказал жене, что пойду с кольцом к тому самому ювелиру, который подошел к нам в свое время в кафе и, ни слова не говоря о подозрениях, попрошу его укрепить камень в оправе.

Несмотря на воскресенье, я застал его дома и показал ему кольцо. Он взглянул и тотчас же вскрикнул:

— Послушайте, ведь это не тот камень! Вам его подменили. А этот — простой алмаз и стоит он не больше 100 франков.

Сомнений больше не оставалось. Единственные в Лиможе люди, на которых, как нам до сих пор казалось, мы могли положиться, как на каменную гору, пошли на настоящее уголовное преступление — заменили один камень другим...

Я вернулся домой, забрал жену и мы направились к тем людям, которых до сих пор считали нашими спасителями. Господина М., как полагается, дома уже не было. Мы застали только его жену и рассказали ей о причинах столь неожиданного визита.

Начал я с того, что не подозреваю, конечно, ни ее, ни ее мужа, ни дочь, но совершенно не знаю жениха дочери, недавно гостившего в Лиможе.

У госпожи М. был совершенно растерянный вид, она долго рассматривала переданное ей мною кольцо, заметила, что ничего не понимает в камнях и обещала переговорить с мужем.

На следующий день я пошел к местному молодому

адвокату и рассказал ему о случившемся. Он спросил меня, могу ли я назвать фамилию человека, хранившего наши вещи. Когда я назвал, он сделал гримасу, сказал, что у этого человека очень плохая репутация и рекомендовал мне обратиться в полицию, которая примет все меры.

На это мы уже не решились. Отдавали себе отчет, что похитивший брильянт человек не остановится перед тем, чтобы избавиться от «назойливых» знакомых и выдаст нас гитлеровскому гестапо.

Дней через десять к нам зашла госпожа М. и в тот же день мы имели разговор с ее мужем. Он начал с длинного предисловия, сказал, что не понимает, как это могло произойти, но выразил тем не менее готовность уплатить нам несколько тысяч франков, т.е. примерно десятую долю того, что нам три года назад предлагал ювелир из Страсбурга, не говоря уже о том, что франк за это время сильно обесценился.

Но и эти гроши получить у господина М. было не легко. Сперва он предложил нам уплатить тем товаром, которым тогда торговал — радиоаппаратами. Мы отказались и денег пришлось ждать несколько недель.

Три месяца спустя мы навсегда покинули Лимож, но после освобождения Парижа, возвращаясь из деревни, где мы укрылись, в столицу, я намеренно остановился в Лиможе, чтобы выяснить вопрос, могу ли я притянуть к судебной ответственности повинного в похищении брильянта человека.

Осуществить это намерение не удалось. Мне сказали, что арестовать этого субъекта и посадить в тюрьму ничего не стоит. Но для доказательства его вины необходимы свидетели, а у меня, кроме жены, которая свидетельницей быть не может, нет никого.

Поэтому за арест и тюрьму М. вчинит такой иск, что мне не поздоровится.

От преследования лиможского коммерсанта пришлось таким образом отказаться и я вспомнил о нем только 30 лет спустя, когда мы отправились в «сентиментальное путешествие». На этот раз мы ехали не в автомобиле, а в поезде и вместо пяти дней поездка эта продолжалась всего четыре часа. В 8 часов утра мы выехали из Парижа и к полудню были в Лиможе.

Мы охраняем железные дороги

Когда мы попали во время войны в Лимож, то там было уже много беженцев-испанцев. Во время гражданской войны в Испании люди эти сражались на стороне республиканцев и после победы Франко вынуждены были покинуть родину. Присутствие испанских беженцев придавало городу определенно левый оттенок и когда во Франции началось движение Сопротивления, то в первых рядах оказался Лимож.

Май 1943 года. Военное счастье определенно изменило Гитлеру. Немцев повсюду преследуют неудачи. Этим пользуются французские патриоты: террористические акты усиливаются с каждым днем, принимают стихийный характер.

Немцы нервничают. По их распоряжению правительство Виши создает так называемую железнодорожную полицию. Ей вменяется задача охранять железнодорожные пути.

По внешнему виду новая полиция напоминает эсэсовцев Гитлера. Форма ее черная и не хватает только свастики.

Для охраны путей требуется очень много полицейских. Набрать их нет возможности. Вся французская армия сидит в плену и мужчин в стране осталось очень мало.

Мой лиможский приятель Гриша Р. и я идем в добровольцы — вызываемся ежевечерне сторожить железнодорожные пути от нападений тех, кому сочувствуем всем сердцем и душой. Отдаем себе при этом отчет, что подвергаемся смертельной опасности. Если покушение произойдет на охраняемом нами участке, — нам грозит верная смерть — немцы нас расстреляют.

Совершенно сознательно идем на этот риск. Ведь мы находимся на положении травимых зверей. Несколько недель назад был арестован старший брат Гриши. За ним пришли французские жандармы. Его не было дома. Он был на работе, — занимался в Лиможе малярным ремеслом. Его сняли с лестницы-стремянки, он белил в этот момент потолок. Так, в измазанном краской халате его и отправили на вокзал и погрузили в товарный вагон. В таких вагонах немцы доставляли евреев в лагеря смерти. Было тогда в Лиможе очень голодно и Гриша попытался передать арестованному маленькую продовольственную посылку от матери. На платформу Гришу не пропустили, не дали возможности попрощаться с братом. Несколько дней спустя родители получили выброшенную из вагона записку. Какая-то добрая душа нашла ее и доставила по адресу.

В записке было всего несколько слов. Брат Гриши писал, что их отправляют, по слухам, в Париж и просил родителей не беспокоиться. Тогда еще никто не знал о существовании газовых камер.

Нам тоже грозит судьба Гришиного брата. Я провинился в том, что не вернулся в Париж с заводом, к которому был прикреплен после мобилизации, что касается Гриши, то на всех его бумагах стоит крупная печать «еврей». Этого вполне достаточно, чтобы, в лучшем случае, угодить за колючую проволоку.

Крупные облавы в Лиможе производятся ночью. Если, кроме мужчин, предстоит забрать женщин и детей, то в распоряжение жандармов дают автомобили... Красного Креста. Делается это в «гуманных целях» — на случай женских обмороков.

Опаснее всего поэтому — спать в своей постели. Это соображение играет большую роль в нашем решении — записаться добровольцами по охране железнодорожных путей. Если за нами придут, то дома нас не будет, а искать нас на железной дороге — дело нелегкое.

Ежедневно, в 7 часов вечера, мы идем на «работу». На площади перед вокзалом происходит перекличка. Когда выкликают наши фамилии, отвечаем — «презан», т.е. «здесь». «Черные» полицейские расставляют нас по двое на расстоянии каждых 100 метров. Мой неизменный компаньон — Гриша. Его присутствие — он всегда в хорошем настроении — действует на меня успокаивающе.

Продежурив несколько недель подряд, — я и Гриша набираемся смелости. Если выдается холодная ночь, забираемся в стоящие на путях составы и поочередно дремлем. Наше легкомыслие не имеет границ, но море нам по колено — пропадать так с музыкой!

Из дневника

Выписка из дневника. Помечена она 12-м августа 1943 года. Привожу ее целиком.

«Никогда в жизни не забуду событий сегодняшнего дня. Вчера вечером, около 7 часов, когда мы собирались идти на привычное занятие — сторожить железнодорожные пути, услышал грузные шаги по лестнице. Жили мы в мансардном помещении двухэтажного дома. Выглянул на лестницу. Увидел полицейского в форме. Сердце замерло. Подумал: неужели за мной?

Полицейский вручил мне повестку. На следующий день, в 2 часа, мне следовало явиться на медицинский осмотр. Меня собирались отправить, как иностранца, на работы в Германию.

Не трудно представить себе мое настроение. С тяжелым сердцем отправился с Гришей на вокзал. Когда нас отводили на место, а делал это обычно один и тот же полицейский, я рассказал ему о повестке. Он меня успокоил. Сказал, что как доброволец по охране железных дорог я буду немедленно освобожден от принудительной отправки в Германию. Рекомендовал до медицинского осмотра зайти к начальнику местной железнодорожной полиции, «который вас немедленно освободит». Назвал мне фамилию начальника и дал адрес полицейской главной квартиры.

Сегодня, в 9 часов утра, пошел по указанному адресу. Помещалась главная квартира железнодорожной полиции в небольшом особняке. При входе стояли часовые.

Я сказал, что хочу видеть начальника и назвал его фамилию. Мне предложили подняться на второй этаж. В небольшой комнате, куда я вошел, у окна стоял стол. За ним сидели два полицейских офицера в форме. Посередине комнаты стояло двое мужчин в штатском. Один из них был на вид совсем молод, другой — значительно старше, с проседью. Он обратился ко мне с вопросом. Я ответил, что хотел бы говорить с главным начальником.

— Это я... Чем могу служить?

Я показал ему повестку, сказал, что добровольно пошел охранять железнодорожные пути и попросил его освободить меня на этом основании от отправки на работы в Германию.

Офицер развел руками, сказал, что совершенно

бессилен оказать мне помощь, так как повестка послана вышестоящим учреждением, которому подчинена железнодорожная полиция.

Не знаю, заметил ли он в тот момент выражение полного отчаяния на моем лице, но внезапно замолчал, а затем спросил:

— Хотите выслушать мой совет?

— Конечно, поспешил ответить я.

— Так вот, рекомендую вам немедленно скрыться... бежать из Лиможа...

Начальник полиции немного помолчал, а затем добавил:

— Для облегчения вашего бегства, я дам вам нашу полицейскую форму...

Я так растерялся, что не мог произнести ни слова. Подумайте только — назначенный Виши начальник полиции предлагает человеку, которого видит в первый раз, ослушаться приказа свыше. Перейти на положение участника Сопротивления, с которым ему следует решительно бороться. Ведь меня он видит впервые, я могу оказаться подосланным немцами провокатором. В этом случае он рискует головой. А офицеры за столом, оказавшиеся случайными свидетелями этого разговора, — неужели и их он совершенно не стесняется?

Предложение «командана» тронуло меня до слез. Когда я пришел в себя от неожиданности, то сказал, что не нахожу слов для выражения благодарности и немедленно, конечно, воспользуюсь его любезностью, если буду признан на медицинском осмотре годным для отправки в Германию.

Мой ответ начальника полиции не удовлетворил. Он предупредил меня, что идти на осмотр очень опасно. Последнее время участились побеги признанных год-

ными. Немцы поэтому сразу же после медицинского осмотра, отправляют всех «годных» под усиленной стражей на вокзал, сажают в поезда и не дают даже возможности проститься с родными.

. . . .

. . . .

Я все же его не послушался. Трудно было перейти вот так, с сегодня на завтра, на нелегальное положение и расстаться с женой. А бежать вместе с нею было невозможно.

Поэтому я положился на судьбу и ровно в два часа дня явился на медицинский осмотр. Что будет, то будет... Авось, повезет на этот раз и осматривать меня будет не немецкий, а французский врач.

Судьба, очевидно, меня хранила. Я был одним из первых, явившихся на осмотр. До меня шел швейцарский гражданин. Ожидая своей очереди в соседней комнате, я слышал, что говорилось рядом. Швейцарец убеждал доктора, что у него больное сердце. Врач дважды его выслушал и затем, не обращая внимания на утверждения швейцарца, велел секретарше сделать против фамилии этого иностранца пометку, «годен» к отправке в Германию на работы.

Когда неудачливый швейцарец стал одеваться, я вошел в комнату, где происходил осмотр, и увидел, что буду иметь дело с пожилым французским врачем. Сразу отлегло от сердца.

Он спросил меня, какой я национальности. Я ответил — русский. Профессия — журналист.

Не прошло и минуты, как я был свободен. Доктор, обратившись к девушке, произнес заветное слово «негоден» и отпустил меня на все четыре стороны. За мной шел беженец от Франко — очень здоровый на вид молодой испанец. Я слышал, как врач допытывался

у него, не страдает ли тот каким-нибудь недугом. Очевидно он хотел освободить и испанца от поездки в Германию. Но тот, как на зло, ни на что не жаловался.

Из разговора с испанцем я понял тактику французского врача. Освободить всех он не мог и ограничивался поэтому теми, кому бы пришлось в Германии особенно плохо. К этой категории он относил, конечно, русских и красных испанцев. Рассчитывать на благосклонное отношение наци им не приходилось. В лучшем положении был швейцарец. В Германии сидели дипломатические представители этой нейтральной страны, к которым он мог в любую минуту обратиться за помощью. Поэтому доктор признал швейцарца годным, а меня освободил и тщетно пытался сделать тоже самое и с красным испанцем».

На этом кончается запись в дневнике. Два месяца спустя мы с Гришей покинули навсегда Лимож. Спасались от немцев. Ехали в расположенную в четырех часах от Тулузы деревушку. В ней находился один из центров Сопротивления оккупантам.

Бегство в деревню

Из Лиможа поезд уходил тогда в 11 часов вечера. Ездить было очень опасно. Пассажирских поездов было мало и к каждому поезду прицепляли два вагона для немецких офицеров и солдат. Во время пути производились бесконечные контроли. Гитлеровцы искали своих врагов — солдат Сопротивления и охотились на евреев.

Мы с трудом влезли на площадку одного из вагонов второго класса. Жене удалось проникнуть внутрь вагона, а я с Гришей, который спасался так же, как и мы, и с нашей собачкой — маленьким фоксиком Рикки — остались на площадке. Собаку я держал на

руках, а в ногах имел самую ценную для нас вещь — небольшой радиоаппарат, при помощи которого мы ежевечерне слушали передачи из Лондона. Жить без этих передач было невозможно. Ведь мы были совершенно изолированы от внешнего мира и без Лондона не имели представления, что в нем происходит.

Я стоял спиною к выходной двери, а Гриша — напротив меня. Он недавно вернулся из плена и на нем была потрепанная солдатская шинель и баска на голове. В Тулузу поезд наш приходил по расписанию в 7 часов утра. Шел он без опоздания и мы радовались тому, что во-время успеем пересесть на поезд в Кастр. Деревня, куда мы направлялись, находилась примерно в часе езды от этого городка.

Подъезжая к Тулузе, поезд неожиданно остановился. Сперва я не придал этому особого значения. Решил было, что закрыт просто семафор. Никак не мог предположить, что придется пережить самый страшный момент за все 4-летнее пребывание под властью германских оккупантов.

Не успел я подумать о семафоре, как чувствую, что дверца вагона, на которую я опираюсь, начинает поддаваться. Гляжу на своего спутника, вижу он стоит бледный как полотно. Оборачиваюсь к двери и... о, ужас! в наш вагон взбирается бравый немецкий унтер-офицер. Явно, контроль документов, осмотр багажа. Немец поднимается на площадку, минуту стоит рядом с нами, окидывает нас испытующим взглядом, гладит мою собачку и... проходит в вагон.

Несколько минут спустя поезд трогается. Я выглядываю в окно и вижу у железнодорожной насыпи человек тридцать снятых с поезда пассажиров, показавшихся подозрительными «победителям».

В тот момент мне было ясно, что жизнь мне спасла

маленькая Рикки. Увидев пса на моих руках, немец резонно решил — ну что это за «злоумышленники», которые в такое время решаются разъезжать с собаками.

Участие в движении Сопротивления

В нашей деревне, куда мы бежали из Лиможа, помещалась штаб-квартира Десятого сектора французских партизан, или, как их принято было называть, «макизаров», проявлявших в то время активную деятельность на всей территории оккупированной немцами Франции.

Десятитысячный немецкий гарнизон, состоявший в большей своей части из русских военнопленных, переодетых в германские шинели, стоял в двадцати километрах от деревни в уездном городке Кастре.

Зима 1943-44 года выдалась на редкость суровая. Наша деревня тонула в снегу, дороги были трудно проходимы, и добраться немцам до нас было очень трудно. Прекрасно осведомленные о всех партизанских отрядах этого района, немцы не предпринимали никаких решительных действий и воздерживались от карательных экспедиций. Занесенные снегом дороги и гористая местность не позволяли развернуться танкам, да и в переодетых русских солдатах большой уверенности у них не было. На всех поворотах дорог им мерещились партизанские заставы, и рисковать людьми, которых было уже не много, немцам не хотелось. Между тем террористические выступления следовали одно за другим. Партизаны разбирали железнодорожное полотно, взрывали мосты и железнодорожное движение в стране было затруднено до крайности.

Настроение среди партизан было приподнятое, в воздухе чувствовалось приближение конца. Ежеве-

черне лондонское радио сообщало нам о новом поражении немцев на Восточном фронте и о предстоящей в Европе высадке союзников. Все были уверены, что наступил последний год войны, когда с Гитлером будет покончено.

Встреча с власовцем

12 января 1944 года, в 8 часов утра, меня спешно вызвали в штаб-квартиру партизанского сектора. Помещалась она в маленькой усадьбе, высоко в горах, в часе ходьбы от нашей деревни. Сопровождал меня туда молодой макизар-француз, на вид семнадцатилетний мальчик, исполнявший обязанности адъютанта при одном из командовавших нами офицеров.

В то утро подниматься в гору было не легко, ночью выпал новый снег, ноги вязли в снегу, и на дорогу мы потратили около двух часов. Когда, наконец, мы достигли цели и миновали все партизанские заставы, охранявшие подступы к нашему штабу, — я обратил внимание на какое-то необычное волнение. В саду усадьбы стояли отдельные группы партизан, горячо что-то обсуждавшие. Когда я вошел в большую столовую усадьбы, превращенную в приемную, я заметил человека в немецкой военной форме, окруженного нашими офицерами. На рукаве его шинели были три буквы — РОА. Они означали принадлежность солдата к Власовской армии. Французы тщетно пытались с ним объясниться.

Пленный повторял все время одно и то же слово «маки». Он не говорил ни по французски, ни по немецки и с очень сильным кавказским акцентом изъяснялся по русски.

Оказалось, что меня вызвали для того, чтобы исполнять роль переводчика. Когда наш «немец» уви-

дел меня и узнал, что я русский, — его лицо просияло.

— Скажите им, — обратился он ко мне, что я бежал от немцев. Я их ненавижу. Я хочу сражаться против них с французскими партизанами.

Я перевел его слова. Французы отнеслись к этим заявлениям весьма скептически. В то время к перебежчикам доверия большого не было, среди них было не мало шпионов, то и дело переходивших из одного лагеря в другой и сообщавших немцам ценные сведения о местонахождении партизан. Поэтому у макизаров установилась практика — с перебежчиками не церемониться, их выводили в расход, т.е. безжалостно расстреливали. Точно также было решено поступить и с этим «немцем». Мне поручено было сообщить ему, что завтра утром, на рассвете, смертный приговор будет приведен в исполнение. Несчастный взмолился.

— Скажите им, чтобы они дали мне возможность показать себя на деле. Пусть они дадут мне самое опасное поручение. Я не боюсь ничего и готов пожертвовать своей жизнью.

Его искренность меня тронула, мне захотелось во что бы то ни стало его спасти. После длительных переговоров мне удалось убедить наших офицеров отменить расстрел. Было решено определить его в один из наших партизанских отрядов.

Куда его послали я не знал и на много месяцев потерял его из виду.

Во второй раз я увидел его в день Освобождения, во время парада всех партизанских отрядов, состоявшегося в нашей деревне. Он шел во главе отряда еврейских мальчиков-партизан. На нем была рубашка защитного цвета, на плечах красные самодельные эполеты, правая рука была на перевязи.

После конца парада я разговорился с несколькими

мальчиками из его отряда. Все они его боготворили за храбрость. Он самолично при помощи ручных гранат остановил немецкий блиндированный поезд и, несмотря на серьезное ранение в руку, взял с подоспевшими партизанами в плен весь его командный состав.

Моего протеже звали Васей, — так окрестили его соратники, ибо выговорить его грузинское имя они не могли.

Самоубийство гестаповца

Когда наступила весна и дороги освободились от снега, немцы, в поисках партизан, принялись совершать «набеги» на окрестные с Кастром деревни. Пользовались они для этого танками, которые внезапно появлялись в той или другой деревне и открывали стрельбу по показавшейся гитлеровцам подозрительной молодежи. В каждом французе им мерещился партизан.

Последний «набег» на нашу деревню был совершен за несколько дней до освобождения. Невинными жертвами немцев оказались три юноши, выгружавших бревна со стоявшего у проезжей дороги грузовика. Вражеский танк проехал по этой дороге и дал залп по французам. Они были убиты на месте. На состоявшихся два дня спустя похронах присутствовала вся деревня. А еще через неделю война для Гитлера была закончена. Союзники высадились в Нормандии и отряды оккупантов стали один из другим сдаваться на милость победителей.

Сложил оружие и немецкий десятитысячный отряд в соседнем с нашей деревней городе Кастре. Штаб партизан принимал сдавшихся немцев. Колонна их растянулась на хорошую милю. Впереди шли офицеры, за ними солдаты, кортеж замыкали офицерские жены, де-

ти, собаки. Всех офицеров разместили в нашей деревне. Штаб ждал инструкций из центра. Мы не знали, что с пленными делать.

Среди офицеров оказалось много иностранцев — приспешников наци — испанцев, поляков и русских, надевших немецкую форму. У каждого офицера был свой денщик.

Я обратил внимание на 17-летнего русского юношу, исполнявшего эти обязанности при офицере-поляке. Он услышал русскую речь — я говорил с приятелем, подошел к нам, стал рассказывать о себе и жаловаться на судьбу. Пытался, конечно, убедить нас, что он не «доброволец», но что его заставили надеть немецкую форму. Своего офицера он очень хвалил, говорил, что тот заменяет ему родного отца. Объяснял это тем, что офицер — де не немец, а поляк из Варшавы. Человек исключительной доброты и отзывчивости.

Я предложил моему собеседнику познакомить меня с офицером. Знакомство состоялось на следующий день, в саду перед школой, в помещении которой мы временно разместили весь командный состав сдавшейся нам немецкой дивизии.

Офицер произвел на меня приятное впечатление. Он не пытался оправдываться, как делали все остальные, говорил, что примирился с печальной судьбой, которая его ожидает, и мечтал об одном — о свидании с женой и ребенком.

В разговоре со мной очень тепло отозвался о своем денщике, просил облегчить его судьбу, принять во внимание его молодость. Я обещал.

Следующий день я провел вне деревни. Был в Кастре. Возвращался домой поздно вечером. Подъезжая к деревне, услышал оглушительный взрыв. Через минуту узнал — вчерашний мой собеседник — офицер-

поляк из Варшавы покончил все счеты с жизнью, воспользовался для этого ручною гранатой.

Я ахнул. Вчера еще мечты о свидании с женой и ребенком, а сегодня конец. Почему?

Причину самоубийства узнал через час. Оказалось, что поляк служил у наци в гестапо, работал не за страх, а за совесть. Он сносно говорил по французски и ему был поручен поэтому допрос пленных французов.

Говорить о гуманности этого следователя не приходилось. Поляк подвергал свои жертвы нечеловеческим пыткам, хотел выслужиться у своих новых хозяев, был уверен в конечной победе немецкого оружия.

В день самоубийства он был опознан одной из своих последних жертв — маленьким тщедушным французом из Тулузы, постоянно исполнявшим опасные поручения. Перед самым освобождением он попался в руки гестапо и хорошо ознакомился с «методами» офицера-поляка. Французу не удалось бы избежать смерти, но роли внезапно переменились. Бывшие палачи оказались на положении побежденных и в одном из них француз-патриот из Тулузы опознал своего мучителя.

Поляк сделал немедленно вывод — рассчитывать на милость победителя ему не приходилось и он искупил свои преступления собственной кровью.

Обратно в Париж

В августе 1944 года был освобожден от врага Париж. Два месяца спустя мы двинулись из приютившей нас и спасшей наши жизни деревни в обратный путь. По дороге в столицу решили остановиться в Лиможе и навестить там родителей ехавшего вместе с нами приятеля Гриши, который в самый страшный момент «охранял» вместе со мною железнодорожные пути.

Гришины старики — отцу было лет под восемьдесят, а матери — свыше семидесяти — пережили в Лиможе оккупацию Франции. Устроились они в предместье города. Хозяином их был главный во всей округе «милиционер» Виши, т.е. ярый сторонник наци. Это не помешало ему сдать часть дома гонимым евреям, которых он безбожно эксплуатировал. Семья хозяина состояла из трех человек — самого милиционера, его жены и сына, 17-летнего юноши, полностью разделявшего взгляды отца. Таких же убеждений придерживалась и его мать. Таким образом, вся эта семейка с нетерпением ждала и верила в грядущую победу «третьего рейха» и выдавала гестапо французских патриотов.

Скрыться после ухода немцев из Лиможа они не успели и со всей семьей жестоко расправились французы. Никто не уцелел.

Мы видели следы этой расправы. На подоконнике второго этажа стояла бутылка от пива, а рядом с бутылкой была прикреплена к внешней стене дома длинная женская коса. Когда я поинтересовался, что это собственно изображает, то мне рассказали страшную историю.

Оказалось, что до высадки союзников в Нормандии, когда в Лиможе были еще немцы, партизаны совершили набег на эту деревню. В первую очередь им хотелось отомстить милиционеру и его семейке. На совести у этих коллаборантов было очень много крови.

Мужчин, т.е. самого милиционера и его сына, дома не оказалось. Была только хозяйка. Ей удалось выбежать из дому и укрыться в лесу. За женщиной была организована погоня. В конце концев ее нашли и расправились с нею на месте. Сперва ее постригли догола, как поступали со всеми путавшимися с немцами фран-

цуженками, а затем тут же убили. Бутылка, наполненная кровью убитой была выставлена на подоконнике, а рядом с бутылкой была прикреплена к стене ее срезанная коса. Это было сделано для острастки других предателей.

Муж убитой и ее сын заплатили за свое предательство после Освобождения. В течение первых нескольких месяцев после победы над Гитлером никакой пощады для коллабарантов не было. Особенно жестоко расправлялись с ними в провинции. То и дело газеты сообщали о судах Линча.

Но я отклонился от темы...

После 2-дневного пребывания в Лиможе, мы двинулись дальше. Прямого железнодорожного сообщения с Парижем еще не было. Отступая немцы взорвали мосты на Луаре и в октябре, когда мы возвращались в столицу, мосты эти не были еще восстановлены. Вышедший из Лиможа поезд остановился поэтому в Орлеане, который стоит на Луаре. С очень большим трудом мы дотащили кое-как наши чемоданы до берега реки и там сели в лодку, которая доставила нас на другой берег. Несколько часов спустя мы снова сидели в поезде и приближались к Парижу.

Ехали мы в полную неизвестность и на душе было неспокойно. Квартиры у нас больше не было. Через год после отъезда из столицы в Лимож, не то немцы, не то французы вывезли всю нашу обстановку, а затем в дом, где мы жили, угодила бомба, сброшенная во время союзного налета на занятый врагом Париж. Бомбой этой были причинены значительные разрушения.

Наше положение значительно осложнялось еще тем, что до Парижа мы добрались поздно вечером. С вокзала вышли около одиннадцати часов и разыскивать в городе друзей и знакомых не было уже никакой

возможности. Да мы и не знали, кто из друзей уцелел и кто погиб и вернулся ли кто-либо из них в Париж.

Первую ночь в Париже мы провели поэтому в маленьком грязном отеле у вокзала, а на следующий день принялись искать более приемлемое пристанище. Два дня я провел у знакомых, живших в Ванве, а на третий день пошел в мэрию 16 аррондисмана, в котором жил с самого приезда в Париж. Там я предъявил свои документы об активном участии в Сопротивлении и ходатайствовал о предоставлении мне жилого помещения. При мне была собака, тот самый маленький фоксик, который спас мне жизнь при бегстве из Лиможа в деревню, и расставаться я с ним не желал. Наличие собаки затрудняло, конечно, мое положение. В отель меня не пускали, а снять комнату в частном доме было очень трудно. Мне следовало найти отдельное помещение и, по возможности, меблированное.

Вопреки ожиданиям, мое обращение в мэрию сопровождалось успехом. Мне предоставили целый... «особняк» в прекрасном месте — на рю Фэзандери близ Булонского леса. Окрыленный успехом, я прямо из мэрии отправился осматривать свое новое жилище. Это был небольшой 2-этажный деревянный домик, расположенный в глубине двора. В домике поменьше жил старик-консьерж с женой. Из разговора с ним я выяснил, что недвижимость эта принадлежала американке, которая бросила все на произвол судьбы и вернулась перед самой войной в Соединенные Штаты. В самом начале войны в домике нашла приют семья евреев-беженцев. Но долго они в нем не удержались. Несколько месяцев спустя были депортированы гитлеровцами и погибли, вероятно, в газовых печах.

Из находившейся в домике обстановки сохранились только кровать и деревянный шкаф. Все осталь-

ное было вывезено немцами. Но главная беда заключалась в том, что сам домик очень давно не ремонтировался и медленно, но верно разваливался. Внутренней лестницей, например, которая вела на второй этаж, можно было пользоваться только с опасностью для жизни — перила были сломаны, а ступени трещали под ногами и казалось, что они вот-вот провалятся.

Несмотря на отсутствие отопления, прожил я в американском «особняке» зиму 1944-45 года и запомнил на всю жизнь Рождественские праздники, которые омрачены были последней военной операцией Гитлера — неожиданным наступлением в Арденнах.

Сперва немцам улыбнулось военное счастье. Они окружили американскую дивизию и в Париже заговорили о возможности эвакуации столицы. Как сегодня помню проведенный у друзей Сочельник и позднее возвращение домой, где меня с нетерпением ждал мой фоксик. Я решил прогулять собаку, вышел около полуночи на улицу, не успел сделать несколько шагов, как раздался хорошо нам всем знакомый раздирающий душу вой сирен, оповещавший население столицы о приближении вражеских самолетов.

За время отсутствия из Парижа мы успели отвыкнуть от воздушных тревог, да и считали после освобождения столицы, что война окончательно кончена. Вой сирен произвел поэтому на меня какое-то гнетущее впечатление. Также реагировал мой фоксик — он сломя голову бросился домой. Вспомнил очевидно то время, когда мы при первых звуках сирен поспешно спускались в убежище и никогда не забывали, конечно, захватить нашу собаку. А вела она себя там не хуже человека. Совершенно спокойно дожидалась конца воздушной тревоги.

Военная операция в Арденнах закончилась, как из-

вестно, полным поражением немцев. Это были последние предсмертные судороги Гитлера.

В американском «особняке» я прожил до ранней весны. А затем вынужден был поспешно из него выбраться, так как в доме обвалился потолок. Я перебрался к знакомому доктору, который жил напротив. У него была комната для прислуги на седьмом этаже и он мне сдал это помещение. Там я прожил до отъезда в Нью Йорк, т. е. до конца августа 1946 года.

Партизанка

С тяжелым сердцем я уезжал из Парижа в Нью-Йорк. Казалось, я расставался с самым близким мне существом. Я навсегда прощался с городом, равного которому нет на свете, мучительно переживал предстоящую разлуку. Покидал всех тех, с кем пережил тяжелые годы немецкой оккупации. Близких сердцу людей было много, ибо в опасные моменты жизни люди всегда легко сходятся, становятся друзьями. А жизнью мы рисковали не ежедневно, а ежеминутно. Люди исчезали с часу на час, проваливались сквозь землю. Их мучили в застенках гестапо, сжигали в лагерных печах, расстреливали на улицах. Страшное было время. Мы не знали, что «день грядущий нам готовит», старались не думать об этом, торопились жить и чувствовать. Жить так, как живут нормальные люди: в свободное время посещать театры и кинематографы, читать книги и даже ухаживать за женщинами. И странно, — у нас не было потребности в мимолетных знакомствах, в ничего не значущем флирте, — мы и тут искали сильных ощущений, сильных душевных переживаний. Люди сходились на всю жизнь, строили планы на будущее и ни на минуту не задумывались о настоящем. Не думали о том, что через несколько часов им придется поки-

нуть своих возлюбленных, играть в прятки со смертью, подстерегавшей их на каждом шагу.

За несколько дней до отъезда у меня произошла необычайная встреча, описанная мною в рассказе «Партизанка». Привожу его с небольшими сокращениями.

Около полуночи я возвращался домой. Была чудесная майская ночь. Как очарователен Париж в мае! Булонский лес, Елисейские поля, необыкновенная Площадь Согласия, самая красивая из площадей в мире.

Я жил в пяти минутах от Булонского леса и, направляясь домой, поднимался по Елисейским полям. Пройти мимо Триумфальной арки и не остановиться на минуту у могилы Неизвестного Солдата невозможно. Особенно ночью, когда виден уже издалека свет неугасимой лампады и нет толпы, мешающей тебе сосредоточиться. Я подошел к могиле и задумался. Меня преследовала одна и та же мысль — предстоящая разлука с Парижем. Неожиданно кто-то положил мне руку на плечо. Я невольно вздрогнул. Мне казалось, что я был совершенно один. Когда обернулся, увидел незнакомую мне фигуру. Рядом со мной стоял среднего роста мужчина, на вид лет тридцати с совершенно седой головою.

— Ты не узнаешь меня? Да, узнать меня не легко. Помнишь Пьера? Зима 1943 года, Тулуза, наша встреча на кишащем немцами главном вокзале? Ты возвращался из Лиможа в Бордо, я ехал из Парижа на юг. Последняя наша встреча. Каким счастливым я чувствовал себя тогда. Был совершенно уверен, что благополучно выполню возложенную на меня миссию и безумно торопился вернуться в Париж на свидание с любимой женщиной.

Я тотчас же узнал потерянного в смутные годы друга, которого давно считал погибшим.

С большим трудом нам удалось найти открытую в столь поздний час пивнушку, и мы просидели там до рассвета.

Мой приятель принадлежал к тем французам, для которых слово свобода было все, впиталось в них вместе с молоком матери. Ему удалось чудом избежать немецкого плена, он вернулся в занятый врагом Париж и тотчас же стал солдатом подполья, солдатом армии Освобождения.

Пьер презирал смерть. Исполнял самые ответственные поручения, и судьба ему постоянно покровительствовала. В 1943 году наши пути разошлись. Я работал в южной зоне, он — в северной. Я потерял его из виду, в декабре 1943 года случайно встретился с ним на вокзале в Тулузе, безнадежно искал его после Освобождения. По сведениям товарищей, он попался в лапы гестапо и бесследно пропал.

— Да, дорогой друг, говорил Пьер, сколько за эти годы было пережито. Ты ведь помнишь нашу последнюю встречу в Тулузе? Теперь расскажу тебе, что предшествовало этой встрече. 15 декабря 1943 года, как сегодня помню еще этот день, я был на нашей тайной квартире. Мне предстояло ответственное поручение — доставить радиоприемник из Парижа на юг. Когда я пришел, то увидел там молодую очаровательную женщину, с прекрасным открытым лицом. Ты ведь знаешь мою слабость — голубые глаза в сочетании с темными волосами. А у нее были огромные синего цвета глаза и была она темной шатенкой. Мне ее представили. Ее звали Мариной. Она говорила по-французски с сильным славянским акцентом. Когда представляли, — отрекомендовали партизанкой. История ее меня поразила.

Марина была дочерью видного польского адвоката. После разгрома Польши она нелегально перешла

русскую границу. Вместе с русскими войсками сражалась в рядах первой польской дивизии против немцев. Была под Сталинградом. За проявленную на полях сражения храбрость имела пять отличий, русских и польских. В июне 1943 года во время опасной операции далеко в тылу у врага была взята в плен и направлена в один из лагерей, находившихся вблизи французской границы. В конце ноября ей удалось бежать и через неделю она была в Париже, вновь готовая к бою с врагом.

15 декабря я познакомился с Мариной, 20-го я уезжал на несколько дней на юг, отвозил радиоприемник. Я имел перед собою пять свободных дней и эти пять дней я провел с Мариной. Показывал ей Париж. Но сам в те дни любовался не Парижем, а Мариной. Смотрел на нее и не мог представить себе, что эта девушка — ей было всего 23 года — еще несколько месяцев тому назад одета была в грубую солдатскую шинель и держала в руках револьвер. Настолько она была хрупкой и женственной.

— Неужели вы собственноручно убивали людей? — спросил я ее в одно из наших первых свиданий. Она взглянула на меня своими необыкновенными по красоте глазами и гордо ответила — «да!»

Я безумно влюбился в Марину. 19-го, накануне отъезда, сделал ей предложение. Предложение было принято. Марина стала моей невестой. Никогда я не чувствовал себя таким счастливым, никогда еще не хотелось мне так жить, как тогда. Покидая Париж, я поселил Марину в своей комнате. Помнишь мою хозяйку-старушку, которая так нам сочувствовала и из-за нас рисковала своей головою?

Мой поезд уходил в 8 часов вечера с Аустерлицкого вокзала. На вокзале я должен был встретиться с товарищем, который сопровождал меня на юг.

Все шло как по расписанию. В назначенный час и в назначенном месте я нашел своего спутника и мы благополучно влезли в переполненный до отказа вагон. Сидячих мест, конечно, не было и мы устроились на площадке.

На следующее утро ты встретился со мною в Тулузе. Мы обменялись рукопожатиями, я успел сказать тебе перед отходом поезда несколько приветственных слов. Через четыре часа я был на месте.

Когда передавал радиоприемник, мне вручили только что полученную телеграмму из Парижа. Стало почему-то не по себе. Оттого ли, что у нас в организации к телеграммам прибегали только в самых крайних случаях, оттого ли, что появилось какое-то странное предчувствие. Не смогу объяснить тебе. Помню — дрожали руки, когда вскрывал телеграмму. Телеграмма была весьма мало приятной. Мне сообщали, конечно, в замаскированном виде, о провале одного из товарищей, предлагали задержаться в провинции, отсрочить возвращение в Париж. Обычная мера предосторожности. Когда кто-нибудь из наших попадался в лапы гестапо, никогда не было уверенности, не сломят ли его пытки, не выдаст ли он своих, не найдут ли на нем случайно кличек и адресов товарищей. На всякий случай, принимались необходимые меры и прежде всего это касалось всех тех, кто непосредственно с ним в работе соприкасался. В данном случае к числу людей, очутившихся под возможной угрозой со стороны гестапо, оказался и я.

Рекомендовать молодому человеку, 26 лет, отсрочить даже на час, а не то что на несколько дней, свидание с любимой женщиной, которая только третьего дня стала его невестой, — совершенная бессмыслица. В тот же вечер я выехал в Париж.

Мучительно долгий обратный путь. Поезд шел с

двухчасовым опозданием. Наконец, Аустерлицкий вокзал. Бесконечные немецкие контроли. Вышел с вокзала около 11 часов вечера. Тьма кромешная. На улицах ни одного фонаря, ни одного освещенного окна. Путей сообщения тоже никаких. С трудом добрался до дома. Когда входил в подъезд, столкнулся с каким-то субъектом, шедшим мне навстречу. В темноте лица незнакомца не мог разобрать.

А затем встреча с Мариной. Толки и пересуды. Неизбежные объяснения в любви. Разговоры о нашей предстоящей свадьбе.

На следующий день, в семь часов утра, мы вышли из дому и попали в засаду. Бежать не решился... из-за Марины. Не хотел рисковать ее жизнью. Знал, что немцы тотчас же откроют стрельбу. Имел при себе яд, но его не принял. Не то, что не хватило присутствия духа, — верил, что в конечном итоге выскочу из этой истории. Надеялся, Марина тоже женщина бывалая — спасется и она и мы соединим наши жизни навеки.

....

....

Продолжение моей истории не оригинально: пытки, лагерь Дора, освобождение. Лагерь, конечно, несколько отразился на моем здоровьи. У меня теперь туберкулез, водянка, переломанные ребра, ножевая рана на ноге и, как ты уже заметил, совершенно седая голова. Но это не самое страшное. Самое страшное ждало меня впереди.

В Париж я вернулся ровно год тому назад, в мае 1945 года. Бросился, как ты сам понимаешь, разыскивать Марину. Искал бесконечно долго и, наконец, напал на след: Марина оказалась агентом гестапо и была расстреляна одной из первых после освобождения Парижа, еще в августе 1944 года. Она оказалась повинной в моем аресте.

Я заболел. Семь месяцев провел в санатории для душевно-больных. Вышел оттуда месяц тому назад.

Фотографию Марины я сохранил...

Пьер вытащил из бумажника фотографию. На фотографии была изображена девушка с необыкновенным по красоте лицом.

Право на преступление

Еще одно воспоминание о послевоенном Париже до моего отъезда в Нью-Йорк. В столице судили сотрудничавших с гитлеровцами людей. Мне привелось быть на одном из этих процессов, когда на скамье подсудимых сидел товарищ министра внутренних дел правительства Виши. Не могу сейчас припомнить его фамилию. Подпись этого человека нашли на приказе о расстреле 10 заложников.

В июне 1942 года, на одной из станций парижского метро, был убит немецкий офицер. Гитлеровский комендант Парижа генерал Штульпнагель вызвал префекта и пригрозил ему расстрелом 200 заложников, если в течение нескольких часов не будут обнаружены и казнены виновники убийства. Тела убитых, добавил немец, будут для устрашения выставлены на площади Согласия, в центре столицы.

Парижский префект попытался тотчас же снестись по телефону с Виши. Добиться премьера Лаваля или министра внутренних дел ему не удалось. Люди эти заведомо избегали всякой ответственности, старались переложить ее на плечи других. На своем посту оказался только товарищ министра внутренних дел. Префект объяснил ему положение, сказал, что немцы не остановятся перед приведением в исполнение угрозы и спросил:

— Что прикажете делать?

Времени для раздумья было мало и чиновник распорядился расстрелять 10 заложников. Выбор пал на уголовных преступников, отбывавших тюремное заключение. Люди эти были расстреляны. Они спасли жизнь 200 ни в чем неповинных граждан.

На процессе товарища министра внутренних дел не было ни одного свидетеля обвинения и много свидетелей со стороны защиты. Они рассказали о том, что подсудимый спасал людей от немецких репрессий.

Показания эти не помогли. Товарища министра внутренних дел обвинили в превышении власти — вы должны были подать в отставку, а не подписывать приказ о смертной казни, заявили присяжные заседатели — и вынесли обвинительный вердикт. Подсудимый был приговорен к гильотине.

Я вспомнил об этом процессе, просматривая немецкие иллюстрированные журналы. В одном из них была помещена страшная фотография. На ней изображен на переднем плане мальчик, лет 9-10, с поднятыми руками. У него перекошенное от ужаса лицо. За ним стоят эсэсовские солдаты с направленными на ребенка винтовками. Под фотографией надпись: «Ребенок перед дулами эсэсовских молодцов. Фанатические последователи Гитлера не щадили никого при истреблении Варшавского гетто. В нем было уничтожено 60.000 мужчин, женщин и детей. Часть палачей понесла заслуженную кару».

В другом журнале репортаж о процессе военных преступников в городке Арнсберге. На первой странице большая фотография: положенные в ряд трупы, за которыми стоят американские солдаты. Мимо трупов идет молодая женщина, рядом с ней два мальчика. Одному из них лет 10, другому — 8. Это ее сыновья. Своей рукой мать закрывает глаза младшему сыну — он не должен видеть этой страшной картины.

Надпись под фотографией гласит: «Через шесть недель после занятия города, американцы нашли могилы расстрелянных русских. Они заставили население города продефилировать перед вырытыми из земли трупами — и одна из матерей закрыла глаза своему ребенку».

На следующих страницах — фотографии подсудимых в Арнсберге. Их шесть человек. У них — довольные, упитанные лица. Снялись они в кругу своих семей. У одного — пять человек детей, у другого — три и т. д.

Этих «отцов семейств» обвиняют в массовых убийствах. Они повинны в расстреле 208 русских рабочих, насильно вывезенных гитлеровцами в Германию.

Чудовищное преступление было совершено в 1945 году за несколько дней до прихода американцев. Повода для расстрела русских никакого не было. Убиты они были тайно, поздно ночью.

Никто из обвиняемых не отрицал своего участия в преступлении. Больше того, все подсудимые рассказали подробности этих убийств. Так, например, один из подсудимых, фельдфебель Альвин Фишер, показал на процессе:

— Меня послали расстреливать русских... Нас было 16 человек... Мы находились в лесу, куда каждые полчаса нам доставляли смертников на грузовике... было очень темно... каждый брал по одному русскому и вел его поглубже в лес. Русские шли перед нами. Когда раздавался приказ, мы стреляли в них сзади, в голову. Затем мы шли за другими. Так продолжалось всю ночь. На следующее утро я был послан снова на место расстрелов. Мне было приказано сравнять могилы с землей.

Подсудимого перебивает председатель суда:

— Сравнять с землей?

— Да, таков был приказ. Ведь враг был недалеко. Мы покрыли могилы листвой.

Другой подсудимый — член военно-полевого суда Вецлинг руководил расстрелом 56 женщин, 14 мужчин и 1 ребенка.

Вецлинг назовет себя на допросе «гуманистом» и, рассказывая на процессе о расстреле женщин, добавит в свое оправдание:

— Я был серьезно смущен таким количеством женщин, подлежавших расстрелу, и твердо решил, что в следующий раз должно быть расстреляно больше мужчин для восстановления равновесия.

Необходимость расстрелов, «гуманист» Вецлинг объяснит «защитой немецкого населения».

— Тут на процессе, сказал подсудимый, говорят о человечности. То, что мы тогда сделали, и была настоящая человечность...

В подтверждение этой «человечности» Вецлинг расскажет о подготовке расстрелов. Вместе с переводчиком он поехал в русский рабочий лагерь и вызвал «добровольцев» из заключенных, обещав перевести их в лучшие условия. На призыв откликнулось 56 женщин и 14 мужчин. Одна из женщин была с ребенком.

Вецлинг: — Ребенка я заметил позже. Мне стало его жалко и я хотел его отправить назад, но мать отказалась с ним расстаться.

Председатель: — Но почему вы забрали женщин? Они ведь не представляли никакой опасности для населения.

Подсудимый молчит.

«Добровольцев» посадили на грузовики и отправили на опушку леса. Там их построили по трое в ряд. Позади них стояли эс-эсы.

Вецлинг: — Когда они тронулись в путь, я отдал приказ об огне. Все длилось всего несколько минут.

Помощник Вецлинга эс-эсовец Клене показал на суде:

— Каждый русский получил по пуле в затылок. Когда все было кончено, я взял фонарь, спустился в ров и осмотрел трупы...

Страшно читать о похождениях представителей «расы господ», изобретенной безумным воображением Гитлера. А мы когда-то, было это сразу после освобождения Парижа — осенью 1944 года — горячо спорили о том, подлежат ли все немцы уничтожению, или же среди них есть люди, непричастные к гитлеровским зверствам. Мнения разделились. Но в конце концов победили «гуманисты».

В их победе значительную роль сыграло выступление молодой женщины, бежавшей до окончания войны из лагеря смерти Аушвица и добравшейся каким-то чудом до Парижа. Выступая в многолюдном собрании, женщина эта категорически заверила своих слушателей, что огромное большинство населения Германии не имело представления о том, что творилось в гитлеровских лагерях.

Мне тоже казалось, что права эта женщина. Как-то не верилось, что весь народ может состоять из преступников и убийц.

После процесса в Арнсберге пришлось пересмотреть свою позицию. Меня потряс до глубины души вынесенный судом приговор. Главный подсудимый эсэсовский «оберштурмфюрер» Вольфганг Вецлинг, обвинявшийся в убийстве 150 человек, был приговорен к... 5 годам тюрьмы. А помощник его Клене, лично принимавший участие в убийстве 71 человека, получил полтора года тюремного заключения.

Четыре других обвиняемых были оправданы — они-де не могли ослушаться приказа.

Не правда ли страшно?!

За каждое убийство нацист Клене получил примерно восемь дней тюрьмы.

Разве этот приговор, вынесенный судом демократического государства, не узаконяет преступления!? Разве он не соответствует морали Раскольникова, утверждавшего о праве людей на убийство!?

У Достоевского в «Преступлении и наказании» при обсуждении статьи Раскольникова, напечатанной в одном из петербургских журналов, следователь Порфирий Петрович говорит ее автору: в этой статье «проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... т.е. не то, что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан».

И Раскольников, отвечая Порфирию Петровичу, поясняет изложенную в своей статье мысль: «...я вывожу, что и все, не только великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, т. е. чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, более или менее, разумеется».

Так рассуждает один из персонажей Достоевского, и в наш атомно-водородный век эти слова приобретают зловещее значение. Не говоря уже не то что о великих, но «чуть-чуть из колеи выходящих людях», вроде Сталина и Гитлера, на совести которых миллионы человеческих жизней, появляются и другие — самые обыкновенные, которые, по необъяснимой причине, имеют очевидно право на преступление.

Мы живем определенно в мире раскольниковых.

Ибо кто эти немцы со скамьи подсудимых в Арнсберге? Самые обыкновенные обыватели: чиновники, коммерсанты, учителя... И интересно, что люди эти не остановятся перед убийством, но не решатся затоптать цветы на клумбе. Вспоминаю Берлин тридцатых годов и грандиозные демонстрации сторонников Гитлера, обходивших клумбы с цветами и избивавших до полусмерти евреев, случайно попадавшихся на пути их следования.

Удивительная психология, непонятная для нормального человека. Точно также непонятен приговор в Арнсберге.

Одновременно с этим процессом в Берлине судили какого-то субъекта и приговорили к году тюрьмы за то, что, страдая клептоманией, он крал цветы и украшал ими свою комнату.

Разве год тюрьмы за кражу цветов соответствует полутора годам тюрьмы за убийство 71 человека, которыми отделался бывший эс-эсовец Клене?

А через две недели после окончания процесса в Арнсберге, в Висбадене происходил другой процесс. На скамье подсудимых сидел Валентин Корн, обвинявшийся в торговле вином, разбавленным водою. Его признали виновным и приговорили к двум с половиной годам каторги, подумайте только — каторги, и 20.000 марок штрафа.

Сравните этот приговор с приговором Вецлингу: два с половиной года каторги за разбавленное вино и пять лет тюрьмы за убийство 150 человек.

Сумасшедший мир. И невольно задаешь себе вопрос: кому все это нужно? Не проще ли забыть о совершенных во время войны преступлениях, поставить раз и навсегда на них крест и не устраивать комедий, вроде процесса в Арнсберге.

Операция «Знак Зодиака»

В ноябре 1956 года в газетах появилось сообщение о необычном происшествии в Бельгии, в Брюссельском аэропорту. Таможенные чиновники не выпустили с аэропорта прилетевшего из Западной Германии немецкого купца Рудольфа Поля и предложили ему немедленно покинуть пределы страны.

Человек этот оказался для Бельгии нежелательным иностранцем. Имя его связано с трагическими воспоминаниями для тысяч бельгийских патриотов. Во время мировой войны Рудольф Поль занимал видное положение в гитлеровской контр-разведке в Бельгии и «прославился» под именем «зондерфюрера» Ральфа.

Под начальством «зондерфюрера Ральфа» действовала предательница Флорентина Жираль, имя которой неоднократно упоминается в документах гитлеровского генерального штаба.

Мне довелось встретиться с этой женщиной. Я ее видел во Франции, в маленькой забытой Богом деревушке на юге страны, изнывавшей под игом гитлеровской оккупации. В нашей деревне помещался штаб десятого сектора французских патриотов. Они вели борьбу не на жизнь, а на смерть с нацистами, устраивали крушения немецких воинских поездов, охотились на гитлеровцев на улицах оккупированных городов.

Рискуя собственной жизнью, Флорентина Жираль доставила в нашу деревню английского летчика со сбитого немцами союзного самолета. Ему удалось бежать из плена. Англичанину дали штатское платье, фальшивые документы на имя французского рабочего из Тулузы и отправили к нам. Флорентина вызвалась сопровождать летчика, не знавшего ни слова по-французски.

Она блестяще справилась с возложенной на нее

миссией, пробыла всего несколько часов в нашей деревне и затем пустилась в обратный путь.

Когда я увидел Флорентину, я был поражен ее красотой. На всю жизнь запомнились мне ее горящие глаза, какие-то совсем необыкновенные — синие с лиловым отливом, очень коротко остриженные волосы и невероятно прозрачная кожа.

Была она среднего роста, на редкость стройная, очень изящно одетая. Поверх скромного черного платья, туго облегавшего ее девичий стан, была накинута меховая жакетка.

После этой мимолетной встречи я больше ее не видел и ничего не слышал о ней от товарищей. Но образ этой женщины навсегда врезался в мою память.

Спустя много лет я узнал, что Флорентина Жираль стала немецкой шпионкой. В самом начале 1943 года эта женщина — видный агент бельгийского Сопротивления — перешла на службу к нацистам и служила им верой и правдой.

В первых числах января этого года в кабинете «зондерфюрера Ральфа» раздался телефонный звонок. Отказавшийся назвать себя мужчина предложил немцу приехать в брюссельскую загородную виллу, где его ожидает сюрприз. «Зондерфюрер» поехал и не пожалел.

Нацистского офицера ждали на вилле лютые враги немцев — агенты Сопротивления «капитан Джэксон» (Проспер де Зиттер) и Флорентина Жираль. Они предложили эс-эсовцу свои услуги.

Предатели заявили, что для отвода глаз работали для бельгийских патриотов, выжидая удобного момента перекинуться на сторону немцев. Теперь момент этот наступил.

Переход на сторону врага должен быть, однако,

обставлен соответствующим образом — изменникам необходимо совершить новый «подвиг». Флорентина предлагает немцам поручить ей организацию «бегства» из тюрьмы двух арестованных бельгийских патриотов — Сервэ и Неронда. Поступок этот укрепит положение предателей в среде патриотов, не подозревающих об измене своих двух агентов, находившихся до сих пор на лучшем счету.

«Беглецы», поясняет Флорентина, могут быть вновь арестованы через несколько часов после «освобождения».

Предложение заманчивое. Если Флорентина и Проспер сдержат свое слово, нацисты будут иметь преданных им людей в центре бельгийского повстанческого движения.

Возможен, конечно, подвох, цель которого освободить Сервэ и Неронда.

Нацистское командование берет на себя этот риск, но возлагает всю ответственность, за проведение операции, прозванной германским командованием «Знак Зодиака», на «зондерфюрера» Ральфа.

«Освобождение» Сервэ и Неронда назначено на пятницу, 15 января 1943 года. Тюрьма Сэн Жилль, в которой заключены патриоты, расположена в центре Брюсселя.

Накануне немцы пропустят Флорентину в тюрьму под видом медицинской сестры. Сервэ и Неронд получат от нее все инструкции. В двух шагах от тюрьмы их будет ждать автомобиль, который доставит их по назначению.

15 января 1943 года.

Три четверти третьего.

Через 15 минут откроются ворота тюрьмы Сэн Жилль...

Примерно в ста метрах от тюрьмы, на углу улицы Венхегген, стоит черная машина марки Ситроэн. За рулем сидит бедно одетый субъект в кепке на затылке. Человек этот — сам зондерфюрер Ральф.

В это время дня улица очень оживлена. Обстоятельство это не на шутку беспокоит эс-эсовца. В случае попытки бегства, Сервэ и Неронд могут легко исчезнуть в толпе.

Без десяти минут три.

На скамейку перед воротами тюрьмы садится прохожий и лениво перелистывает газету. У магазина остановился другой и делает вид, что рассматривает витрину.

Без восьми минут три.

В двух шагах от машины зондерфюрера затормозил автомобиль Рено. Шофер его тщетно пытается завести мотор.

Без пяти минут три.

К автомобилю эс-эсовца медленно подходит бедно одетый субъект, сплевывает в сторону и просит огня для папиросы.

В руке Ральфа вспыхивает зажигалка. Паренек наклоняется и говорит шепотом:

— Зондерфюрер, все в полном порядке...

Затем он медленно идет дальше.

Быть иначе не может, размышляет немецкий офицер. Ведь человек на скамейке, пассажиры «испортившегося» внезапно автомобиля, прохожий у магазина — все это тайные агенты нацистов. Агентов этих — 20 человек. У каждого из них в кармане фотографии Сервэ и Неронда. Беспокоиться нечего — бельгийцам не удастся воспользоваться свободой.

Без двух минут три.

Нервы эс-эсовца напряжены до крайности. Если задуманная «операция» все же сорвется и Сервэ и Неронду удастся выскользнуть из рук немцев, зондерфюрер будет предан военному суду и рискует поплатиться своей головой.

Немец автоматически опускает руку в карман и прикасается к холодной рукоятке револьвера. Лучше быть наготове...

С башни церкви Св. Елены отчетливо слышен бой часов.

Раз, два, три...

Человек на скамейке складывает газету, мотор остановившегося автомобиля Рено начинает снова работать, прохожий у магазина поворачивается к воротам тюрьмы.

Ворота медленно отворяются. Показываются двое мужчин. Это — Сервэ и Неронд. Они останавливаются и осматриваются. Смотрят налево, затем — направо. После переходят улицу.

«Неужели они почувствовали что-то неладное? — проносится в голове Ральфа. — Неужели они заметили, что за ними следят? Если они сделают еще 5-10 шагов, агенты зондерфюрера немедленно арестуют освобожденных руководителей Сопротивления».

Опасения эс-эсовца совершенно напрасны. Бельгийцы опять останавливаются, еще раз осматриваются и направляются прямо к автомобилю Ральфа, следуя полученным накануне указаниям от предательницы Флорентины.

Перед ними широко раскрываются дверцы автомобиля. Мотор тотчас же пускается в ход.

Сервэ и Неронд получают от шофера фальшивые документы. Подделка идеальная — ведь она сделана

немцами, в распоряжении которых находится весь необходимый материал. В удостоверениях личности намеренно отсутствуют даты рождения. Через несколько часов нацистские жандармы воспользуются этой «ошибкой» для ареста бельгийцев.

До этого Сервэ и Неронд смогут провести четверть часа в компании своего вождя полковника Сорэна, куда их доставит зондерфюрер на своем автомобиле. Свидание это устроено для того, чтобы замаскировать измену Флорентины. В глазах патриотов предательница должна остаться героиней.

Спустя два часа Сервэ и Неронд будут уже в руках нацистов. Их задержат в автомобиле по дороге из Брюсселя в Льеж, куда они будут направлены по совету Флорентины. Патриотов расстреляют в предместье столицы.

Казнь Сервэ и Неронда — первое предательство Флорентины, первая кровь на совести женщины, изменившей своему народу.

За этой кровью последует другая.

Флорентина выдаст немцам бежавших союзных пленных, выдаст их... за деньги. С каждой головы предательница получит 1.000 немецких марок.

Через несколько месяцев Флорентина заслужит уже полное доверие у нацистов, и немцы пообещают ей огромные деньги за списки участников бельгийского Сопротивления.

Изменнице удастся уговорить полковника Сорэна поехать из Бельгии во Францию, на морской курорт близ испанской границы Биариц, где его будто будет ждать посланец Лондона «полковник Дэдли» с «исключительно важными инструкциями». На самом деле «полковник Дэдли», роль которого поручена фельдфебелю Шварцу, прекрасно владеющему английским языком, попытается выведать планы бельгийских патриотов.

Затем Флорентина «организует» новую радиосвязь с Лондоном. В действительности это будет вовсе не Лондон, а немецкая радиостанция в Париже, работающая на коротких волнах. При помощи этого «Лондона» нацисты сделают все возможное, чтобы выведать секреты бельгийских патриотов.

Попытка эта обречена, к счастью, на провал. По настоянию одного из видных участников Сопротивления, капитана Ван Нотена, которому требование «Лондона» покажется подозрительным, командование патриотов решит послать курьера в Лондон.

Для Флорентины проверка ее деятельности в Лондоне равносильна провалу. Ей нужно поэтому действовать и как можно быстрее. Чтобы замести свои следы предательница предложит немцам расправиться с руководителями Сопротивления.

Это предложение будет принято немцами. В течение нескольких дней они покончат с вождями бельгийских патриотов. Нацисты схватят полковника Сорэна и всех его ближайших сотрудников. При этом выяснится, что шоферские обязанности при Сорэне исполняет тоже предатель — наш соотечественник Иван Грищенко, завербованный Флорентиной.

Несколько дней спустя все арестованные будут расстреляны по распоряжению гитлеровцев. Но карта Флорентины бита. Ей не удастся замести следы своего предательства. Имя ее на устах всех избежавших расправы патриотов, широко известно измученному оккупацией населению Бельгии... Флорентина не избегнет справедливого возмездия.

1945 год. Гитлеровская Германия разбита. В полуразрушенном союзной авиацией немецком городе

Вюрцбурге разыгрывается последний акт операции «Знак Зодиака». В городе этом пытается укрыться Флорентина с Проспером и другими участниками своей банды. Среди них находится и Грищенко.

В распоряжении шпионов огромные «заработанные» на крови патриотов деньги. Из Бельгии в голодающую Германию предателям удастся вывести значительные продовольственные запасы.

Флорентина и Проспер поселятся в уединенной вилле, на окраине города. У них никто не будет бывать. Изредка их навещают только бывшие «сотрудники» — Грищенко, Ружерон, Жан Лотенс.

В апреле 1946 года на предателей обрушится первая неприятность — будет арестован Грищенко. Он сидит в американской военной тюрьме. Его допрашивают днем и ночью. Допросы эти длятся дни, недели...

Не выдаст ли их Грищенко?

Флорентина и Проспер поспешно меняют свое местожительство: из Вюрцбурга они переезжают в Бамберг.

Но им не удастся спастись. Кольцо вокруг предателей с каждым днем суживается. 27 июня 1946 года наступает развязка. В руки бельгийских секретных агентов попадает Проспер. Спустя несколько дней та же участь ждет Флорентину.

10 марта 1947 года в 10.30 часов утра в брюссельском Дворце Правосудия начнется громкий процесс. На скамье подсудимых будут сидеть 11 человек, 11 предателей. Среди них — одна женщина — Флорентина Жираль.

Места для публики переполнены до отказу. Когда в зал введут подсудимых, из толпы раздадутся возмущенные возгласы: «Убийцы!», «Негодяи!», «Бестии!».

Допрос свидетелей будет длиться больше месяца.

Он закончится только 19 апреля и на следующий день слово будет предоставлено прокурору.

— Это — не люди, — заявит представитель обвинения, это — чудовища в образе человека, это — люди без сердца и души, с дьявольской утонченностью подготовлявшие свои преступления....

И затем следует длинный синодик жертв предателей.

— Только справедливое возмездие может очистить нас от крови неповинных жертв, остановить потоки слез... Я требую голов преступников.

В течение нескольких секунд — в зале мертвая тишина, а затем публика начинает неистовствовать:

— Всех на виселицу! Четвертовать предателей!

Три дня спустя брюссельский военный суд вынесет смертный приговор Флорентине Жираль и Просперу де Зиттеру.

Защитники тщетно попытаются спасти осужденных. Апелляционный суд отклонит ходатайство о помиловании.

Казнить предателей будут в мрачный мартовский день. На дворе у здания казарм в предместьи Брюсселя врыты в землю два столба. В нескольких шагах от столбов стоит взвод жандармов. За ними, одетые в черное свидетели казни: судья, прокурор, защитники, тюремный врач...

Ведут смертников. Впереди Флорентина, за ней Проспер.

Их привязывают к столбам и завязывают глаза. Через несколько секунд раздается команда. В предрассветной тишине Брюсселя отчетливо слышен ружейный залп.

Необыкновенная история

В 1957 году я присутствовал в маленьком французском городке Пуатье на развязке драмы, начавшейся 12 лет тому назад. Перед американским военным судом предстал солдат Вито Сала, обвинявшийся в дезертирстве.

«14 апреля 1945 года, говорилось в обвинительном акте, Вито Сала нарушил присягу. В течение 11 лет, т. е. до 17 сентября 1956 года дезертиру удалось избежать правосудия. Ныне подсудимый утверждает, что в момент бегства он потерял память. Но это только предлог для оправдания своего позорного поведения на фронте. Перемена имени, женитьба на иностранке, отъезд из Германии и служба во французском Иностранном легионе свидетельствуют о желании дезертира скрыть свое настоящее происхождение».

— Приглашенные мною свидетели, добавил прокурор, подтвердят правильность этих обвинений.

Подсудимый медленно поднимает голову. Краска заливает его лицо. Он хочет как-будто что-то сказать. Но у Вито Сала нет силы говорить.

В залу суда вводят первого свидетеля. Это — американский солдат Тайли. Он вспоминает 1945 год, последние месяцы войны, когда началась совершенно фантастическая история человека, угодившего двенадцать лет спустя на скамью подсудимых.

В течение девяти дней и ночей 398-й американский пехотный полк вел ожесточенные бои за городок Хейльбронн, отчаянно защищавшийся нацистами. В рядах этого полка плечом к плечу сражались Тайли и его закадычный друг 18-летний Вито Сала.

— С Вито, — показывает на суде Тайли, — произошла на моих глазах какая-то перемена. Из жизнерадостного парня, он внезапно превратился в угрюмого и мрачного человека. Правда, мы все время находились под чудовищным артиллерийским обстрелом. Нервы Вито, очевидно, не выдержали. Он дрожал и временами казалось, что потерял рассудок.

После 9-дневных боев американцы перешли в наступление. У Вито Сала была винтовка-автомат. Когда он попытался выстрелить — винтовка дала осечку. Сержант послал солдата переменить винтовку.

Свидетель Тайли больше ничего о Сала не знает. Сала не вернулся на позиции.

У свидетельского барьера — молодая миловидная женщина. Она — русская. Зовут ее Катей Лащенко. С тысячами других русских ее насильно вывезли в Германию немцы. Из лагеря она была освобождена американскими войсками.

Свидетельница не помнит точно дня, когда она увидела на краю дороги в окрестностях Хейльбронна оборванного и изголодавшегося иностранца.

— Вероятно, — замечает Катя, — было это в конце апреля 1945 года.

Пораженная его истерзанным видом, свидетельница обратилась к нему с вопросом:

— Кто ты такой?

Ответа не последовало. На иностранце была разорванная американская форма, которую в те памятные дни часто видели на освобожденных сидельцах лагерей.

— Есть хочешь? — спросила Катя и извлекла из сумки ломоть хлеба. Незнакомец выхватил хлеб из ее рук. Когда он ел, слезы текли по его провалившимся от голода щекам.

— Война закончена, — сказала Катя. — Ты можешь отправляться домой. Но кто ты? Откуда?

Договориться с незнакомцем Катя, конечно, не могла. Ведь она говорила по-русски, а он что-то невнятное бормотал ей в ответ. Ей стало очень его жалко. Катя остановила проезжавший по дороге грузовик и попросила шофера довести их до ближайшего лагеря.

Когда молодой человек пришел в себя, он назвался Анжело Турко, уроженцем Палермо.

Два месяца спустя Катя Лащенко вышла замуж за Анжело Турко. В июне 1946 года у них родилась дочь, через год — сын. Чета Турко продолжала жить в немецком лагере. Они научились объясняться между собой на немецком языке.

— Вы продолжаете утверждать, — спрашивает обвиняемого прокурор, — что не имели представления о том, что были американским солдатом?

— Я жил с Катей и двумя детьми и не имел понятия, как и где жил до того.

— Как додумались вы назвать себя Анжело Турко?

— Не знаю. Мое настоящее имя я позабыл.

Допрашивается эксперт, — главный психиатр американской армии, — наблюдавший в течение многих недель за поведением подсудимого.

— Вито Сала, — говорит майор Вилкинсон, — при-

надлежит к категории людей, которые патологически реагируют на пережитый ими сильный испуг. Серьезное нервное напряжение приводит к болезненной реакции. В таком состоянии человек может потерять память и не знать, кто он.

— Как долго продолжается состояние подобного рода?

— Обычно не долго. Нормально оно кончается через 48 часов. Но затемнение сознания может продолжаться и дольше.

— Находился ли Сала в таком состоянии, когда он 14 апреля 1945 года покинул свою воинскую часть?

— Установить это теперь не представляется возможным. Но я допускаю, что он действительно долгое время не знал, кто он такой.

— Отвечает ли Сала за свои поступки?

— Да.

Судьи обмениваются многозначительными взглядами.

22 августа 1949 года Сала совершил новый необъяснимый поступок. Жене своей Кате, которую, как он уверяет на суде, очень любил, Сала сказал, что идет к врачу.

На самом деле ни к какому врачу он не пошел. Человек, потерявший во время войны из-за пережитых ужасов память, внезапно покинул Германию, приехал во Францию и... записался в Иностранный легион.

Разгадать тайну, окружающую этого человека, станет еще труднее, когда выяснится, что Вито Сала принял активное участие в борьбе с коммунистами в Индокитае, в боях проявил большое мужество и за геройство был представлен к двум высоким наградам.

А затем он пережил страшные дни и недели в осажденной врагом крепости Диен Биен Фу. Он слышал крики умирающих и в сознании его появились какие-то странные проблески — ему казалось, что однажды он видел уже нечто подобное. Вито Сала не знал только, где и когда.

После героической защиты крепость сдалась. Бывший американский солдат проводит семь месяцев в плену у коммунистов. Затем обмен военнопленными и возвращение во Францию. Военный транспорт приходит в Марсель. Сала с парохода направляется прямо в американское консульство.

Там его внимательно выслушивают.

— Во время пребывания в плену у меня было много свободного времени для размышлений, — говорит Сала американскому чиновнику. — И мне вдруг стало ясно, что я родился вовсе не в Палермо, а в Нью Йорке и зовут меня не Анжело Турко, а Вито Сала...

Рассказывая об этом «открытии» Сала чувствует себя освобожденным от какого-то огромного бремени. Он счастлив. Улыбка не сходит с его лица.

— Помните ли вы ваших родителей? — спрашивает чиновник.

— Конечно. Моего отца зовут Эндрю, мать — Витой.

— Есть ли у вас братья и сестры?

— Брат и две сестры.

Чиновник делает паузу и затем задает в упор вопрос:

— Вы, разумеется, знаете, что вас разыскивают, как дезертира?

Вито Сала меняется в лице.

— Я — не дезертир!

— Но ведь вы служили в американской армии!

Сала теряет спокойствие.

— Да. Это случилось у Хейльбронна... Моя винтовка отказалась мне служить...

— И затем?

— А затем я ничего не помню... Я был во французском Иностранном легионе. Как я туда попал — не знаю. А потом память вернулась ко мне и я поспешил явиться к вам. Разве я поступил бы так, если бы был дезертиром?

— Я вынужден отправить вас в военный лагерь у города Пуатье, заявляет чиновник. Там будет решена ваша судьба.

Он выходит на минуту и возвращается с фотографией в руках.

— Это — ваша жена. Узнаете ли вы ее?

Сала впивается глазами в фотографию. Руки его заметно дрожат.

— Возможно, что эта женщина была моей женой... Мне кажется, что я провел два года в Германии. Я говорю по-немецки. Но, что тогда произошло?...

— После того, как вы исчезли, ваша жена подала прошение о разводе и затем вышла вторично замуж. Опять за американца. Теперь она живет с мужем и детьми от брака с вами в штате Нью-Йорк.

Слова эти не производят никакого впечатления на Вито Сала. Он возвращает фотографию чиновнику и еле слышно говорит:

— Возможно, что все это было так, как вы говорите. Я знаю только одно — я счастлив, что снова нашел себя.

Вито Сала проводит несколько месяцев в американском военном госпитале под наблюдением психиатров. Они стоят перед неразрешимой загадкой.

Почему этот человек записался в Иностранный легион, если он действительно симулянт? Если он дезертировал, потому что боялся быть убитым на фронте, почему он добровольно пошел в ад Индокитая?

Всякий солдат знает, какое наказание грозит ему за дезертирство. Почему же Сала добровольно явился к властям в Марселе?

Эти вопросы остались без ответа. Разгадать тайну Сала суду не удалось. Несмотря на это, военному суду в Пуатье понадобилось всего четыре минуты, чтобы вынести подсудимому обвинительный вердикт.

Бывший солдат 398-го пехотного полка, три года женатый на русской и проведший семь лет в болотах и джунглях Индокитая, храбро сражаясь в рядах Иностранного легиона, был приговорен к 5 годам каторжных работ.

Нью-Йорк

О блинчиках, женихах и фальшивомонетчиках

По приезде в Нью-Йорк я свыше двадцати лет работал в редакции Нового Русского Слова и очень быстро пришел к заключению, что занятье это годится только для многостороннего человека. Для читателей газета является своего рода справочным бюро, куда можно обратиться не только с любым вопросом, но и с любой просьбой.

У газеты нашелся, например, подписчик, приславший в редакцию письмо со вложенными в конверт десятью долларами. В письме своем он жаловался, что не может получить в том городе, где живет... блинчики с вареньем, просил купить их на высланные деньги и переправить в глухую американскую провинцию.

Это поручение выполнено, конечно, не было. Стосковавшемуся по блинчикам читателю ответили, что члены редакции перегружены работой, заниматься посторонними делами у них нет времени и вернули просителю деньги.

Вспоминается еще один случай, когда редакция, но на этот раз уже не по своей вине, не сумела выполнить просьбу читателя, установить фамилию которого так и не удалось.

В моем архиве хранится желтый редакционный конверт, рассылаемый подписчикам с напоминанием о необходимости прислать деньги за возобновленную подписку. На конверте этом напечатан адрес газеты.

Конторой Нового Русского Слова был получен та-

кой желтый конверт из Канады. Подписчиков в Канаде у газеты очень много и событиям в Канаде уделяется поэтому много внимания.

На полученном конторой конверте не стояло ни имени, ни адреса отправителя, а внутри лежала маленькая записка. Привожу текст ее целиком с сохранением орфографии:

«Высоко поважный пане редактор и прошу нививисилайте болше ваше новое слово бо тота особа уже померла на 4-го фибруара».

Внизу вместо подписи стояли два написанных порусски слова «Гут бай».

Больше ничего — ни фамилии умершего, ни фамилии отправителя. Разобрать город на почтовом штемпеле было тоже невозможно и, в результате, покойник продолжал получать газету.

Приходит мне на память еще один курьез. О том, как я превратился в советника по матримониальным делам.

Было это летом. На улице стояла невыносимая жара. В помещении редакции не было еще системы охлаждения, и я, обливаясь потом, был углублен в перевод телеграммы с английского на русский.

Не заметил я поэтому, как к моему столу подошла посетительница. Когда я поднял глаза и увидел незнакомку, на лице у нее блуждала растерянная улыбка.

Я попросил ее сесть и спросил, чем могу быть полезен.

Смущаясь, посетительница рассказала, что имеет единственного сына, которого давно мечтает женить. Барышни, за которыми он ухаживает, ей решительно не нравятся.

— Его окружает какое-то барахло, выразительно заметила собеседница.

Чтобы помочь делу, мать решила отправить сына в... Стокгольм. Ей написали оттуда о какой-то обладающей замечательными качествами невесте. Опасаясь упустить эту редкую оказию, предприимчивая мать решила поспешно снарядить сына в дорогу.

— У него теперь как-раз каникулы и я купила ему уже билет на самолет.

В последнюю минуту у моей собеседницы внезапно появились сомнения. С кем ей посоветоваться? Решила обратиться в редакцию Нового Русского Слова.

В роли советника по брачным делам оказался я и должен похвастаться, что с честью вышел из этого сложного «испытания».

Дать совет я отказался, но сказал, что если был бы на месте матери, не принимал никаких поспешных решений.

Собеседница моя ушла. Увидел я ее месяца через три, когда она опять неожиданно появилась в редакции и прямо направилась к моему столу. Пришла она специально для того, чтобы выразить мне свою глубокую благодарность.

Отъезд сына в Стокгольм был отсрочен по моему совету и были наведены дополнительные справки о соблазнительной невесте.

И, о ужас, сведения оказались очень неблагоприятными. В результате, поездка жениха в Стокгольм была тотчас же отменена.

Выражая мне свою благодарность, мать умоляла меня найти для ее сына невесту....

Я обещал ей оказать всяческое содействие, но, к стыду своему, должен признаться, что взятое на себя поручение не выполнил Но несколько лет спустя случайно узнал, что молодой человек без моей помощи обрел семейное счастье.

Случаем этим не ограничились мои выступления на поприще советника по брачным делам.

Одна читательница Нового Русского Слова решила дать в газете «брачное объявление» и поручила мне рассортировать и отобрать наиболее подходящие, с моей точки зрения, для нее предложения руки и сердца.

Потенциальных женихов оказалась уйма. Никогда не мог себе представить, что объявления эти находят столь широкий отклик.

Письма посыпались со всех концов Соединенных Штатов, из Канады и даже из Европы.

Отрадно было отметить, что огромное большинство писем исходило не от искателей приключений, а от явно серьезно настроенных людей, которым опостылело одиночество.

Одно из относящихся к «легкомысленному разряду» писем я сохранил в архиве и привожу его целиком, не внося никаких поправок:

«Уважаемый г. Редактор!

В газете было вами написано, что одна молодая девушка ищет знакомства. Если я не опоздал, прошу передайте для нее мой адрес или ее для меня, а всю волокиту мы сами распутаем или запутаем.

С почтенным уважением

— искатель приключения.

П. С. Вся эта затея мне кажется со стороны высматривает смешной. Но у русских есть пословица, слова в которой говорят следующее: «На чужой сторонушке и жук мясо».

На этом «жуке» я поставлю точку и добавлю только, что выступать советником по матримониальным делам мне больше не пришлось.

Хочу рассказать теперь о другом неожиданном зна-

комстве, имевшем тоже место в помещении редакции Нового Русского Слова.

Не припомню точно когда это было. Во время обеденного перерыва, дверь в редакцию открылась и ко мне обратился вошедший мужчина, которому на вид можно было дать лет под шестьдесят. Производил он солидное впечатлениё и одет был очень прилично.

— Не можете ли вы сообщить мне адрес советского посольства? спросил меня незнакомец.

Я дал эту справку, но он ею не удовлетворился.

— А как зовут советского посла?

Этот вопрос вывел меня из терпения.

— Удивляюсь, ответил я, что с подобного рода справками вы обращаетесь в редакцию антикоммунистической газеты.

— У меня большие неприятности, ответил незнакомец. Американцы хотят меня депортировать.

— По какой собственно причине? осведомился я. Когда вы приехали в Соединенные Штаты?

— В 1910 году.

— И что же до сих пор не стали американским гражданином?

— Нет, гражданства я не получил. По собственной вине. Не успел. Понимаете, — я не знал местных условий и занялся... подделыванием долларов. Очень скоро я попался. Меня арестовали, долго держали в тюрьме... Таким образом о гражданстве не могло быть, конечно, и речи, а теперь хотят депортировать. Требуют, чтобы я обратился в советское посольство за разрешением вернуться на родину.

Я поспешил выразить соболезнование человеку, не знакомому с «местными условиями» и решившему поэтому, что в Соединенных Штатах все дозволено.

На прощание я сообщил ему фамилию советского

посла, но высказал сомнение, что неудачному фальшивомонетчику удастся получить разрешение на въезд в Советский Союз.

Сам фальшивомонетчик выразил надежду, что в визе ему откажут — американскую тюрьму он явно предпочитал советской.

Дальнейшая судьба этого человека — мне неизвестна. В редакцию газеты он больше не являлся.

Ньюйоркский Плюшкин

Я случайно обратил внимание на этого человека. Поразил меня его вид: зимою и летом черный, сильно потрепанный костюм, истоптанные до-нельзя ботинки, рваный галстук, неопределенной формы шляпа с испачканной лентой, летом — панама, потерявшая форму.

Я изо дня в день встречал его в автобусе. Часто сидел рядом с ним, когда ехал утром на работу. Вспоминаю теперь, мой сосед не раз вынимал иголку с ниткой и на людях принимался пришивать к пальто или пиджаку оторвавшуюся пуговицу или подшивать подкладку.

Слезая с автобуса, мой спутник долго озирался по сторонам, а затем спешно входил в здание ресторана-автомата. Очевидно — позавтракать.

Я следил за ним из окна автобуса. Издали он имел вид настоящего оборванца.

Мне очень захотелось узнать, кто он — мой постоянный спутник в автобусе. Несмотря на всю грязь и неопрятность, в нем было что-то притягивающее. Довольно привлекательное, скорее доброе лицо. Он не походил на рабочего. Мне казалось, что мой спутник занимается интеллигентным трудом.

Несколько раз я безуспешно пытался с ним заговаривать. Он коротко отвечал на вопросы и поспешно

углублялся в чтение засаленной газеты. При нем была постоянно пачка грязных газет, как будто не купленных, а подобранных в мусорных ящиках.

Совершенно случайно я узнал историю моего оборванца.

Как-то летом, гуляя по Центральному парку, я встретил его в компании моего знакомого.

Я увидел их издали. Сперва мне бросилась в глаза столь знакомая фигура моего ежедневного спутника и только затем я обратил внимание, что рядом с ним шел мой приятель.

Я не решился к ним подойти. На следующий день я вызвал моего приятеля по телефону. В тот же вечер мы встретились, и он поведал мне историю человека, с которым я ежедневно встречался в автобусе.

— Послушай, — сказал мой приятель, — ты напрасно интересуешься этим субъектом. Предупреждаю тебя и настойчиво рекомендую — остерегайся этого человека. Я его знаю лет 25. Он — наш соотечественник. Из очень хорошей семьи. Его отец был не то врачем, не то адвокатом на юге России. А он, единственный сын этого интеллигента, покинувший Россию после Октябрьского переворота и проделавший все, что полагается эмигранту, т .е. побывавший в Константинополе, Берлине и Париже, очень рано переправившийся через океан и обосновавшийся в Нью-Йорке, превратился, можешь верить мне или не верить, в настоящего клептомана, воришку самого мелкого пошиба.

— Ты, вероятно, неоднократно читал в газетах истории о нищих, оставлявших после своей смерти огромные состояния. Только недавно газеты сообщили об аресте представительного на вид старика-нищего, постоянно стоявшего с протянутой рукой на одной из самых фешенебельных улиц Нью-Йорка. В один прекрасный день старика задержали. У него оказалось огром-

ное недвижимое имущество и внушительный банковский счет.

— У человека, которого ты постоянно встречаешь в автобусе, тоже внушительный счет. Ты его не купишь за 50.000 долларов. Заботиться ему не о ком. У него нет ни жены, ни детей, ни друзей. Между тем, скупость его не имеет границ. Он проживает, включая плату за трущобу, которую, кстати сказать, никто никогда не видел, 5 долларов в неделю.

— Ты скажешь — глупости. Ведь жить на 20 долларов в месяц совершенно немыслимо. Так вот, представь себе, этот субъект умудряется жить на эти деньги.

— Ты, вероятно, обратил внимание, что, слезая с автобуса, он ныряет в автомат, и подумал — он идет завтракать. Ты не ошибся. Он действительно идет завтракать. Но как он завтракает? Он подбирает объедки с тарелок и берет то, что плохо лежит.

— Неоднократно я имел случай за ним наблюдать, и мне было стыдно, что человек этот — русский. Раз его чуть не поймали. С большим трудом ему удалось выбежать на улицу и скрыться среди прохожих.

— На «охоту» он выходит утром и в 6 часов вечера, когда кончает работу. В промежутке он не ест ничего.

— Не правда ли фантастическая история? Между тем, это — сущая правда.

— Как-то я был его сослуживцем и из-за него бросил работу.

— Когда я поступал на службу, коллеги меня предупреждали, рассказывали все его проделки (я служил в книжном деле): о постоянном исчезновении книг и почтовых марок, которые он сбывал на стороне с большой скидкой, и предлагали держать свой письменный стол на запоре.

— Я очень скептически отнесся к этим рассказам. Мне казалось, что коллеги сильно преувеличивают. Че-

ловек этот производил симпатичное впечатление, был на редкость услужлив.

— К сожалению, я жестоко ошибся. В начале все шло действительно очень хорошо. Правда, если я случайно оставлял на столе 5-центовую монету, — она исчезала в мгновение ока. Я не придавал этому большого значения, старался не замечать этих мелких проделок, да и доказательств у меня против этого человека никаких не было. Мы были с ним в самых лучших отношениях.

— Как-то он вызвался проводить меня домой. Жил он недалеко от меня.

— Мне было совестно появляться на улице в компании этого человека: вид у него был настоящего бродяги. Но он очень настаивал и мне пришлось согласиться.

— По дороге домой, мой новый коллега учил меня «бережливости».

— У меня впечатление, говорил он, что вам трудновато с деньгами. Я хочу преподать вам несколько полезных советов.

— Я, например, экономлю на всем. На квартире, еде, даже на моей переписке. Правда, писать мне приходится очень редко, но я и тут изобрел весьма забавный способ. Отправляю письма без марок и пишу на конверте в качестве адресата — какую-либо вымышленную фамилию. Неоплаченные письма, как вы знаете, возвращаются почтой отправителю. Так как на моих письмах в качестве отправителя фигурирует человек, кому письмо отправлено, то цель моя достигнута. Почта работает для меня совершенно бесплатно.

— Перейдем к телефону. Вы, как я успел заметить, говорите часто по телефону и нередко пользуетесь автоматом. Я вам дам очень полезный совет.

— Предположим, вам нужно сделать несколько звонков. Вы опускаете в автомат монету в 10 центов. Когда кончается разговор, вызываете телефонную барышню и сообщаете ей, что получили неправильное соединение. После этого, следующий разговор вы ведете уже бесплатно.

— Я краснел за моего собеседника, пытался прервать его красноречие, пристыдить его за эти поступки.

— Вы напоминаете мне, сказал я ему, того знаменитого шотландца (скупость шотландцев известна всему миру), который, потеряв на улице пенни, потратил на поиски монеты несколько часов. Пенни он не нашел, уехал из города и вернулся туда через несколько лет. Проходя по площади, где он когда-то потерял пенни, шотландец заметил рабочих исправлявших мостовую. Решив, что они разыскивают потерянное им в свое время пенни, шотландец подошел к рабочим и сказал:

— Друзья мои, ей-Богу, не стоит трудиться. Ведь не исключена возможность, что пенни я потерял в другом месте.

Мой анекдот ему очень понравился. Он долго смеялся и тут же заметил, что никогда ничего не терял, но находил очень часто. Не понимал совершенно людей, спешивших заявить о своих находках полиции. Называл их трусами.

Я понял, что имею дело с определенно больным человеком. Скупость его приняла ненормальные размеры и являлась причиной его клептомании. Он не отдавал себе больше отчета в том, что делал, не понимал, что может очень легко очутиться на скамье подсудимых. Сдерживающих центров у него не было. За пенни он готов был повеситься.

После этих «откровений» я стал сторониться нового знакомого. А затем случилась совсем неприятная история. Из моего письменного стола, который я случайно

забыл запереть, исчезла ценная книга, купленная мною накануне.

На этот раз у меня не было никаких сомнений. Я рассказал об этом происшествии моим сослуживцам, а затем, по их совету, сообщил о пропаже книги начальству.

Его вызвали. Он категорически отрицал свою вину. Утверждал, что я захватил эту книгу из дела и забыл ее в кафетерии.

История с пропавшей книгой была похоронена.

Я перестал с ним разговаривать и даже раскланиваться, а спустя месяц мне подвернулась интересная работа и я с радостью переменил службу.

Прошло несколько месяцев. Я совершенно забыл об этом вынужденном знакомстве. Ведь кого только не встретишь в Нью-Йорке. Человек этот сам напомнил мне о своем существовании. Прислал мне письмо, конечно ,без марки, просил о свидании, писал о каких-то неприятностях.

Мне стало жалко его (повторяю — я считал его ненормальным), и мы встретились.

Я увидел запуганного на-смерть человека. Погубила его единственная страсть, о которой я забыл упомянуть в начале. Мой Плюшкин, воришка, клептоман — предоставляю тебе выбрать для него подходящее имя — не скупился только на порнографию. То и дело он приносил на службу порнографические открытки и демонстрировал их из-под полы своего засаленного пиджака.

В результате он попал в какую-то грязную историю (скажу тебе откровенно, — мне было противно в ней разбираться) и был привлечен к судебной ответственности.

Я рекомендовал ему адвоката. Мой адвокат его выручил. Он, конечно, не уплатил ему гонорара.

После этой истории я его опять не видел несколько месяцев. И только вчера, гуляя по Центральному парку, случайно встретился с ним. Он не постеснялся подойти ко мне и в течение часа занимал меня своими бредовыми историями.

— Вот портрет твоего ежедневного спутника. Еще раз настойчиво рекомендую тебе не поддерживать с ним знакомства.

Я последовал этому совету. Со следующего дня я выходил на пять минут раньше только для того, чтобы не встретить его в автобусе.

Вскоре я на целый год уехал из Нью-Йорка. Когда вернулся домой, стал разыскивать старых друзей. Через неделю по приезде встретился с приятелем, поведавшим мне историю ньюйоркского Плюшкина.

Беседовал с ним до поздней ночи. Он мне рассказал обо всех и обо всем. Только о Плюшкине вспомнил в последний момент, — я уже стоял в пальто и шляпе в передней.

— Позволь, ведь я забыл о самой главной сенсации — не рассказал еще о судьбе твоего бывшего автобусного спутника.

— Представь себе, он погиб, погиб трагически. Месяца три тому назад он попал под автобус. Какая-то странная смерть. Газеты сообщили, что человек этот, завидя собаку на мостовой, бросился ее спасать и попал под автобус.

— Таинственная история. Я никогда не предполагал, что покойный хорошо относился к животным. Это так на него не похоже.

— В комнате Плюшкина полиция нашла горы всякого хлама. Под подушкой — книжку сберегательной кассы. На счету у покойного было 53.000 долларов. Деньги эти пошли в пользу города.

Мой рассказ в... советском журнале

Как-то летом, после отпуска, проведенного по обыкновению в Европе, меня ждал в Нью-Йорке большой сюрприз. В московском журнале «Родина» был совершенно неожиданно перепечатан мой рассказ «1148», из сборника «Герои и предатели», изданного в начале пятидесятых годов.

Посвящен этот рассказ эпизоду из истории французского движения Сопротивления во время второй мировой войны. Привожу его целиком.

«1148»

Тысяча сто сорок восемь. Это число я буду помнить всю жизнь.

У меня, кстати, странная привычка — я имею обыкновение каждое попадающееся мне на глаза число делить на семь. Если делится, — все в порядке, я спокоен. Никак не могу отделаться от этой привычки, впрочем, цифра семь сыграла немалую роль в моей жизни. А потому к этому числу чувствую слабость. Неоднократно проверял себя и убедился на деле — семерка приносит мне счастье.

Так было и на этот раз.

Сентябрь 1943 года. Рано утром приехал в Лион. Имел поручение доставить из Лиможа в Лион несколько сот фальшивых карт д'идантите. На себе спрятать их не мог: было их слишком много, а потому захватил с собою портфель, завернул карт д'идантите в газетную бумагу и сунул их в портфель. С портфелем этим, сами понимаете, я не расставался ни на минуту.

Итак, приезжаю в Лион. Поезд, в виде исключения, пришел без опоздания. Выхожу на перрон, осматриваюсь. Меня должны встретить. Товарищ обещал

поджидать меня на площади у остановки трамвая перед вокзалом. На перроне почувствовал какое-то смутное беспокойство. Не понравилась мне обстановка. Чересчур много немцев и милиционеров Виши. Стоят отдельными кучками и оживленно беседуют. Я в костюме железнодорожника — мера предосторожности. Ведь если угожу в руки немцев — меня ожидает расстрел. Но это не страшно — со смертью играть мы привыкли, ее не боимся. Страшно другое — провал моей миссии. Забыл рассказать, что, помимо портфеля, я везу на себе план взрыва железнодорожных мостов под Лионом. План зашит в подкладку костюма. За вручение этого плана по назначению отвечаю своей головой и головами десятка товарищей.

Иду по перрону медленно к выходу. По дороге газетный киоск. У киоска группа агентов Дарнана — начальника вишийской милиции. Задерживаюсь умышленно на несколько секунд у киоска, делаю вид, что выбираю газету. Прислушиваюсь к разговору вишийских попутчиков. До меня доносятся отдельные слова. По смыслу догадываюсь: в городе паника, десятки заложников. Нацистские репрессии за убийство минувшей ночью немецкого офицера. Думаю, дело плохо, как бы не попасть в облаву.

Выхожу с вокзала, подхожу к остановке трамвая, где назначено мне свидание. Товарища нет. Жду минут десять, пятнадцать. Он не является. Ждать на остановке неуютно. Издали вижу приближающийся немецкий патруль.

К счастью, подходит трамвай. Влезаю в вагон. В вагоне много народу, нет ни одного сидячего места. Устраиваюсь в проходе. Рядом со мной стоит полицейский.

Не знаю, помните ли вы форму французских ажанов, их знаменитые пелеринки труакар. Черная пеле-

ринка с прикрепленной на левой стороне металлической бляхой. На бляхе — номер ажана. Совершенно несознательно обращаю внимание на номер бляхи моего соседа. 1148. Наскоро делю этот номер на семь. Он делится — 164. Ну, думаю, все в порядке. Повезет. Первая примета — из хороших.

Трамвай отъезжает от остановки, двигается очень медленно, а затем внезапно останавливается. Не успеваю взглянуть в окно, как вижу у передней и задней площадок несколько немцев в форме. Очередная облава для проверки документов и для обыска пассажиров в поисках оружия.

Когда я вспоминаю об этом, мне кажется теперь, что это был единственный случай в жизни, когда я по-настоящему растерялся. Почувствовал себя совершенно беспомощным. «Так глупо попасться в руки немцев — просто позор, — пронеслось у меня в голове. —Не смогу даже защищаться, со мной нет оружия, да и обстановка не очень подходящая».

Вижу, немцы ко мне приближаются. Что делать с портфелем?!

Я делаю отчаянный жест в сторону моего соседа-полицейского. Протягиваю в его сторону правую руку. В этой руке мой проклятый портфель. Приподнимаю пелеринку ажана, под пелеринкой чувствую его руку, всовываю в его руку портфель. Он поворачивается, вопросительно на меня смотрит и... ни слова не говоря, берет мой портфель.

Минут десять продолжалась проверка документов. Немцы залезали в сумки женщин, вскрывали пакеты пассажиров. Полицейского они пощадили. Французскую полицию они не решались трогать, да и считали, что полиция защищает их интересы, ведет себя лояльно.

Мои документы были, конечно, в полном порядке.

В тот момент звали меня Андрэ Дюпон, профессия — железнодорожный работник.

Трамвай медленно тронулся с места.

На следующей остановке № 1148 покинул вагон. Перед тем он вручил мне портфель и с лукавой улыбкой на прощание козырнул.

Появление моего рассказа в московском журнале «Родина» явилось моим «дебютом» в советской литературе. Об этом «дебюте» я не имел ни малейшего представления, так как перепечатка была сделана без разрешения и согласия автора. Редакция «Родины» не сочла нужным сообщить о напечатании моего рассказа и никакого гонорара за этот рассказ я, конечно, не получил.

Портрет

Несколько недель спустя меня ожидал новый сюрприз. Совершенно случайно я узнал о местонахождении картины, похищенной в смутное военное время из нашей парижской квартиры.

Я имею ввиду портрет, который я любил больше всего. На нем была изображена моя первая, ныне покойная, жена. Висел он в столовой нашей квартиры на рю Микель Анж, в излюбленном районе русских беженцев — Порт де Сэн Клу. Написан был этот портрет очень талантливым русским художником Георгием Пожедаевым, поддерживавшим с нами дружеские отношения. Он бывал у нас очень часто и ему позировал, кроме жены, и мой отец. Теперь Пожедаева нет больше в живых. Он скончался летом 1971 года.

Когда разразилась война в 1939 году мы жили на этой квартире. Французы мобилизовали меня и до отправки на фронт определили на военный завод. Впервые за всю свою жизнь, я стоял у станка и делал взры-

ватели для снарядов. Работал обычно в ночной смене, когда столица погружалась в полную тьму — затемнение в Париже проводилось исключительно строго.

Накануне падения Парижа наш завод был эвакуирован в Лимож. Следуя распоряжению администрации, мы поехали за заводом. Квартиру бросили так, как будто ушли на несколько часов. Помню, что в столовой на столе осталась ветчина ,которой мы закусывали перед самым отъездом, вернее, поспешным бегством. Захватили мы с собой самое необходимое, а все остальное бросили на произвол судьбы. До последней минуты не теряли надежды, что скоро вернемся в освобожденный от немцев Париж и найдем нашу квартиру в полном порядке.

Надеждам этим не суждено было сбыться. После подписанного маршалом Петэном перемирия, — мы не вернулись в Париж. Предпочли остаться в Лиможе, который тогда находился в свободной от оккупации зоне Франции.

В Париж мы вернулись только четыре года спустя, после победы союзников над Гитлером. Ничего там не нашли, потеряли все — не то немцы, не то французы вывезли из нашей квартиры всю обстановку, книги, картины, носильные вещи... Вместе с нашим имуществом пропал весь архив отца. В нем было много рукописей и документов, фотографий с посвящениями выдающихся артистов и музыкантов, начиная с Шаляпина и кончая Анной Павловой, которыми были увешаны стены отцовского кабинета в крупнейшем берлинском издательстве Уллыштейн, издававшем «Руль».

Из наших вещей мне было больше всего жаль похищенного из столовой портрета.

До переселения в Соединенные Штаты я прожил в Париже еще два года. Тщетно пытался найти похищенные вещи. Попытки мои успехом не увенчались.

Ничего найти не удалось. Я уехал из Франции, обосновался в Нью-Йорке и увлекся некоторое время спустя русским искусством. Началось это увлечение с работ выдающегося художника Александра Бенуа, о котором у меня сохранились самые лучшие воспоминания детства. Я помнил этого исключительно блестящего человека еще по Петербургу. Мой отец редактировал столичную газету «Речь», постоянным сотрудником которой был Александр Николаевич. По воскресеньям, у нас на квартире, в доме Шведской церкви, на Малой Конюшенной 3, собирались гости. И особенно отчетливо запечатлелся у меня в памяти исключительно привлекательный образ Бенуа, приходившего вместе со своей очаровательной женой Анной Карловной.

Мое увлечение одним Бенуа не ограничилось. Вслед за Бенуа появились другие «любимцы» — Бакст, Гончарова, Добужинский, Судейкин...

О моей новой страсти узнали друзья и принялись сообщать мне о всех источниках, где можно было найти довольно редкие заграницей произведения русского искусства.

Три года назад, об одном из этих источников сообщил мне коллега по работе. Он сказал, что имеет в Париже знакомого, который обратился к нему с просьбой оказать помощь по продаже русских картин.

Я предложил коллеге написать парижскому знакомому письмо, дать ему мой адрес и попросить того выслать мне по почте фотографии продававшихся им картин.

Не прошло и двух недель, как пришло отправленное по воздушной почте внушительного размера письмо с многочисленными фотографиями. Не знаю, как другие коллекционеры, но я неизменно волнуюсь, когда получаю интересующий меня материал. Так было и на этот раз, когда я вскрывал письмо, полученное мною

от незнакомого человека. Но теперь меня ждал очень большой сюрприз. На первой выпавшей из конверта фотографии был изображен тот самый портрет, который висел в нашей парижской квартире и был оттуда похищен.

От неожиданности я вскрикнул и напугал сидевшую в соседней комнате жену. Мы решили, что до будущего приезда в Париж и посещения этого человека, у которого оказался украденный портрет, — писать ему об этом открытии я ничего не буду. Иначе портрет этот тотчас же исчезнет и отыскать мне его никак не удастся.

Так мы и сделали. Год спустя вылетели в Париж и на следующий день по приезде познакомились с человеком, с которым до сих пор только переписывались. Жил он в небольшой комнате, стены которой были сплошь увешаны картинами. На самом почетном месте висел тот портрет, потерю которого я столько времени оплакивал. Ни слова не говоря об этой неожиданной находке, — я спросил нового знакомого, знает ли он кто на этом портрете изображен.

— Мне говорили, последовал ответ, что это — какая-то артистка. Фамилии ее я не знаю...

— Вы очень ошибаетесь, сказал я, это — вовсе не артистка, а моя первая жена.

Вопреки ожиданиям, никакого эффекта не последовало и мне был задан совершенно неожиданный вопрос:

— Вы в этом уверены?

Я рассмеялся и поспешил заверить своего собеседника, что в этом сомневаться не приходится, и тут же добавил, что обнаруженный у него портрет висел в нашей парижской квартире на рю Микель Анж и бесследно исчез во время оккупации Парижа.

А затем я обратился к моему собеседнику с вопро-

сом. Меня очень интересует, сказал я, судьба этой картины после того как она была похищена из нашей квартиры:

— Как она очутилась у вас?

— Я могу вам это рассказать, ответил новый знакомый. Во время войны я давал обрамлять картины одному и тому же рамочнику. Как-то он потерял две мои картины и вместо них отдал мне этот портрет...

— В таком случае, заметил я, не можете ли вы познакомить меня с рамочником, от которого вы получили этот портрет?

— О, нет, последовал ответ. Это я считаю совершенно неудобным. Ведь он может подумать, что вы собираетесь начать против него уголовное преследование.

Я перестал настаивать. Понял всю бесполезность попыток добиться какой-либо правды и предупредил только моего собеседника, что портрет этот, как мою собственность, увезу с собою в Нью-Йорк.

Возражений никаких не последовало. После возвращения в Нью-Йорк, я вскоре получил письмо из Парижа. Человек, в коллекции картин которого я нашел принадлежавший мне портрет, изложил в этом письме новую «версию» о находке этой картины. Нашел он ее будто-бы в мусоре, причем портрет был разорван и его пришлось реставрировать.

После этого письма я проверил, видны ли какие-либо следы реставрации на портрете и, к счастью, не нашел никаких...

Спустя год мы снова собрались из Нью-Йорка в Париж. Перед самым отъездом от человека, у которого я нашел портрет, пришло длинное письмо. На этот раз он рекомендовал мне зайти к рамочнику, передавшему ему этот портрет. Но точного адреса этого рамочника корреспондент мой не сообщал и ограничивался толь-

ко описанием района, где этот рамочник находится, не называя его фамилии, улицы и номера дома.

От поисков таинственного рамочника я, конечно, отказался. Автора письма я встретил за несколько дней до отъезда из Парижа. Встреча на этот раз состоялась в кафе и приняла совершенно неожиданный для меня оборот. Мой новый знакомый явился с огромной папкой, раскрыл ее, вытащил оттуда какие-то исписанные им бумаги и принялся меня убеждать, что я незаконно завладел чужой собственностью, так как на забранном у него портрете не была вовсе изображена моя жена, и картина поэтому мне никогда не принадлежала. Тут же он пригрозил мне каким-то районным комиссаром, с которым имел уже разговор и тот согласился начать против меня судебное преследование. На предложение познакомить меня с этим комиссаром, мой собеседник наотрез отказался и я очень быстро пришел к заключению, что дальнейшие переговоры совершенно бесполезны. Я встал из-за стола и вернулся в отель.

Когда я рассказал об этом инциденте своим парижским знакомым, — все они выразили готовность выступить в роли свидетелей и подтвердить, что на портрете, о котором шла речь, была изображена моя первая жена.

По счастию, беспокоить их не пришлось. Год спустя я получил из Парижа первую весточку от человека, угрожавшего мне судом. На этот раз письмо было исключительно милым и не содержало никаких угроз. Портрет в этом письме вообще не был упомянут.

Я ему тотчас же ответил столь же милым письмом, в котором выразил надежду, что дальнейшее наше знакомство не будет омрачено никакими неприятностями.

Встречи с Парижем

Восемь лет спустя

Мне думается, что я не исключение. Все те, кому довелось жить в Париже, — никогда не забудут этого города. Мне лично пришлось пережить во Франции самые страшные годы, выпавшие на мою долю — годы второй мировой войны, когда гитлеровцы охотились на людей и жертвы немцев внезапно исчезали в подвалах гестапо и гибли в газовых камерах гитлеровских лагерей смерти.

С Парижем меня связывал миллион воспоминаний, жутких и прекрасных. Мне безумно хотелось поэтому вновь побывать в этом городе, который принято называть столицей мира, совершить прогулку по чудесным парижским улицам и выйти на самую красивую площадь мира Площадь Согласия, подняться вверх по изумительным Елисейским Полям и поклониться под Триумфальной аркой могиле Неизвестного Солдата.

Я расстался с Парижем в 1946 году и собрался впервые навестить его восемь лет спустя, в 1954. Подъезжая на пароходе к Гавру, я испытывал чувство необъяснимого волнения и мне казалось, что я еду вовсе не на свидание с городом, а на свидание с любимой женщиной, которую не видел много лет.

Из Гавра нас везли в Париж на автокарах. Пароход опоздал на полчаса и специальный поезд, не дождавшись туристов, ушел. В автокаре рядом со мною сидела американка, — жена солдата, посланного в Германию. Она ехала на свидание с мужем. Это было ее первое посещение Европы.

Моя соседка, не отрываясь, смотрела из окна автокара и все повторяла:

— Как это не похоже на нашу страну...

А перед окном мчавшегося автобуса мелькали маленькие городки и типичные французские деревушки с покосившимися домиками, из окон которых выглядывали любопытные их обитатели. В каждой деревушке было по кафе со столиками, расставленными на свежем воздухе и тут же на лужайках паслись стада прославленных нормандских коров.

Мы миновали железнодорожное полотно и когда я заметил издали будку стрелочника, у меня особенно сильно забилось сердце.

Вспомнился 1943 год и наша жизнь в Лиможе. Опасаясь ареста и не имея никаких средств к существованию (работать можно было только на немцев), я вызвался добровольцем охранять железнодорожное полотно. За эту «работу» платили 50 франков за ночь. В 7 часов вечера я уходил из дому и в 6 часов утра возвращался домой. Ведь больше всего я боялся ночного визита гестапо. А найти меня на железнодорожных путях было вряд-ли возможно.

Бессонные ночи на полотне железной дороги я проводил в компании стрелочников, укрываясь в их будках от пронизывающего холода предрассветных туманов. Мы беседовали на самые различные темы, говорили, конечно, о войне и мне постоянно казалось, что эти люди не меньше меня ненавидели немцев.

....

....

Затем наши автокары миновали Руан. На фоне солнечного заката мы видели необыкновенный силуэт Руанского собора и только в час ночи въехали в Па-

риж. Он совершенно не изменился. Мне хотелось одним взглядом охватить весь город, поскорее побывать у Сены, подняться на башню Нотр Дам, поклониться в Лувре Джоконде и Венере Милосской. Автокары нас спустили на Плас де л'Опера. Перед тем мы проехали мимо Триумфальной Арки и я с гордостью показал ее моей соседке-американке, будто Арка была моей собственностью.

Окно моей комнаты выходит на Сену и открывается чудесный вид на предместье Сюренн. Над Сюренн возвышается форт Мон Валерьян. На этом форту немцы расстреливали французских патриотов.

В чудный летний день отправляюсь в этот форт, расположенный высоко на горе. Медленно поднимаюсь в гору и внимательно всматриваюсь в дома, построенные вдоль дороги. Ведь в страшные годы мировой войны, обитатели этих домов могли наблюдать за приспущенными занавесками и ставнями немецкие грузовики, на которых наци везли лучших представителей французской молодежи на расстрел. Жители этих домов слышали Марсельезу, которую пели патриоты по дороге на смерть.

На форту Мон Валерьян, где со времени Людовика XVI помещаются казармы, ко мне приставили солдата-гида. Он должен был провести меня к месту, где расстреливали немцы. По дороге туда мы проходили мимо казематов, выстроенных на уровне земли, в которых гитлеровцы держали смертников. И всю дорогу мой провожатый рассказывал о себе. Во время войны он вынужден был бежать в Швейцарию, а отец его погиб в одном из нацистских лагерей смерти.

И рассказы эти казались мне теперь какой-то фантастической сказкой. Мы шли по чудесному парку и трудно было себе представить, что в этом парке лилась кровь и производились тысячи казней.

На холму расстрелянных стоит только один памятник. К памятнику прикреплена фотография юноши, которому на вид можно дать не больше 16 лет. На самом деле, — ему двадцать. Под фотографией факсимиле последнего письма, написанного отцу перед смертью.

Вот первые строки письма:

«Мой дорогой отец, теперь — это конец. В 8 часов меня поведут на расстрел. Будь мужествен, папочка. Я умираю совершенно спокойно и благодарю судьбу за те двадцать лет, которые я провел на земле...»

У главного входа в парижский Музей Человека, тот самый, который помещается во Дворце Шайо, на площади Трокадеро, стоят две мемориальных доски. На них сделана надпись, под ней — подпись генерала Шарля де Голля.

Надпись эта гласит:

«Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки. Целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления. Будучи арестован гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями высший пример храбрости и самоотречения.

Левицкий, выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 году принял активное участие в подпольном Сопротивлении. Арестованный чинами гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение».

Борис Вильде и Анатолий Левицкий — представители второго поколения русской эмиграции. Их нет больше в живых.

Через несколько месяцев после оккупации Парижа — июнь 1940 года, в столице вышел первый номер подпольной газеты, названной «Резистанс». Редакторами этой газеты были Борис Вильде и Анатолий Левицкий. Им принадлежит термин, вошедший в историю второй мировой войны, — «Резистанс» — «Сопротивление», — которым они определили борьбу с гитлеровцами в оккупированной Франции.

Когда разразилась война, Вильде и Левицкий делали блестящую научную карьеру. Оба окончили историко-филологический факультет при Сорбонне и Этнографический институт и работали в Музее Человека. Доклады Вильде по вопросам этнографии, антропологии и языковедению обращали на себя всеобщее внимание. А Левицкий обладал исключительным организаторским талантом.

В августе 1940 года подпольная группа Музея Человека распространила нелегальный трактат: «33 совета оккупированным». Храбрецы расклеивали прокламации в телефонных будках, на немецких автомобилях, вкладывали их в почтовые ящики. В универсальных магазинах они распространяли среди посетителей размноженное в типографии Музея Человека письмо своего директора, доктора Риве, маршалу Петэну. Во всех этих материалах содержался один возглас, один призыв, обращенный к населению раздавленной, растерзанной и оккупированной Франции: «Сопротивляйтесь!»

Борис Вильде, который ничего не боится, разъезжает по Парижу, в форме немецкого офицера, посещает воинские части, собирает солдат и офицеров разбитой французской армии, занимается переброской людей в Англию к де Голлю.

Так долго продолжаться не может. В столице слишком много агентов гестапо. Один из них нападет на след организации патриотов и в Музее Человека будет произведен тщательный обыск. В этот момент Вильде нет в Париже, а Левицкому удастся скрыться из Музея. Но его настигнут и арестуют на одной из станций метро.

Молодого ученого подвергнут многочисленным допросам, самым жесточайшим образом будут пытать и бить, но он перенесет все это с необыкновенным мужеством. Анатолий Левицкий не назовет ни одного имени, не выдаст никого из своих товарищей.

В ожидании суда, который состоится только 8 января 1942 года, после ареста Бориса Вильде и других участников подпольной организации Музея Человека, Левицкий проведет много месяцев в тюрьме Фрэн. На скамье подсудимых сидеть будут 18 человек и судить их будет военный суд.

Приговор заранее известен. Никому из подсудимых не удастся избежать смертной казни. 23 февраля, в пять часов вечера, всех смертников вывезут на грузовике из тюрьмы Фрэн и доставят на расположенный в предместье парижа Форт Мон Валерьян, где производились расстрелы французских патриотов. Немцы исполнят последнее ходатайство Вильде и Левицкого — они разрешат им встретить смерть без повязок. Накануне казни Борис Вильде сделает в своем тюремном дневнике следующую запись: «Оглянись назад, на свое прошлое, и ты увидишь, что твое становление было историей твоего очеловечения».

К главным героям французского Сопротивления принадлежит также еще одна наша соотечественница — Вера Аполлоновна Оболенская. Ей было только

семь лет, когда родители увезли ее из Москвы во Францию. Вся жизнь Оболенской прошла в Париже. Франция стала для нее второй родиной.

Многие знали в довоенном Париже красавицу Вики Оболенскую — веселую, любящую жизнь, молодую, прелестную женщину. Когда вспыхнула война, и был оккупирован немцами Париж, она полностью отдалась борьбе с врагом. Все остальные интересы отошли на второй план.

Вики Оболенская работала в подполье не за страх, а за совесть. С раннего утра до позднего вечера. Чтобы не подводить своих близких, она сняла отдельную квартиру на рю Кассет. Там она принимала участников Сопротивления, переписывала на машинке приказы, тайные донесения, снимала копии планов, схем, мест приземления парашютистов. Ее бесстрашие и находчивость кажутся невероятными.

Однажды Вики попала в метро в облаву. В руках она держала чемодан, в котором переносила секретные документы. На вопрос полицейского, что она везет в чемодане, молодая женщина непринужденно с веселой усмешкой ответила: « Небольшая бомба, месье». Полицейский рассмеялся и пропустил ее.

Вера Оболенская была арестована 17 декабря 1943 года на квартире у Софьи Носович, ее близкой подруги и соратницы в борьбе. В 11 часов утра гестаповец и три французских полицейских схватили обеих женщин.

Тотчас же после ареста, непрерывная цепь допросов в гестапо. Допросы эти сопровождаются пытками. Обреченных и измученных в конец женщин переводят в тюрьму Фрэн. Вики попадает в интернациональную камеру: француженки, итальянки, австрийки. Она быстро свыкается с тюремной обстановкой, дружит со всеми заключенными. Учит русскому языку итальянку,

сама изучает немецкий язык с помощью австрийки, пишет стихи. Каждое утро на рассвете раздается хриплый голос смотрительницы: «Оболенская, на допрос...»

Бесстрашную женщину допрашивают обычно пять гестаповцев с двумя переводчиками — русским и французским. Подчеркивают всякий раз эмигрантское прошлое арестованной, уговаривают ее отойти от опасного движения Сопротивления. Немцы постоянно слышат в ответ: «Я русская, жила всю жизнь во Франции, и я никогда не изменю ни своей родине — России, ни Франции, приютившей меня».

На повторные вопросы следователей об именах сообщников, Вики упорно молчит и заслужит у немцев прозвище: «Принцесса их вейс нихт». Гитлеровцам не помогут угрозы, пытки, нечеловеческие муки. Гестапо ничего не узнает от Оболенской.

После затянувшегося следствия — военный суд. Обеих подсудимых — Оболенскую и Носович — гитлеровцы, как и следовало ожидать, приговорили к смертной казни.

В яркий весенний день Вики Оболенскую и Софью Носович увезли в Германию.

В Берлине их заключили в тюрьму «Альт-Моабит». Режим приговоренных к смерти — одиночная камера, ручные кандалы, зажженный свет круглые сутки.

В конце июля 1944 года, после памятного покушения на Гитлера, узниц перевезли в тюрьму Барнимштрассе. На тюремном дворе была установлена гильотина. На этой гильотине немецкие палачи отрубили голову Вики.

В Париже молодой героине поставлена на русском кладбище мемориальная доска. На условной могиле.

Французское правительство посмертно наградило Веру Аполлоновну Оболенскую Орденом Почетного

Легиона, Военным Крестом с пальмами и Медалью Сопротивления.

⁂

Вильде, Левицкий, Оболенская... Этим трем героям и другим русским участникам Сопротивления во Франции посвящены две небольшие книги в белых мягких переплетах. Ныне эти книги превратились в библиографическую редкость. Они были изданы в Париже в 1946 и 1947 годах и тираж каждой составлял 500 экземпляров. Мне посчастливилось увидеть эти книги уже после отъезда из Парижа — в Нью-Йорке. В каждой из них не более полутораста страниц и довольно много фотографий. Оторваться от довоенного портрета молодой красивой женщины — Веры Аполлоновны Оболенской — невозможно. Под ним подпись: «Младший лейтенант, основательница и секретарь одной из организаций Сопротивления с 1940 года. Арестована, вывезена в Германию и казнена в Берлине. Явила всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом».

Потрясает также фотография Бориса Вильде. У него прекрасное открытое лицо с необыкновенными глазами, которые проникают тебе в душу.

Часами гуляю по Парижу, блуждаю по узеньким улицам Латинского квартала, захожу в уютные «бистро», где отдыхаю за бокалом чудесного белого вина.

Кто из туристов знает о существовании улицы Кота-рыболова, о которой известный венгерский писатель написал роман? Кто из иностранцев побывал в одной из самых старинных парижских церквей — в храме С.-Женевьевы Оксеровской, расположенной сра-

зу за Лувром? С колокольни этой церкви раздался набат, призывавший католиков к избиению протестантов. Так началась Варфоломеевская ночь.

Слышали ли вы также о существовании крошечной улицы — рю дю Валь де Грас, упирающейся в церковь, выстроенную Екатериной Медичи? Купол этой церкви считается самым красивым в Париже.

На улице этой живет мой новый приятель. Я познакомился с ним только в этот приезд и превратился в его завсегдатая.

По крутой лестнице я с трудом поднимался на пятый этаж и попадал в русское царство. У моего приятеля настоящий музей, составленный из картин исключительно русских художников: Серов, Репин, Врубель, Кустодиев, Бенуа, Добужинский, акварели середины 19-го века за подписью П. Соколова и картины современных русских художников.

Мой приятель увлекается не только картинами. Он покупает все, что имеет отношение к России. Кроме редчайших русских книг, — у него имеются необыкновенные русские вещи: автографы русских царей — Петра, Екатерины Великой, Николая Первого, записные книжки морганатической жены Александра Второго княгини Юрьевской. В книжках этих какие-то непонятные знаки и есть только одна запись, сделанная в день свадьбы Александра и Юрьевской: «Сегодня самый счастливый день моей жизни».

Но это, — не все. В маленьком фотографическом альбоме хранится первая фотография Александра, преподнесенная царем своей будущей жене. На обороте этой фотографии сделана трогательная надпись. Цитирую ее на память: «Новой фрейлине после первого свидания в Летнем саду».

Моя карточка журналиста обеспечивает мне бесплатные билеты во все театры французской столицы. Мне их устраивает... мадемуазель Лермонтофф. Она заведует отделом печати при главе правительства. Бюро ее помещается около Елисейских Полей, на улице Байрона, которого французы упорно называют Бирон.

Когда мне по телефону сказали, что за театральными билетами мне следует обратиться к мадемуазель Лермонтофф, — я решил, что просто ослышался.

На самом деле оказалось это не так. Чиновницу эту звали действительно Лермонтофф. В день нашего знакомства я заметил моей собеседнице, говорившей со мною по-французски, что она носит знаменитую русскую фамилию.

— Я — праправнучка Лермонтова, услышал я в ответ, и очень горжусь этим. Но, простите, мне уже трудно говорить по-русски.

Благодаря праправнучке Лермонтова мне довелось увидеть необыкновенный спектакль в Париже. На паперти Нотр Дам изображался Крестный путь Иисуса Христа. Перед собором были устроены грандиозные трибуны для публики, вмещавшие 10.000 человек.

На фоне средневекового фасада парижского собора, под открытым небом, шел спектакль, в котором участвовало 1.200 артистов.

При помощи фантастических световых эффектов, силуэт Нотр Дам оживал в темную июньскую ночь.

Передать впечатление от этого зрелища не представляется возможным. На спектакле этом я был дважды и никогда его не забуду.

Три столицы

После тринадцатилетней разлуки, мы летим из Нью-Йорка в Париж. Беспокойно на сердце — это наш (для жены и меня) первый полет и вместе с тем очень радостно. Ведь мы увидим город, с которым у нас связаны бесчисленные воспоминания, жуткие и прекрасные. Они на всю жизнь врезались в память и забыть их никогда не удастся.

Наш путь в Париж лежит через Лисабон и Мадрид. До португальской столицы около 6 часов полета. С международного аэропорта Кеннеди мы вылетаем в 9.45 часов вечера, в Лисабон должны прилететь в 9.10 часов утра по местному времени. Разница между Нью-Йорком и Лисабоном во времени — 5 часов. Если считать наш отлет из Нью-Йорка по европейскому времени, то придется он на 2.45 часов утра.

Погода нам не благоприятствует. В день отъезда с утра идет дождь, который временами превращается в проливной, и дует холодный северный ветер. Самолет вылетает с 20-минутным опозданием. С полчаса мы летим в кромешной темноте, а затем наш «Боинг 707» поднимается над облаками и капитан самолета предупреждает пассажиров по микрофону, что мы вышли из сферы бурной погоды.

Два часа спустя начинает светать. Я смотрю на часы — первый час ночи по ньюйоркскому времени, 5 часов утра — по европейскому. Наблюдать за рассветом с самолета — зрелище необыкновенное. Под вами облака, над вами небо бесконечно синего цвета, а по бокам нечто вроде радуг — какие-то полосы расцветки совершенно удивительной.

Необыкновенно плавно наш самолет садится в аэропорту Лисабона. Это — первая его остановка. Из

Португалии он летит в Мадрид, оттуда — в Рим и заканчивает свой полет в Каире.

После мрачной ньюйоркской погоды, — разительная перемена, — в Лисабоне светит яркое солнце и очень тепло.

Формальности в аэропорту сводятся только к проверке паспортов, а затем мы мчимся в такси в наш отель, который расположен в центре города и носит громкое имя «Дворец Авенида».

Как-то трудно поверить — еще несколько часов тому назад мы были в Нью-Йорке.

Шофер такси, с которым нет возможности столковаться — он говорит только по-португальски — мчит нас по широкому шоссе, которое ведет от аэропорта в город. По сравнению с другими столицами, это расстояние небольшое и минут через десять мы достигаем окраин столицы. Чтобы добраться до нашего отеля, приходится миновать значительную часть города.

Первое впечатление от Лисабона, в котором насчитывается теперь свыше миллиона жителей, невероятное уличное движение. Осложняется оно тем, что улицы, за небольшим исключением, очень узкие и по ним, кроме автомобилей, разъезжают двухэтажные автобусы, напоминающие тех, которые когда-то были в Нью-Йорке.

Вечером мы пойдем бродить по городу и заблудимся в лабиринтах узких, похожих одна на другую, улиц. Но португальцы исключительно любезны. Из наших расспросов они поймут только название отеля и тотчас же постараются объяснить, где он находится.

Больше того, некоторые проводят нас до места, с которого будет видно здание «Дворца Авениды».

В нашем отеле поражает неимоверное количество прислуги, среди которой имеются настоящие дети. Маленьким «боям» можно дать на вид не больше 7-8 лет. Они исполняют мелкие поручения — отнесут пальто в комнату, принесут вам газету...

В ресторане отеля вам прислуживают несколько лакеев и вас особенно поражает их печальный вид. На лицах их вы ни разу не увидите улыбки. Рядом с нами сидит за столиком пожилой американец и я слышу, как он говорит своему лакею: — Smile, please! (Улыбнитесь, пожалуйста).

На второй день пребывания в Лисабоне мы едем во всемирно-известный курорт Эсторил, излюбленное место экс-королей. Электрический поезд идет по берегу морского залива. Из окна вагона открывается исключительный вид.

Эсторил производит величественное впечатление. От вокзала ведет широкая аллея, обсаженная с обеих сторон громадными пальмами. Вдоль аллеи расположены фешенебельные отели. Упирается аллея в парк, посередине которого находится излюбленное место туристов — казино, где, по примеру Монте Карло, можно проиграть или, что значительно труднее, выиграть большие деньги.

После шумного Лисабона поражает исключительная тишина Эсторила. Сезон еще не начался, на улицах видно очень мало публики и нет почти никакого автомобильного движения.

Славится Эсторил своим удивительно мягким климатом. Средняя температура зимою — 12 градусов тепла по Цельсию, весною она составляет 15 градусов, летом поднимается в среднем до 21, а осенью опускает-

ся до 17 с половиной. С этим климатом не может соревноваться даже Ницца, не говоря уже о других европейских курортах.

Из Лисабона в Мадрид всего 55 минут полета. Наш самолет не успевает подняться и набрать высоту, как пилот предупреждает пассажиров, что мы приближаемся к Толедо, будем скоро спускаться и предлагает поэтому затянуть пояса.

Наше пребывание в Мадриде ограничено 2 днями. Мы тщетно пытаемся попасть на бой быков, но билеты получить невозможно, и уделяем много времени посещению знаменитого Прадо. Этот музей — один из величайших музеев мира. В нем 2.500 картин, среди которых необычайные сокровища искусства. Нигде в мире не представлены так богато Веласкез, Гойа, Эль Греко.

С широкой площади, посередине которой стоит фонтан Нептуна, мы входим в музей, поворачиваем направо и идем до конца вдоль зал, где выставлены скульптуры.. В последней зале, на почетном месте, красуется удивительное произведение искусства — мраморная «Дама де Эльче», греко-иберийская скульптура, созданная 3.000 лет тому назад и обнаруженная во время раскопок у порта Аликанте. Вы долго не сможете оторваться от этой скульптуры. Вам будет казаться, что она сейчас оживет...

После знакомства с «Дамой де Эльче» мы поднимаемся на первый этаж и разыскиваем залу XXX, полностью посвященную великому живописцу Эль Греко. В этой зале висит знаменитый портрет «Кавалера с рукой на груди». На портрете изображен мужчина с вдохновенным лицом. На нем типичный испанский на-

ряд того времени. Кружевной воротник и такая же кружевная манжета на правой, приложенной к груди, руке. Пальцы на руке удивительно длинные и тонкие. Они явно принадлежат испанскому гранду.

К зале Эль Греко примыкает зала с картинами великого испанского мастера Диэго Родригеза Веласкеза де Сильва. На полотнах Веласкеза проступает через краски удивительная игра света и вам кажется, что утреннее солнце пробивается сквозь стену, на которой висят эти удивительные произведения искусства.

Не пропустите «Фрейлин» Веласкеза. Эта картина висит в зале XV. В центре ее изображена маленькая принцесса Маргарита Мария. По ее правую руку преклонила колена одна из фрейлин — донна Мария Агустина Сармиенто, по левую — стоит донна Изабелла Веласко.

Залы от XXXII до XXXVI посвящены Гойе. Мировой известностью пользуются две картины с изображением одной и той же «махи». Так назывались в Мадриде женщины легкого поведения. О картинах этих сложилась легенда, которая утверждает, что моделью Гойи была сама герцогиня Альба, возлюбленная гениального живописца. Теперь оба портрета «махи», которая на одном изображена одетой, а на другом — нагой — «маха деснуда» и «маха вестида» — висят вместе и эксперты сходятся на том, что одетая женщина соблазнительнее раздетой.

Перед тем как покинуть Прадо взгляните еще на удивительный портрет мужчины работы выдающегося немецкого мастера Альбрехта Дюрера. На нем изображен молодой мужчина со свертком в руке. У него совершенно живые глаза. Он всматривается вдаль и вам кажется, что сейчас он повернет свою голову и обратится к вам с вопросом.

⁂

Полет из Мадрида в Париж продолжается около полутора часов. На этот раз летим мы на французской «Каравелле». Самолет этот вдвое меньше американского «Боинга». Не успеваем отлететь от Мадрида, как стюардесса сообщает нам в микрофон, что управляет самолетом капитан по фамилии... д'Амур, который желает пассажирам иметь много от полета удовольствия.

Когда летим над Лиможем, капитан предупреждает, что начинается спуск. С высоты нескольких тысяч футов я стараюсь рассмотреть тот город, в котором провел страшные годы мировой войны. В Лимож был эвакуирован из Парижа тот военный завод, куда определили меня французские власти до отправки на фронт. 10 мая 1940 года я прошел медицинский осмотр, был признан годным и, до отправки на фронт, поставлен на завод, у станка. Тем временем началось памятное отступление и за день до занятия немцами Парижа завод был эвакуирован в Лимож.

Пользуюсь пребыванием в Париже, чтобы побывать в ателье русских художников. Еще в день приезда звоню по телефону старшей дочери покойного Александра Николаевича Бенуа. С ней я переписываюсь уже много лет и между нами установилась удивительная близость. Переписка началась в 1960 году, когда в редакцию пришла из Парижа телеграмма о кончине ее отца — выдающегося художника. Мне поручено было написать некролог, который был напечатан без подписи на первой странице. Недели через две в редакции был получен запрос. Старшая дочь А. Н. Бенуа — Анна Александровна Черкесова — просила ей сообщить, кто автор некролога. Ей написали. После этого я получил от нее трогательную благодарность и в подарок чудеснейшую акварель отца с изображением Фонтенебло.

С этого момента завязалась переписка, которая не прекращалась в течение семи лет. Я давно мечтал о встрече с Анной Александровной и, наконец, ее дождался.

Анна Александровна живет на маленькой улице — рю Витю — в 15-м аррондисмане, в том же ателье, в котором жила с отцом. Помещается ателье на двух этажах. Внизу, где работал Александр Николаевич, все осталось без перемен. Посередине стоит заваленный книгами стол, сбоку — мольберт, стены завешаны удивительными произведениями выдающегося русского живописца, графика, театрального художника, историка искусств, художественного критика и режиссера.

Встречает она нас исключительно радушно, вспоминает, что нашему знакомству свыше 50 лет. В 1916 году, в разгар первой мировой войны, Анну Александровну, которая была тогда подростком, захватили с собой родители, когда шли к нам в гости на происходившие каждое воскресенье приемы. Гостей на этот раз было очень много и среди них находились два начинающих поэта — Сергей Есенин и Николай Клюев.

Очаровательная Анна Александровна показывает нам нижнее ателье. Особенно запоминается написанная масляными красками большого размера иллюстрация к «Медному всаднику». На ней изображен Петр:

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И в даль глядел...»

Рядом с этой картиной висит несколько поразительных эскизов — декорации к многочисленным постановкам, которые шли чуть ли не во всех главных театрах мира.

Но это далеко не все. Анна Александровна ведет

нас наверх, в жилые покои. Вдоль внутренней лестницы все завешано картинами. Рядом с акварелями Александра Николаевича, висят чудесные вещи покойного мужа А. А. Георгия Черкесова, скончавшегося очень молодым во время второй мировой войны. Остался сын — тоже художник, подающий большие надежды.

Наверху, на стенах, нет ни одного свободного места. На вас смотрят необыкновенные портреты, написанные Зинаидой Серебряковой, дочерью известного скульптора Евгения Лансере, женатого на сестре А. Н. Бенуа.

(Несколько дней спустя мне посчастливилось побывать в ателье Зинаиды Евгеньевны и вдоволь насладиться ее исключительными портретами и незабываемыми «натюрморт», место которым только в музеях.)

Анна Алекасндровна демонстрирует нам все, что осталось после отца, показывает папку за папкой, в которых хранятся акварели, из которых каждая лучше предыдущей.

Я вернусь еще два раза к Анне Александровне и она меня всякий раз также радушно встретит и даст возможность лишний раз полюбоваться произведениями выдающегося русского живописца, каким был ее отец — Александр Николаевич Бенуа.

Около остановки метро Распай на Монпарнассе, в доме № 31-бис по рю Кампань Премьер, помещается на первом этаже ателье другого необыкновенного русского художника и не менее талантливого писателя — Юрия Павловича Анненкова.

В 1936 году под псевдонимом Б. Тимирязева вышла совершенно блестящая книга Анненкова «Повесть о пустяках». Успех ее превзошел все ожидания. В течение

нескольких месяцев все издание было продано и теперь получить эту книгу ни за какие деньги нельзя.

Совсем недавно, в вашингтонском издательстве «Международное Литературное Содружество» вышли два тома воспоминаний Ю. П. Анненкова под заглавием «Дневник моих встреч».

Книга эта удивительная. Ее автору позировали все без исключения знаменитости, начиная с выдающихся писателей и поэтов и кончая вождями большевиков. Каждый, помещенный в «Дневнике моих встреч», портрет сопровождается очерком, который по своему качеству никак не уступает рисунку.

«Сочетание в одном лице художника слова — и художника кисти и карандаша, как отмечает предисловие к первому тому, приводит к предельной живописности и четкости мемуарных зарисовок и к замечательной выразительности и глубокой характеристики портретов».

Мне посчастливилось видеть не только репродукции портретов в книге Анненкова, но и сами оригиналы. Когда мы пришли к Юрию Павловичу в его прекрасное ателье, он раскрыл большой шкаф и стал вытаскивать один за другим свои замечательные портреты. Среди них оказались такие, которые не попали в книгу. Так, например, я увидел удивительный портрет Сталина, позировавшего, как оказалось, Анненкову в 1923 году и не менее примечательный портрет советского главковерха Клима Ворошилова.

На втором этаже ателье висит на стене необыкновенный, сделанный лет 50 тому назад, портрет Анны Ахматовой. Когда Ахамтова посетила два года назад в последний раз Париж, рассказывает Юрий Павлович, она пришла к нему в ателье и долго стояла перед этим портретом, все повторяя одно и то же:

— Во что я теперь превратилась...

Анненков не только портретист. Он блестящий театральный художник и составил себе очень большое имя в артистических кругах. В послевоенные годы он поставил несколько десятков фильмов — нарисовал для них декорации и костюмы. В парижских театрах шли многочисленные пьесы в постановке Юрия Павловича и постоянно пользовались большим успехом у публики и критиков.

В районе Одеона, где улочки особенно узки и бросается в глаза неимоверное количество «битников», находится ателье двух других выдающихся русских художников — Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой. Их нет уже в живых. А жили они, пишет в своей книге Анненков, «на улице Жака Калло ,замечательного французского художника первой половины 17 века, тоже посвятившего огромное количество своих рисунков театру — итальянской Commedia dell'Arte».

«В их квартире, продолжает Анненков, всегда царил неисправимый, но весьма поэтический беспорядок: на стенах, на полу, на диванах — холсты, акварели, рисунки, набитые рисунками папки, и книги и журналы, иногда — чрезвычайно редкие, столетние и очень ценные».

Всего несколько месяцев назад, в одном из лучших парижских художественных издательств вышла из печати на французском языке, посвященная Михаилу Ларионову, монография. Автор ее — известный историк искусств, называет в прологе Ларионова «одним из больших живописцев XX века, художником русским и художником европейским».

В монографии много прекрасно выполненных ре-

продукций, относящихся ко всем периодам творчества Ларионова. Особенно запоминаются воспроизведенные в книге изумительные эскизы к балетным постановкам и удивительный автопортрет, относящийся к 1910 году.

По телефону я сговариваюсь с вдовой Ларионова — любезной Александрой Клавдиевной, что навещу ее в один из ближайших дней. Да простит она меня, что я упоминаю ее имя, но обойти молчанием это знакомство никак не могу.

Ателье Ларионова находится на четвертом этаже. Старый парижский дом, широкая лестница, но лифта, конечно, нет. Внизу, со столиками на улице, помещается очень уютное кафе. Дом угловой и выходит на две улицы.

Меня очень радушно встречает Александра Клавдиевна, усаживает за стол и тотчас же принимается угощать. В руках у нее каталог выставки картин Ларионова в Лионе, которая недавно закрылась.

Александра Клавдиевна рассказывает об исключительном успехе, выпавшем на долю этой выставки и вспоминает о своем последнем посещении Москвы, где имя Ларионова так же, как и заграницей, приобретает с каждым годом все большую известность.

Автор предисловия к каталогу Лионской выставки сравнивает Ларионова с «гениальными мастерами Пикассо, Браком, Малевичем и Кандинским, возродившими живопись» и говорит о том, что Ларионову принадлежит среди них важное место.

На прощанье Александра Клавдиевна показывает мне несколько удивительных рисунков Наталии Гончаровой.

Живем мы в Париже на границе 16-го аррондисмана и Булони. Нас перетащила из отеля к себе моя

старая приятельница еще по Берлину. Женщина совершенно исключительная. Доброта ее не имеет пределов. Она не скрывает, что «хотела обнять весь мир», но ей это, конечно, не удалось. Впрочем, она ни о чем не жалеет, хотя жизнь у нее сложилась очень не легко.

С нашей хозяйкой у меня связан миллион воспоминаний. В студенческие годы я часто бывал в этой семье, было ей тогда лет 17-18 и красоты она была необыкновенной. Так, я представлял себе, должна была выглядеть Анна Каренина.

Поклонников у нее было очень много. Одним из них был и я. Вздыхал втихомолку, но ухаживать не решался.

Дом, в котором мы живем, выходит окнами на главный парижский спортивный стадион — Парк де Прэнс, где происходят все главные спортивные состязания. Я пользуюсь этим обстоятельством, чтобы пойти на футбольный матч Франция—СССР.

На стадионе, вместимость которого составляет примерно 25.000 человек, нет ни одного свободного места. Толпа наэлектризована. При появлении команд — гром аплодисментов. Такая же овация после исполнения национальных гимнов.

Я сижу на трибуне, отведенной для представителей печати, и наблюдаю за французскими коллегами. Их футбольный патриотизм не имеет границ. Они то и дело вскакивают со своих мест, выкрикивают имена отдельных игроков и отчаянно аплодируют. Трудно передать восторг публики, когда французской команде на 10-й минуте удастся забить первый гол. На стадионе делается что-то невообразимое. Вся публика стоит на ногах и в буквальном смысле слова безумствует, хотя до конца матча еще далеко. И закончится он для

французов большим разочарованием: советская команда победит со счетом 4:2.

Начало шестидневной войны 1967 года на Среднем Востоке застало нас в Париже. В памятный понедельник, 5 июня, в 12 часов дня, я узнал из дневной газеты о средневосточных событиях. На первой странице огромными буквами было написано: «Египет напал на Израиль».

В тот день вечером мы должны были встретиться с друзьями. Пойти вместе обедать. В 8 часов вечера мы зашли за ними и тотчас же обратили внимание на подавленное настроение. Оказалось, что в три часа дня старший сын наших друзей — француз по паспорту, отбывавший воинскую повинность во французских войсках и сражавшийся в Алжире, вылетел в Тель Авив, чтобы поступить добровольцем в израильскую армию.

— Я проводил его на аэродром, рассказал отец. Он спросил меня, поступил ли я так же, как и он и я ему ответил: — Конечно.

Друзья везут нас в один из ресторанов в районе Елисейских Полей. Выходим мы из ресторана часов в 10 и едем кататься. Трудно себе представить, что делается на Елисейских Полях. Бесконечная цепь автомобилей, пять рядов в одну и столько же рядов — в другую сторону Двигаются они черепашьим шагом и отчаянно гудят. После 10 часов вечера гудеть в Париже запрещено и то, что происходит на Елисейских Полях — демонстрация в пользу Израиля.

Между автомобилями бегают молодые люди. Они раздают листовки, текст которых гласит: «Да живет Израиль! Все на площадь Согласия, во вторник 6 июня в 19 часов!»

Если судить по печати, то все общественное мнение Франции стоит на стороне Израиля. Об этом свидетельствуют все без исключения газеты, не говоря, конечно, о коммунистическом «Юманитэ», которое, следуя московской указке, перекинулось на сторону арабов.

⁂

Наш путь домой лежит через Амстердам. Из Парижа мы вылетим в 10 часов утра и через 55 минут самолет Королевской голландской авиационной компании приземлится в аэропорту крупнейшего порта и торгового центра Нидерландов.

Несколько часов спустя, воспользовавшись хорошей погодой — явление в Амстердаме очень редкое — мы совершим прогулку на пароходике по каналам этого города, который принято называть «Северной Венецией» .На пароходике пассажиры всех национальностей и гид вынужден давать объяснения на четырех языках — своем родном, английском, французском и немецком.

Каналов в Амстердаме бесконечно много. Протяжение их — несколько десятков километров. Пароходик идет по каналам широким и узким, длинным и коротким, проходит под бесчисленными мостами и, под конец, проникает в порт, где довольно бурное море.

Гид обращает внимание пассажиров на изумительную по красоте средневековую архитектуру расположенных вдоль каналов особняков, объясняет все памятники города, мимо которых проезжает пароходик.

Один из самых красивых по архитектуре домов помещается на Зандстраат — Песчаной улице. Он принадлежал когда-то богатейшим купцам Трип, видным

представителям городской аристократии. Они работали на военные нужды и имели собственные прииски в Швеции. Фасад и печи в особняке имеют форму пушек — символ профессии хозяев. До постройки Национального музея, особняк купцов Трип был использован для этой цели. Сегодня в этом доме помещается Королевская академия наук.

Рядом с особняком купцов Трип вам бросится в глаза другой домик. Вы обратите внимание на его крошечные размеры. Это — самый маленький дом в Амстердаме, ширина его фасада составляет примерно 60 инчей. Он был построен купцом Трип для кучера, который, по преданию, как-то сказал своему хозяину: «Если бы я имел дом шириною в вашу парадную дверь, — я был бы вполне счастлив».

Недостаток времени — в Амстердаме мы провели всего полтора дня — заставляет нас ограничиться осмотром Национального музея, где особенно богато представлена голландская живопись во главе с гениальными мастерами Рембрандтом и Рубенсом, и дома Анны Франк, дневник которой получил всемирную известность.

Еврейская девушка, выданная наци в последние месяцы мировой войны и погибшая в одном из гитлеровских лагерей смерти, скрывалась долгие годы в маленьком домике — 263, Принценграхт, выстроенном в 1635 году. По примеру других купеческих особняков и этот дом был расположен на берегу канала, по которому товары подвозились прямо к парадному входу. В 1740 году домик подвергся капитальному ремонту, но после этого к нему не притрагивались и он сохранился в том виде, в каком существовал свыше двухсот лет назад.

Прямо с улицы на второй этаж ведет очень крутая лестница, подняться по которой представляет настоящую опасность для жизни. Вы попадаете в одну из комнат квартиры, в которой скрывалась во время гитлеровской оккупации Голландии немецкая семья Франк. Родным ее городом был Франкфурт-на-Майне. После прихода к власти наци, Франки бежали в Голландию. Они надеялись пережить там окаянное время. Их надеждам не суждено было сбыться. Из всей семьи спасся только отец и уцелел дневник 14-летней Анны — совершенно удивительный человеческий документ. Он был переведен на 33 языка.

В первой комнате, у одной из стен, на полках выставлены все эти издания. На обложках большинства книг изображена голова девушки, которая запоминается на всю жизнь. У Анны исключительно вдохновенное лицо с совершенно не-детски грустными глазами.

В той же комнате висят многочисленные фотографии, посвященные преследованиям немцами евреев, виды лагерей смерти и их узников в момент освобождения союзными войсками.

Из первой комнаты дверь ведет в маленький коридор и оттуда — лестница на третий этаж и чердак, где особенно любила проводить время юная Анна Франк, дневнику которой суждено было потрясти весь мир.

Дом Анны Франк — последнее сильное впечатление от европейской поездки. На следующее утро мы вылетели из Амстердама в Нью-Йорк.

«СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

В 1971 году мы провели, по обыкновению, наши каникулы в Европе. На этот раз я задумал посетить во Франции те места, куда забросила меня судьба во время второй мировой войны. Когда вспыхнула эта война я жил в Париже. Меня, гражданина с Нансеновским паспортом, мобилизовали французы и до отправки на фронт определили на военный завод. Я стоял у станка и делал взрыватели для снарядов. За день до падения Парижа, завод был эвакуирован в Лимож. Так я очутился в этом городе, славящемся своим фарфором. Через два дня после приезда в Лимож Франция капитулировала. Мы не вернулись, однако, в Париж. После 2-летнего пребывания в Лиможе укрылись, спасаясь от оккупантов, в маленькой деревушке Вабр, расположенной близ уездного городка Кастр. Там мы дождались освобождения Парижа и тотчас же вернулись в свободную французскую столицу.

Два года спустя я переселился в Соединенные Штаты и все это время не переставал мечтать о «сентиментальном путешествии», хотел побывать там, где пережил страшные годы мировой войны, когда тебе ежечасно грозила смертельная опасность.

Этого путешествия пришлось дожидаться 25 лет, с 1946-го по 1971 год. В Европу мы летели впервые на громадном самолете «747». При посадке всех пассажиров обыскивали — мера предосторожности против участившихся нападений воздушных пиратов.

Наш самолет вмещал свыше 300 человек. Все места были заняты по преимуществу молодежью — студентами и студентками. Для доскональной проверки пассажиров требовалось много времени, но его не было и обыски носили поэтому весьма поверхностный характер. Чиновник ощупал карманы моего пиджака и затем

спросил, не везем ли мы оружия. Ответ, конечно, последовал отрицательный. Тогда чиновник тщательно проверил наши паспорта и пришел, очевидно, к заключению, что мы не принадлежим к опасным террористам.

Перелет через Атлантический океан прошел без всяких инцидентов и в парижский аэропорт Орли мы прилетели на полчаса раньше расписания. Наш приезд случайно совпал с юбилейной датой крупного исторического события: тридцать лет назад — 22 июня 1941 года — гитлеровские армии вторглись в пределы Советского Союза. Произошло это в тот момент, когда «фюрер» одерживал победу за победой, находился в апогее своей славы. Югославия и Греция были раздавлены после Франции, на острове Крите высадились немецкие парашютисты, у Великобритании были большие трудности в Ираке, где вспыхнуло восстание Рашида Али, а фельдмаршал Роммель перешел в контр-наступление в Африке и заставил англичан очистить Ливию. Германия казалась непобедимой.

После этих успехов у Гитлера закружилась голова и он решил ударить по своему бывшему союзнику — Сталину. Для русских беженцев, заброшенных в самые глухие уголки Франции, эти события явились полной неожиданностью. Меня они застали в Лионе, куда я накануне приехал из Лиможа в надежде найти какое-либо занятие. В Лиможе это было совершенно невозможно.

Вслед за вторжением на советскую территорию последовало, по требованию немцев, распоряжение французских властей об аресте всех выходцев из России, будь они советские граждане или беженцы с Нансеновскими паспортами. Мы принадлежали ко второй категории и решили поспешно вернуться в Лимож, где находились тогда мой отец и младший брат, дожидав-

шиеся американской визы. Нам — жене и мне — хотелось быть в этот момент вместе со своими.

Неприятностей в Лиможе нам удалось на этот раз избежать. Русских продержали под арестом всего 24 часа, а затем отпустили по домам. Поэтому мы застали отца и брата уже на свободе. Тем не менее я явился в полицию и сказал, что провел два последних дня в Лионе. Обошлось без последствий. Получил только выговор за поездку в Лион без соответствующего разрешения.

Таким образом, мы снова очутились в Лиможе и на этот раз застряли там надолго. Провели в этом городе свыше двух лет и сколько за это время было пережито! Сперва французы отправляли меня в рабочий лагерь, затем пытались послать на принудительные работы в Германию. Всякий раз мне везло. От лагеря меня неожиданно освободил главный комиссар по делам иностранцев, а от поездки в царство Гитлера — пожилой французский врач, у которого я проходил медицинский осмотр. Он признал меня «негодным» и отпустил на все четыре стороны.

Я стал фаталистом, но все-же после освобождения от поездки в Германию решил, что не следует больше искушать судьбу и нужно окончательно покинуть Лимож. 30 ноября 1943 года, в день праздника Всех Святых, мы навсегда уехали из Лиможа...

Лимож

Нашу «сентиментальную поездку» мы начали поэтому с Лиможа. Тридцать лет тому назад наша поездка из Парижа в Лимож — мы ехали на автомобиле — продолжалась шесть дней. На этот раз мы ехали по железной дороге и через четыре часа были уже на месте.

Когда мы вышли с вокзала, самого монументаль-

ного здания во всем городе, — я совершенно не узнал того Лиможа, который приютил нас во время мировой войны.

За минувшие три десятилетия город изменился до неузнаваемости. Большинство улиц были переименованы. Так, например, Авеню маршала Петэна превратилось в Авеню генерала де Голля, а одна из главных улиц называлась Бульваром Освобождения. Наш последний адрес в Лиможе — 19 рю Бельфор, где помещалась мансарда, в которой мы прожили полтора года — найти мы никак не могли. А затем выяснилось, что дома этого больше не существует — он сгорел до тла. Узнать у соседей о судьбе его обитателей толком ничего не удалось.

Это было первое большое разочарование, за которым последовали другие. Направляясь в Лимож, я твердо решил позвонить по телефону тому самому коммерсанту, у которого мы хранили наши вещи. Мне хотелось спросить его, не нашел ли он за это время подмененный в кольце брильянт. В телефонной книге его не оказалось, а когда я спросил хозяйку того отеля, в котором мы остановились, то узнал от нее, что человек, которого я искал, умер несколько лет назад.

Из воспоминаний прошлого мы нашли только отель, в котором жили отец с братом. Тогда он, по сравнению с нашей мансардой, казался нам недосягаемой роскошью. А теперь мы не решились бы провести в нем одну ночь, настолько он показался нам убогим и запущенным.

Целый день мы бродили по улицам города в надежде отыскать знакомые места. Попытки наши успехом не увенчались и на следующий день утром мы решили поехать в деревню Вабр, где укрывались после Лиможа. Наш путь лежал через Тулузу. Теперь нам по-

надобилось около четырех часов, а тогда — 30 ноября 1943 года — эта поездка продолжалась вдвое дольше.

Жандармы

На этот раз никаких происшествий во время поездки из Лиможа в Тулузу не произошло. Приехали мы в этот город к полудню и остановились в отеле у вокзала. Решили на следующий день выехать в Кастр.

Через полчаса после приезда пошли в ресторан завтракать. Когда выходили из отеля случайно обратили внимание на двух жандармов, стоявших там, где регистрируют в отеле гостей. Когда-то, в мрачные дни оккупации, жандармы вызывали вполне оправданные страхи — они выполняли приказы оккупационных властей.

Мы вышли из отеля и стали пересекать вокзальную площадь, как совершенно неожиданно перед нами выросли те самые жандармы, которых мы минуту назад заметили в отеле. Они, как оказалось, пошли за нами, обогнали нас и потребовали предъявления документов.

На ловца и зверь бежит, подумал я, и с явным удовлетворением вытащил из кармана наши американские паспорта. Тут же выяснилось, что жандармы заинтересованы не столько во мне, сколько в моей жене. Они тщательно проверили ее паспорт и обратили особое внимание на ее русское происхождение.

Очень скоро они убедились, однако, что подозрения их совершенно неосновательны. Тогда я перешел в наступление и стал допытываться, чем вызван этот неожиданный инцидент. В ответ на мои вопросы, один из жандармов вытащил из бумажника небольшую фотографию средних лет женщины, и протянул ее мне.

— Мы разыскиваем эту особу, сказал жандарм.

В чем эта женщина провинилась, — узнать мне не

удалось. Жандармы решительно отказались сообщить какие-либо подробности этого дела, несмотря на то, что у меня оказалось с одним из жандармов много знакомых. Он принадлежал, в годы гитлеровской оккупации Франции, как выяснилось из дальнейшего разговора, к тому же сектору Сопротивления, что и я. Мы вспомнили много общих знакомых и расстались друзьями.

На следующий день мы покинули Тулузу, выехали в Кастр.

В годы оккупации в этом городе стоял 10-тысячный немецкий гарнизон. Через несколько дней после высадки союзников в Нормандии, гарнизон этот сложил оружие. Весь командный состав, среди офицеров было не мало надевших немецкую форму поляков, был доставлен в нашу деревню, где помещался штаб десятого округа Сопротивления. У пленных отобрали оружие, сложили его в большом гараже в центре деревни, а пленных офицеров разместили в двух пустовавших домах.

В последний наш приезд Кастр встретил нас мелким осенним дождиком. Вопреки ожиданиям, в городке этом оказался исключительно благоустроенный отель — в нашем номере стоял даже телевизор и передачи были хорошо видны.

Но в Кастре меня ждало новое разочарование. Железнодорожное сообщение с нашей деревней Вабр больше не существовало. Вместо поезда попасть туда можно было только на автобусе, который ходил один раз в день и при том очень рано — около 7 часов утра.

В ожидании хорошей погоды мы провели несколько дней в Кастре, но изо дня в день лил дождь и от поездки в Вабр пришлось отказаться. Плохую погоду мы использовали для посещения музеев. В старинном

здании мэрии оказалось целых два музея. Один был посвящен великому испанскому художнику Гойе, другой — народному трибуну Жану Жоресу, родиной которого был Кастр.

Мое «сентиментальное путешествие» закончилось посещением этого города. Оттуда мы вернулись в Тулузу и в тот же вечер выехали поездом на юг Франции, в Ниццу. Увидеть Ривьеру было давнишней моей мечтой, но осуществить эту мечту удалось только через 25 лет после того, как я покинул Францию, в которой прожил 13 лет.

Поезд уходил в 11 часов вечера, шел он вдоль Средиземного моря и, минуя Марсель и Тулон, около 10 часов утра мы приехали в Ниццу.

Город цветов

Первое впечатление от Ниццы — изобилье цветов. Начиная с вокзала и кончая цветочным рынком, где за несколько франков можно купить огромный букет роз или гвоздик, — весь город фактически утопает в цветах.

Мы остановились в одном из рекомендованных нам отелей, на славящейся во всем мире Променад-де-з-Англэ. Из окон нашей комнаты открывался изумительный вид на вечно синее море, которое на горизонте сливается с небом такого же цвета.

В этой комнате мы провели только одни сутки. Всю ночь не могли сомкнуть глаз ,так как автомобильное движение на Променад не прекращается ни на минуту. Поэтому мы поспешно перебрались из этого отеля и устроились в другом, в одном квартале от пляжа.

Во время мировой войны Ницца была оккупирована итальянцами. Немцы появились только к самому концу и успели, тем не менее, наделать много бед. По

примеру Парижа, где к многочисленным зданиям прикреплены, сделанные из мрамора, дощечки с упоминанием имени того или иного французского патриота, убитого немцами в этом месте, — в Ницце этих страшных напоминаний о прошлом великое множество.

На одной из главных улиц мне бросилась в глаза следующая выгравированная на дощечке надпись: «7 июля 1944 года здесь был повешен французский патриот Оже Грасси. Прохожий, склони голову и вспомни об этом преступлении».

Когда я переписывал эту надпись, ко мне подошел пожилой француз и рассказал, что был случайным свидетелем этой казни. 22-летний Оже Грасси был повешен на фонаре и, для устрашения обитателей Ниццы, палачи запретили снять тело их жертвы. Труп висел в течение нескольких дней.

В Ницце мы прожили две недели. Отдыхали и наслаждались солнцем. За все время не было ни одного плохого дня. Вставали рано и проводили несколько часов у моря. Днем гуляли и осматривали город.

На третий день после приезда поехали в Монте-Карло. Сообщение с Монте-Карло поддерживается автобусами. Они отходят каждые полчаса. Билет стоит 3.25 франка, т.е. примерно 65 американских центов. Поездка продолжается минут сорок. Автобус круто поднимается в гору и при каждом повороте перед глазами пассажиров открывается исключительная по красоте панорама — лежащая далеко внизу бухта Монте-Карло с бесчисленным количеством парусных яхт и моторных лодок. Автобус мчится по краю обрыва и чем выше он поднимается, тем становится страшнее. У вас захватывает дыхание и вы боитесь выглянуть в окно. Ваши страхи, однако, совершенно напрасны. Шоферы автобусов — настоящие виртуозы. На мой вопрос, не про-

исходят ли катастрофы — я услышал в ответ, что за последние 20 лет не было зарегистрировано ни одного несчастья.

Когда мы уезжали из Парижа в «сентиментальное путешествие» и рассказали друзьям, что собираемся побывать также на Ривьере — они дали нам адрес постоянно проживающей в Монте-Карло русской дамы и рекомендовали ее посетить. Сойдя с автобуса, мы принялись искать этот адрес и обратились за справкой к первому прохожему. Это был пожилой господин, шедший нам навстречу. Из ответов его мне показалось, что незнакомец говорит по-французски с определенным иностранным акцентом, — так, как говорят обычно русские. Мои предположения оправдались: случайный встречный оказался соотечественником, постоянно проживающим в Монте-Карло.

Когда мы представились друг другу, он сказал, что фамилия моя ему хорошо знакома и что его родственник — А. Ф. Головин — был председателем Государственной Думы второго созыва, депутатом которой был мой отец.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что искать ту даму, адрес которой мы получили в Париже и которую он отлично знает, не имеет никакого смысла, так как застать ее дома очень трудно — она проводит все время на пляже.

Русская колония Монте-Карло, сообщил новый знакомый, насчитывает теперь всего 10-12 человек. Все это пожилые люди, кое-как существующие на скромные средства. Найти работу в Монте-Карло почти невозможно. Обычно это — случайные заработки, повторяющиеся очень редко.

Наше первое посещение Монте-Карло ограничилось осмотром прославленного во всем мире Казино.

Чтобы попасть внутрь огромного игрального зала нужно было пройти через строгий контроль — предъявить паспорта и другие удостоверения личности. Несмотря на ранний час — было около 11 часов утра — народу у игральных столов было довольно много. Но публика была очень серая — мужчины имели вид приказчиков, а среди женщин, которых было большинство, преобладали скромно одетые старушки. Игра была очень мелкой.

На следующий день, на этот раз было это вечером, мы посетили новое казино Ниццы в Средиземноморском дворце на Променад-де-з-Англэ, в двух шагах от наиболее фешенебельного отеля Негреску.

Билет для входа в игорный зал стоит в Ницце 5 франков и действителен на один день. По примеру Монте-Карло, необходимо пройти через строгий контроль. Игорный зал в ниццском казино огромный. В нем столов 10-12 и над каждым укреплена надпись — ставка 20 франков, 50 франков, 100 франков и т.д.

Публики, когда мы были, было немного, но она была, пожалуй, более нарядной, чем в Монте-Карло. Объяснялось это, вероятно, тем, что там мы были утром, а здесь вечером. Иностранной речи почти не было слышно. Наиболее оживленно было у стола, где игра шла в «железку». Банк держал разбогатевший на вид лавочник, который успел еще до нашего прихода основательно выиграть — около него лежала большая кучка фишек по 1.000 франков. Он тщетно искал желающих сыграть против него «ва-банк». Но найти таких ему не удавалось и он вынужден был играть только на часть находившихся в банке денег. Счастье ему не изменяло и он продолжал выигрывать.

Спустя несколько дней мы вторично посетили Монте-Карло. На этот раз мы ехали вечером на гастрольный

спектакль в местном театре парижской Комеди Франсез, первого театра Франции. Шла бессмертная комедия Мольера «Мещанин во дворянстве». Роль состоятельного мещанина Журдена, возомнившего себя аристократом, была поручена выдающемуся артисту Луи Сенье. Провел он свою роль совершенно бесподобно, да и вся остальная труппа состояла из первоклассных сил. Этот спектакль запомнился на всю жизнь.

Театр Монте-Карло расположен в том же здании, что и Казино. По своим размерам театральный зал очень небольшой, но исключительно уютный. Все места на спектакль Комеди Франсез были проданы и заполнившая театр публика была исключительно нарядной. Редко когда приходилось видеть на женщинах такое количество драгоценностей и столь изысканные наряды.

В Ниццу мы возвращались после спектакля последним автобусом — в 12 часов ночи. Поездка при свете фонарей была феерической. Автомобильного движения не было почти никакого и шофер нашего автобуса развил максимальную скорость. Мы приехали поэтому на четверть часа раньше расписания.

В одно из двух, проведенных в Ницце воскресений, мы посетили исключительно красивый, расположенный высоко над городом, русский православный храм. Молящихся было много и особенно бросалось в глаза большое количество говорившей по-французски молодежи.

Накануне отъезда из Ниццы мы попали на балетный спектакль под открытым небом, в программе которого выступал несравненный Нуреев, а вечером следующего дня выехали из Ниццы в Женеву.

Коппэ

До возвращения в Париж и обратного полета в Нью-Йорк, мы провели еще целую неделю в чудесном швейцарском курорте Нион, на берегу Женевского озера.

Местечко это славится своей древностью. Оно было основано римлянами 2.000 лет назад и в 1958 году торжественно отпраздновало этот юбилей. Кое-где сохранились еще римские постройки. На самом берегу озера возвышается построенная римлянами из белого мрамора прекрасная арка, а рядом с нею многочисленные развалины других построек, относящихся к периоду расцвета Римской империи.

В двух шагах от Ниона находится еще один исторический памятник — замок Коппэ, принадлежавший когда-то министру финансов короля Франции Людовика XVI, барону Жаку Неккеру, по настоянию которого были созваны в 1789 году Генеральные штаты. Прославился этот замок тем, что в нем долгие годы жила дочь министра — выдающаяся писательница, баронесса де Сталь, не ладившая с Наполеоном. По приказу Бонапарта, ей пришлось покинуть Францию и удалиться в изгнание. Своим местожительством она избрала именно Коппэ, замок отца, которого боготворила.

До отъезда из Парижа у жены шведского посла, баронессы Сталь, был один из наиболее посещаемых столичных салонов, в котором встречались сливки общества. Среди посетителей был цвет французской интеллигенции, наиболее видные писатели и художники, политические деятели и дипломаты.

Но и после изгнания мадам де Сталь никто не забыл. Одним из первых посетил Коппэ автор знаменитого романа «Красное и черное» Стендаль, который

назвал этот замок «генеральными штатами европейского общественного мнения».

Замок Коппэ расположен примерно на полпути между Нионом и Женевой. Мы добрались до Коппэ по железной дороге. Поезд шел минит 20, а от вокзала до замка — не больше 10 минут ходьбы.

Замок стоит в огромном парке и тонет в зелени. Выстроен он был в тринадцатом столетии и представлял неприступную крепость. По бокам возвышались башни, а вокруг замка были вырыты наполненные водою рвы. Теперь от крепости, кроме одной сохранившейся башни, ничего не осталось.

В замке, который в 1784 году был куплен за 500.000 французских ливров Неккером, два этажа. В первом этаже приемные комнаты и библиотека. На одном из находившихся в библиотеке столов стоит ларец, на крышке которого красуется следующая надпись: «Оправдательные документы по отчету королю за месяц январь 1781 года». Этот отчет о расходах и пенсиях французского двора должен был храниться в секрете. С разрешения или, возможно, без разрешения министра финансов Неккера, отчет был, однако, опубликован и произвел в стране впечатление разорвавшейся бомбы. Настолько были баснословны по своим размерам пенсии некоторых фаворитов королевы. Опубликование отчета привело в бешенство короля. Людовик обвинил во всем своего министра финансов Неккера, который вынужден был уйти с поста министра и отказаться от всех намеченных мер по экономии государственных расходов. Вполне понятны становятся поэтому слова, сопровождавшего нашу группу туристов, гида, который весьма справедливо заметил, что содержание ларца явилось одной из причин французской революции.

На первый этаж замка ведет широкая лестница и вы прямо попадаете в большой зал, из окон которого открывается восхитительный вид на огромный парк и на горы с заснеженными вершинами на горизонте. А на стенах зала, в котором происходили балы и ставились спектакли — сама мадам де Сталь была незаурядной артисткой — висят гобелены XVI и XVII веков и многочисленные семейные портреты. Знатная владелица замка Коппэ была прославлена во всей Европе и позировала она лучшим художникам того времени.

У Сталь было трое детей — два сына Август и Альберт и дочь Альбертина. Когда младшему сыну исполнилось 20 лет он поехал в Швецию, познакомился и повздорил там с русским офицером, который убил молодого Сталя на дуэли.

Для тщательного осмотра замка Коппэ потребовалось несколько часов. Сопровождавший нас гид рассказал происхождение и историю каждой находящейся в замке вещи и особое внимание уделил вражде между писательницей и Наполеоном. Мадам де Сталь скончалась в 1817 году, когда главный ее враг, борьбе с которым она посвятила всю свою жизнь, находился уже на маленьком острове Св. Елены.

Из Коппэ в Нион мы вернулись на пароходе по Женевскому озеру, а два дня спустя были уже в Париже и через несколько дней летели обратно в Нью-Йорк. Настроение у нас было прекрасное. Никто не мог предвидеть, что через неделю произойдет крупная неприятность.

Эпилог

Начну с признания — я принадлежу к разряду мнительных людей, боюсь всего на свете. Именно поэтому друзья относятся к моим «недомоганиям» весьма

критически и не выражают обычно большого беспокойства.

Так было до сих пор, но теперь произошло нечто из ряда вон выходящее. Расскажу все по порядку.

На следующий день после возвращения из отпуска, проведенного, как обычно, в Европе, я явился на работу в редакцию газеты. Мне предстояло теперь заменить уезжавшего на отдых коллегу, т.е. работать семь дней в неделю. Особая ответственность лежала на выпуске понедельничного номера. Для него приходилось работать в ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье утром.

После длительного отпуска я вышел, конечно, из колеи и решил подготовить заранее не-актуальный, но интересный для читателя материал. Работа пошла у меня настолько успешно, что я принял приглашение на обед к друзьям, который должен был состояться в ту субботу, когда мне предстояло провести ночь за пишущей машинкой. Я решил, что начну работать позже обычного и тем не менее успею, так как имею много заготовленного заранее материала.

Кроме нас двоих, жены и меня, гостей на обеде было мало. Начался он, как полагается, с водки и многочисленных закусок. После третьей рюмки я почувствовал какую-то неопределенную боль в груди. Она стала быстро усиливаться. Пришлось встать из-за стола и перейти в гостиную. Там я снял пиджак и распустил галстук, но не почувствовал никакого облегчения. Меня бросило в холодный пот и я побледнел, по словам присутствовавших, как полотно.

Жена предлагала ехать домой и мне это было очень по душе. Мы были убеждены, что мое недомогание связано с желудком и боли вызваны чрезмерным количеством кислот. Но решительно воспротивилась отъ-

езду домой очаровательная хозяйка дома и нужно отдать ей должное — своей жизнью я обязан только ей.

Ничего не говоря, хозяйка побежала за жившим в их доме врачом. Мне очень повезло — доктор был у себя, совершенно случайно не уехал на конец недели. Через минут давдцать он поднялся наверх, взглянул на меня, пощупал пульс и, ни слова не говоря, пошел вызывать по телефону автомобиль скорой помощи, чтобы доставить меня в больницу.

На робкий вопрос жены, нельзя ли все же отвезти меня домой, последовал решительный ответ:

— Поступайте, как хотите, но имейте ввиду, что вся ответственность ляжет на вас...

Разговаривать больше было не о чем. Грудь у меня продолжала мучительно болеть. Проявляя сугубую осторожность, врач отказался впрыснуть болеутоляющее средство и ограничился замечанием, что все необходимое будет сделано в больнице.

В ожидании посланного полицией автомобиля скорой помощи очень медленно текло время. Жена и хозяин дома всячески пытались меня подбодрить, а я купался в холодном поту и все мне казалось безразличным.

Скорую помощь пришлось ждать довольно долго. За мной приехали два огромных негра. К удивлению моему, — носилок у них не было. Вместо носилок был металлический стул. Они усадили меня на этот стул и на лифте спустили вниз. Жена и хозяин дома получили разрешение сопровождать меня в больницу. В глубине души я все еще не терял надежду, что врачи в госпитале определят у меня желудочное заболевание и разрешат вернуться домой.

Меня внесли на стуле в стоявший перед домом автомобиль и поставили стул посреди машины. Жена

и ее спутник уселись сзади на скамейке. Автомобиль тронулся в путь (с большим трудом удалось уговорить шофера доставить меня в больницу имени Рузвельта).

Путешествие в больницу оказалось сплошным кошмаром. У автомобиля не было, очевидно, рессор и нас бросало из стороны в сторону. Чтобы не дать мне свалиться со стула, сопровождавший нас негр уселся на мою ногу и так мы доехали до госпиталя.

Из автомобиля скорой помощи, напоминавшего скорее первобытную колымагу, меня вынесли уже на носилках. Когда раздевали присутствовал молодой дежурный врач. Он сделал мне первое болеутоляющее впрыскивание. Мне кажется, что это был морфий. В тот момент я все еще не терял надежды, что меня отправят домой — никак не мог себе представить, что стал жертвой сердечного припадка.

Чтобы окончательно выяснить положение, я собрался с силами и обратился с вопросом к доктору. Ответ был весьма неутешительным.

— У вас — сердечный припадок, сказал доктор.

Таким образом, о возвращении домой не могло быть и речи. Больше того, доктор счел нужным меня предупредить, что «всякий сердечный припадок представляет опасность» и мне следует иметь это ввиду.

Несмотря на чрезмерную мнительность, — предупреждение это не произвело на меня должного впечатления. Теперь, когда вспоминаю об этом, объясняю это тем, что не отдавал себе полного отчета в происходившем, и было это потому, что я находился уже под наркозом. Боли в груди после впрыскивания стихли и состояние у меня было уже блаженное.

Из приемных покоев меня доставили в самое «серьезное» отделение больницы — «Интенсив кэр», где доктора и сестры дежурят 24 часа в сутки. Уложили

меня на кровать, у которой со всех сторон были поднимавшиеся и опускавшиеся решетки. На левой стороне груди, как раз над сердцем, прикрепили две матерчатых звезды на проводе, который был соединен со стоявшим рядом с кроватью аппаратом. Аппарат этот контролировал деятельность сердца и давал тотчас же сигнал — раздавался звонок, если сердце начинало плохо работать. (Кстати, точно такие же звезды имеются на костюмах астронавтов и я неоднократно их видел на появлявшихся в газетах и журналах фотографиях пассажиров космических кораблей. При помощи этих звезд, наземные станции контролируют работу сердца отважных путешественников).

Принимая во внимание исключительно тяжелое положение находившихся в нашем отделении больных, — доступ посетителей был открыт круглые сутки. Находились посетители в прилегающей к палате приемной и могли проводить там ночи напролет. К больному они допускались каждый час, но не больше чем на 5 минут.

Около 1 часу ночи я увидел у постели жену. Она принялась мне что-то говорить, целовала меня и всячески пыталась внушить мне бодрость... А я в тот момент совершенно не думал о грозившей мне опасности, мысль о смерти ни разу не пришла мне в голову, и беспокоился я только о том, как жена доберется в такой поздний час до дому. Легче на душе мне стало только тогда, когда я увидел за женой гостеприимного хозяина, в доме которого случилась со мною беда.

Несмотря на запрет, мои визитеры оставались минут десять и я обратил внимание, что жена как-то странно на меня смотрит. Причину этого я узнал значительно позже, когда вернулся из больницы домой. Оказалось, что осмотревший меня врач предупредил жену, что шансов у меня на выздоровление нет никаких. Этим

объяснялся показавшийся мне странным взгляд жены. Она, очевидно, была убеждена, что видит меня в последний раз.

В «Интенсив кэр» я оставался пять дней. События первых трех дней я помню очень смутно. Мне казалось, что я переселился в какой-то фантастический мир. В палате, как я узнал позже, было всего шесть кроватей. Все они были заняты и между ними двигались медицинские сестры, которые тогда казались мне какими-то сказочными феями — настолько они были приветливы и исполняли каждое ваше желание. К тому же они были совсем молодыми и имели исключительно привлекательную внешность.

Первые две ночи мне снились кошмары. Я просыпался посреди ночи и никак не мог сообразить, где нахожусь. В нескольких шагах от моей кровати находилось окно и из окна падал свет... И в первую ночь я почему-то твердо решил, что нахожусь в каком-то замке, который стоит высоко в горах, на краю страшной пропасти. Мне захотелось подойти к окну и я пустился в опасную авантюру. Вместо того, чтобы спокойно лежать, как мне было строго-настрого предписано, — я стал слезать с кровати. Было это не легко, так как со всех сторон были решетки. С большим трудом мне удалось кое-как спустить ноги, но как только одна из них дотронулась до холодного пола я пришел в себя и полез тотчас же назад. Каким-то чудом, эта безумная выходка не имела никаких неприятных последствий.

На следующую ночь повторился тот же кошмар. Только на этот раз мне снилось, что я нахожусь в руках каких то бандитов, заперевших меня в неприступный замок. Я проснулся среди ночи и увидел у кровати сестру. Она протягивала мне лекарство. Я наотрез от него отказался — мне казалось в тот момент, что имею

дело вовсе не с сестрой, а с подосланной бандитами женщиной, которая собирается меня отравить. Никакие уговоры не помогли — лекарства я не принял и несколько минут спустя спал беспробудным сном.

Кстати, сон был самым целебным средством и, как мне теперь кажется, я спал с небольшими промежутками дни и ночи напролет. В результате я потерял всякое представление о времени. Просыпался вечером и мне казалось, что теперь утро, звал жену, дежурившую в соседней комнате и сердился, когда она не приходила. А затем выяснялось, что было тогда не 9 часов утра, а 2 часа ночи и жена давно ушла домой.

Меня пичкали лекарствами и я находился поэтому в полусознательном состоянии. После возвращения домой из больницы, жена рассказывала, что я говорил первые несколько дней какие-то несуразные вещи. Навещавший меня ежедневно брат был однажды так напуган моими бессвязными речами, что обратился с вопросом к врачу. Тот его успокоил и сказал, что это — обычное в таких случаях явление.

Несмотря на пессимистические диагнозы врачей, мне с каждым днем становилось легче. Через пять дней меня перевели из отделения «Интенсив кэр» на втором этаже на одиннадцатый этаж, где находятся комнаты для выздоравливающих. Там я провел еще четыре недели. Только тогда мне разрешили выписаться из больницы. Я вернулся домой и после этого еще шесть месяцев приходил в себя...

ИСПОВЕДЬ

ИСПОВЕДЬ

Этому рассказу я хочу предпослать несколько слов. Объяснить его происхождение. Он не имеет прямого отношения к моей биографии, но тесно связан с имевшими место событиями. Дело в том, что через полтора года после сердечного припадка, — я снова угодил в больницу. Мне предстояла глазная операция.

Перед уходом в больницу, я привел в порядок груду бумаг. Очищая один из ящиков письменного стола, наткнулся на вырезанное из русской газеты маленькое объявление, напечатанное несколько лет тому назад. Текст этого объявления гласил: «Ищу место при больном или больной. Предпочту слепого или слепую». Далее был указан телефон и фамилия заинтересованного в этом занятии мужчины. Помню, что объявление это, которое я случайно заметил, меня очень поразило и я вырезал его поэтому из газеты.

Лежа после глазной операции в больнице, я много думал об авторе этого удивительного объявления и, когда вернулся домой, решил посвятить незнакомцу рассказ. Озаглавил я его «Исповедь».

Меня арестовали вчера ночью. И теперь я чувствую облегчение: будто гора свалилась с плеч.

Арест не явился сюрпризом. Я знал, что постоянно рискую свободой, и спокойно шел на это. Сейчас меня страшит только одно — судьба Елены. Что будет с нею? Перенесет ли она этот удар?

Когда Елена узнает всю правду, — я буду в ее глазах не только простым уголовным преступником, но и негодяем. У нее будут для этого все основания. Поэтому я хочу оправдаться перед нею, убедить эту женщину, что пытался ее осчастливить.

Пусть Елена знает, что я женился на ней не для того, чтобы воспользоваться ее физическим недостатком (мысль эта может довести до самоубийства!), а потому, что хотел сделать доброе дело.

Я принес себя в жертву и хотел этой жертвой искупить маленькую долю своей вины и облегчить свою совесть.

Выходя за меня замуж, Елена не нашла нужным поинтересоваться тем, кто будет ее мужем. Но разве это можно было от нее требовать? Я был первым мужчиной, который ей сделал предложение. За всю свою жизнь, Елене в момент нашего брака было 34 года, у нее не было ни одного претендента. Поэтому удивляться легкомыслию этой женщины не приходится. Она бросилась в объятия первого мужчины, а мужчина этот оказался преступником.

Жизнь довела меня до преступления.

Я родился в очень беспокойную эпоху. Слишком много переживаний: революции и войны, пытки и газовые камеры...

Много людей мечтают о спокойной жизни, о кисейных занавесках на окнах и о канарейке в клетке. Другим нужны только сильные переживания. Без этих переживаний жизнь становится не в жизнь.

Мне суждено было слишком много пережить, слишком часто рисковать своей жизнью.

В моей биографии не одна, а две каторги: сперва советская и затем гитлеровская. Две великих войны — первая и вторая, гражданская с большевиками на юге

России и борьба с гитлеровскими оккупантами на севере Франции.

Когда всю жизнь имеешь дело с людьми в облике зверей, сам поневоле становишься зверем и теряешь все моральные устои. Поэтому я считаю излишним говорить о каких-то сдерживающих центрах. Их у меня больше не существует. Для достижения цели — все средства хороши. Особенно в наш безумный век, когда человеческая жизнь не стоит ломаного гроша. Можно ли после всего этого устоять перед какими-то соблазнами?

Мои руки были в крови. Спасаясь с Колымы, я убил двух чекистов. На войне расстреливал немецких шпионов и безжалостно расправлялся с предателями в рядах Сопротивления.

А затем наступил мир, когда некого было больше убивать и не от кого больше спасаться.

Свыкнуться с нормальной обстановкой, вернуться к нормальному образу жизни, поступить на службу или стать шофером такси — казалось немыслимым.

Волею судьбы попал я в Париж. Моя профессия, — я по призванию художник, — меня не кормила. Я бедствовал и когда окончательно стало невмоготу, в голове созрела мысль о самоубийстве. Но на этот поступок у меня не хватило силы воли. Человек может много раз рисковать своей жизнью, но никогда не решится сам наложить на себя руки. Так, по крайней мере, было со мною.

А, может быть, значение имел и Париж. Я влюбился в этот город. Целыми днями бродил по бульварам и узким улочкам Латинского квартала, пропадал в Лувре, и часами просиживал в Тюильрийском саду, упирающимся в самую красивую площадь в мире — Конкорд, площадь Согласия.

. . . .

Мне хочется прервать свою исповедь и обратиться к дневнику, который я вел в Париже.

Когда за мною пришла полиция, я захватил этот дневник. Я не хотел, чтобы содержание дневника стало известно Елене.

Открываю его наугад.

....

Париж, 10 октября 195... г.

Неделя, как голодаю. Картины мои не пользуются успехом у французов. Холод в мансарде гонит на улицу. Денег на комнату в отеле у меня нет. Часами просиживаю в маленьких бистро. Последние франки трачу на отвратительное кофе, напоминающее бесвкусную бурду. К счастью, чашка кофе стоит всего 15 франков.

Все мое состояние — несколько сот франков. Не хочу думать о том, что будет дальше.

Париж, 15 октября 195... г.

Просматривая сегодня русскую газету, наткнулся на объявление. Какая-то женщина страдает от одиночества, хочет наладить переписку с мужчиной. Упоминает о возможности брака.

Написал ей, от нечего делать, письмо. Адреса своего не указал и предложил писать на главное отделение почты Латинского квартала «до востребования».

Париж, 23 октября 195... г.

Только что зашел на почту и нашел первое письмо от неизвестной корреспондентки. Живет она, оказывается, в Ницце.

Париж, 10 ноября 195... г.

Наша переписка в полном разгаре. Письма Лидии, — так зовут мою новую знакомую, — доставляют мне

огромное удовольствие. Я забываю все невзгоды. Жить стало легче.

Париж, 5 декабря 195... г.

Тревожное письмо из Ниццы. Лидия лежит в больнице. Через две недели ей предстоит сложная глазная операция. Тем не менее, Лидия совершенно спокойна, уверена, что операция пройдет благополучно.

«После операции, — пишет Лидия, — я хочу во что бы то ни стало с Вами познакомиться. Если Вам трудно приехать в Ниццу, я приеду в Париж».

Париж, 16 декабря 195... г.

Осталось три дня до операции Лидии. Операция эта меня очень волнует. За минувший месяц я страшно привык к этой переписке и когда несколько дней нет от Лидии письма, я хожу как потерянный. Кто мог подумать, что я смогу так сильно привязаться к женщине, которую никогда не видел в жизни?

А что если операция не удастся, и Лидия умрет под ножом хирурга?...

Париж, 19 декабря 195... г.

Эту ночь не сомкнул глаз. До 2 часов утра сидел в бистро, а затем блуждал по пустынным улицам Парижа. На рассвете вернулся домой, лег, не раздеваясь, но заснуть не мог. Взглянул на часы — 7 часов утра. Через два часа оперируют Лидию. Вчера вечером отправил телеграмму в Ниццу. Просил телеграфно известить об исходе операции.

Высчитываю время, когда придет эта телеграмма. Вероятно, раньше 2 часов дня ее не получу. Осталось ждать еще семь часов.

Не берусь передать мое состояние. Мне кажется,

что я совершенно невменяем. Нервы напряжены до крайности. Вспоминаю самые тяжелые и страшные моменты в моей жизни (ведь два раза меня вели на расстрел), и мне чудится, что никогда не переживал того, что переживаю теперь.

Пытаюсь забыться во сне. Безнадежно. Закрываю глаза и передо мною стоит образ женщины, которую я никогда не видел в жизни. В моем воображении Лидия — красавица с правильными чертами лица. У Лидии, так по крайней мере мне кажется, глаза цвета бирюзы. Что с ними будет после операции?

К 9 часам утра побрел на почту. Телеграмму из Ниццы получил только в три часа дня. Содержание ее очень лаконично: «Операция прошла нормально — состояние удовлетворительное».

Счастлив, что операция уже позади, но полного спокойствия нет. Я всегда испытывал какой-то необъяснимый страх перед операционной комнатой, больше всего на свете боялся больниц и клиник.

Париж, 23 декабря 195... г.

Сегодня нашел на почте письмо. Адрес на конверте написан незнакомым почерком. Взглянул на штемпель — Ницца. Дрожащими руками вскрыл письмо. Оно написано приятельницей Лидии под ее диктовку. Сама Лидия писать не может. На ее глазах повязка после операции. Несмотря на большую слабость и мучительные головные боли, тон письма очень бодрый. Под письмом какие-то каракули. Очевидно, Лидия пыталась сама подписать.

Я написал на почте ответ. Хотелось мне очень сказать Лидии несколько нежных слов, но ведь это невозможно: прочесть письмо она сама не сможет, а мне не

хочется, чтобы третье лицо знало о моих чувствах к Лидии. Это чувство покажется нормальному человеку очень неискренним — как может мужчина влюбиться в женщину, которую никогда не видел?

Париж, 27 декабря 195... г.

Несколько дней без писем из Ниццы. Теряюсь в догадках. Если завтра не будет письма, пошлю телеграмму.

29 декабря 195... г.

Пишу в поезде. Завтра утром буду в Ницце. Впервые увижу Лидию. Страшное свидание.

Женщину, к которой я привязался и, как мне кажется, полюбил, я увижу в гробу.

Мне очень трудно собраться с мыслями и описать события последних двух дней.

После продолжительного молчания пришла телеграмма о смерти Лидии. Когда мне передали на почте телеграмму, я понял, что случилось что-то непоправимое. Я долго ходил по улицам Парижа и не решался открыть телеграмму. У меня было какое-то ужасное предчувствие.

Предчувствие меня не обмануло. Телеграмма извещала о кончине Лидии и о дне похорон. Больше ни слова.

Накануне я получил деньги за исполненную мною работу. В кармане было 5.000 франков. Я немедленно пошел на Лионский вокзал и купил билет в Ниццу.

Я должен был видеть, хотя бы мертвой, женщину, которая крепко засела в моем сердце и превратилась в самое дорогое существо на земле.

Поезд уходил поздно вечером. Что я делал в промежутке между страшным известием и отходом поезда,

совершенно не помню. Домой я не пошел. Зашел в бистро и проглотил две рюмки коньяку. Затем шатался, кажется, по Люксембургскому саду.

Теперь я еду в Ниццу. Впереди бессонная ночь.

Мне хочется поделиться с кем-нибудь своим горем. Но с кем? В купе против меня сидят незнакомые люди и ведут разговоры на самые обыкновенные темы. Они никогда не поймут моих переживаний.

Я делаю виду, что читаю газету, но сосредоточиться, конечно, не могу. Не понимаю, что читаю, да и какой кому интерес, что в Тунисе вспыхнули новые беспорядки, ведутся переговоры о создании единой европейской армии и опасаются вторжения коммунистов на Формозу? Ведь моей Лидии нет больше в живых!

Ницца, 30 декабря 195... г.

Я увидел Лидию и попрощался с нею. Как-то странно писать слово «попрощался», — ведь я ни разу ее не видел живой.

В гробу лежала прелестная молодая женщина.

Я опустился перед гробом на колени. Потом прикоснулся губами к похолодевшему лбу Лидии.

Мне казалось, что Лидия не спускала с меня глаз и внимательно следила за тем, что я делаю.

«Почему мы встретились так поздно?», пронеслось у меня в голове.

Свидание с Лидией становилось мне невмоготу. Я с трудом сдерживал душившие меня слезы.

На похоронах Лидии я не присутствовал. Не было сил.

. . . .

. . . .

Сейчас я возвращаюсь в Париж и все еще не могу

себе представить, что никогда больше не получу письма из Ниццы, под которым будет стоять подпись «Лидия».

Париж, 10 января 195... г.

В Иностранный легион меня не приняли. Освидетельствовавший меня военный врач обнаружил зачатки туберкулеза и тысячу других недугов. Я не мог прийти в себя. Ведь меня нельзя даже использовать в качестве пушечного мяса.

Не представляю себе, что буду делать дальше...

Париж, 6 февраля 195... г.

Жить без алкоголя не могу. Три дня не выходил из кабаков Монмартра. Провожу там ночи напролет. На рассвете возвращаюсь пьяным домой, заваливаюсь спать, просыпаюсь под вечер и бреду на Монмартр.

Денег у меня сколько угодно. Происхождение этих денег весьма подозрительное. Месяц назад я превратился в фальшивомонетчика. Воспользовался переданным мне заказом нарисовать американскую 10-долларовую ассигнацию и теперь удачно подделываю долларовые бумажки. Стал уголовным преступником.

После смерти Лидии меня ничто больше не пугает. Мне все совершенно безразлично. В том числе и моя судьба.

Вероятно, кончу жизнь за тюремной решеткой. Человек, у которого нет сдерживающих центров, должен опуститься на дно.

Париж 17 апреля 195... г.

Сегодня несколько часов шатался по бульварам.

Минуя Мадлэн, прошел на площадь Согласия и оттуда поднялся по Елисейским полям. Моросил мелкий весенний дождик. На улицах было очень мало народу.

Я дошел до Триумфальной арки и, по старой привычке, решил поклониться могиле Неизвестного солдата. Пересечь Елисейские поля и подойти к Арке — задача не из легких. Чтобы остаться в живых, нужно очень умело лавировать между автомобилями.

В ожидании удобного момента я остановился на краю панели. Рядом со мною стояла женщина. В руке у нее была выкрашенная в белый цвет палка — отличительный знак слепых. Слепая не решалась пересечь Елисейские поля. Я ей предложил свои услуги.

По дороге мы обменялись несколькими словами, и я тотчас же обратил внимание на ее явный иностранный акцент. Мне показалось, что в акценте слепой было много сходного с моим произношением.

Слепая оказалась моей соотечественницей.

....

Две недели спустя слепая женщина, которую зовут Елена, стала моей женой.

Я очень быстро принял это решение. Пусть в память Лидии у меня будет слепая жена. Ведь моя возлюбленная умерла после сложной глазной операции.

Конечно, это не только альтруизм с моей стороны. Мне удобна слепая женщина. Я все еще не допускаю мысли, чтобы моя жена знала, что вышла замуж за уголовного преступника. Очевидно, у меня большое самолюбие...

....

Сегодня меня приговорили к пожизненной каторге. Елены моей я больше никогда не увижу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С заказами обращаться:
RAUSEN PUBLISHERS & DISTRIBUTORS
124 West 72 Street
New York, New York 10023
Tel. (212) 874-1547